

Том 10, № 1, 2020

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 10, No. 1, 2020

**GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO
UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES.
BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)**

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC WorldCat

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – **М.А. Эскиндаров**,
доктор экономических наук, профессор,
ректор Финансового университета,
академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, декан Международного финансового факультета Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

В.Д. Нечаев, доктор политических наук, профессор, ректор Севастопольского государственного университета;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

Р.М. Нуреев, д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

С.Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;

В.С. Степин, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН;

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета «Социология и политология» Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **А.Б. Шатилов**,
кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социологии и политологии Финансового университета

Заместитель главного редактора – **А.Г. Тюриков**,
доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Департамента страхования и экономики социальной сферы Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социологии и политологии по учебной работе и международным связям Финансового университета;

Н.А. Ореховская, доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента социологии Финансового университета

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента экономической теории Финансового университета;

Д.В. Петросяни, кандидат экономических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

Е.Е. Письменная, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

С.В. Распоргуев, доктор политических наук, профессор, заместитель руководителя по учебно-методической работе Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

П.Б. Салин, кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета;

П.С. Селезнев, доктор политических наук, заместитель первого проректора по работе с органами власти и региональному развитию Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, проректор Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е.В. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия)

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия)

Д. Кьеза, итальянский журналист и политический деятель, депутат Европарламента (2004–2009) (Италия)

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония)

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)

Д.Е. Сорокин, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Финансового университета, член-корреспондент РАН (Россия)

Ж.-Л. Трюэль, доктор наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция)

К. Уилкокс, доктор наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**,
Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University,
Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, Doctor of History, professor of Department
of history and historical archive science of Moscow State
Institute of Culture, the Chairman of Historical and Educational
Society "The Guardian";

A.N. Arinin, Doctor of Political Science, Director
of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the
State Duma of the first (1993–1995) and second (1995–1999)
convocations;

A.I. Il'inskiy, Doctor of Engineering, Professor, Dean
of the International Financial faculty, Financial University;

F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and
Defense Policy Council (SWAP), Editor in chief of the magazine
"Russia in Global Affairs";

V.D. Nechayev, Doctor of Political Sciences, Professor,
Rector of Sevastopol State University;

I.Y. Novitsky, deputy of the Moscow City Duma (1993–2014),
Head of "State and Municipal Management" Chair, International
University in Moscow;

R.M. Nureyev, Doctor of Economics, Professor, Science
and Research Coordinator of the Economic Theory Chair of the
Financial University;

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor,
Deputy Director of the Institute of the Far East, the Russian
Academy of Science;

S.N. Silvestrov, Doctor of Economics, Professor, Director of the
Institute of Economic Policy problems of economic security,
Financial University;

V.S. Stepin, Doctor of Philosophy, Professor, Full member of
the Russian Academy of Science, Academician-Secretary of the
Section of philosophy, political science, sociology, psychology
and law, the Russian Academy of Science;

V.V. Fedorov, Cand. Sci. in Political Science, Director General
of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM),
the supervisor of the faculty "Sociology and Political Science",
Financial University;

V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor,
Chief researcher at the Institute of Philosophy of the Russian
Academy of Science;

V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, deputy of the State
Duma of the VI convocation from the "United Russia", a member
of the State Duma committee on the Federal structure and Local
Government, a member of the International Academy of Social
Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor in Chief – **A.B. Shatilov**,
Cand. Sci. in Political Science,
Professor, Dean of the "Sociology and Political Science" Faculty,
Financial University;

Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Social Science, Head
of Department of sociology, Financial University;

Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political
Sciences, Professor of the Department of Political Science and mass
media, Financial University;

S. Ju. Belokonev, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor,
Head of Department of political science, Financial University;

A.N. Zubets, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher
of the Department of Insurance and Economy of Social Sphere,
Financial University;

V.V. Kaftan, Doctor in Philosophy, Professor at Department of Political
Science, Financial University;

V.A. Lapshov, Doctor of Social Science, Professor Head of the
"Sociology" Chair of Moscow State Linguistic University;

D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. in Philosophy, Associate Professor,
"Sociology and Political Science" Faculty, Financial University;

N.A. Orekhovskaya, Doctor of Philosophy, Professor, the deputy
manager of Department of sociology on education and methodical
work, Financial University

A.V. Pachkalov, Cand. Sci. in History, Associate professor, Deputy Head
of Department of the economic theory, Financial University;

D.V. Petrosyants, Cand. Sci. in Economics, Associate Professor,
Department of Political Science and Mass Communications, Financial
University, Moscow, Russia;

E.E. Pismennaya, Doctor of Social Science, Professor of Department
of sociology, Financial University;

S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy head
of educational and methodical work of the Department of Political
Science and mass media, Financial University;

P.B. Salin, Cand. Sci. (Law), director of the Center for Political Studies,
Financial University;

P.S. Seleznev, Doctor of Political Sciences, Deputy first vice rector for
work with authorities and regional development, Financial University;

G.G. Sillaste, Doctor in Philosophy, Professor of Department
of sociology, Financial University;

K.V. Simonov, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor,
the vice-rector Financial University;

A.A. Troshin, Cand. Sci. in Philosophy, Deputy Dean
for master's degree and career guidance of the "Sociology and
Political Science" Faculty, Financial University

EDITORIAL COUNCIL

E.V. Astakhova, Doctor of History, Professor, Rector
of Kharkov University for Humanities "People's Ukrainian Academy"
(Ukraine)

D. Baychun, Doctor, Professor of Beijing Pedagogical University,
director of the Cultural Center of the Sino-Russian
Relations (China)

N.M. Dolgoplov, deputy editor of the "Russian Newspaper", a member
of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of
Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers'
organizations (Russia)

T.M. Calvo Martinez, Doctor, Professor, Director of the Paris
International Institute of Philosophy (Spain)

R. Krumm, director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert
Foundation (Russia)

D. Chiesa, Italian journalist and politician, member of the European
Parliament (2004–2009) (Italy)

B. McBride, Doctor, professor, president of the International
Federation of Philosophical Societies (USA)

I. Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the
Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy
of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)

K. Matsuzato, Doctor of Law, Department of Law and Politics,
University of Tokyo (Japan)

A.N. Nysanbaev, Doctor, Professor, Full member of the Academy
of Sciences of Kazakhstan, Director of Science, Institute of Philosophy,
Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan)

D.E. Sorokin, Doctor of Economics, Professor, Science and Research
Coordinator Financial University, Corresponding member of the
Russian Academy of Sciences (Russia)

J.-L. Truelle, Doctor, a consultant for the development
of international relations between Russia and CIS countries,
Vice-President of the Association of economists
"Le Cercle Kondratieff"; professor of the University of Paris-12
(France)

C. Wilcox, Professor, Department of Government, Georgetown
University, Washington, D.C. U.S.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ, КОММУНИКАТИВНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

<i>Сургуладзе В.Ш.</i> Социальные медиа – инструменты социально-политической дестабилизации общества: уроки, тенденции, перспективы.	6
<i>Глотов В.И., Михайлов Д.М., Педанов В.А.</i> Угрозы терроризма в условиях цифровой трансформации мира и пути защиты от них.	14
<i>Зубов В.В.</i> Освещение «дела Магнитского»: анализ восприятия российской повестки через призму информационной войны.	21
<i>Барташевич Д.А., Ребрикова Н.В.</i> Рынок печатных СМИ в эпоху диджитализации	28
<i>Калитько И.И.</i> Кириллица в фэшн-индустрии как новый инструмент российской политики «мягкой силы»	33
<i>Брушкова Л.А., Кузнецов К.В.</i> Социально-экономические риски пользователей каршеринга в московском мегаполисе.	38
<i>Кармова М.Р.</i> «Геймифицируй», или почему современному образованию нужны игры (на примере студентов, обучающихся по направлениям «Социология» и «Политология»)	46

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Иксанов И.С.</i> Влияние американских и французских конституционных идей на институт современного гражданства	51
<i>Махаматов Т.М., Накова А.</i> Объективные основания национальной и этнической идентичности как самосознание этноса.	57
<i>Пачкалов А.В.</i> Бернард Барух: история успеха	63
<i>Адамская Л.В.</i> Коррупция как препятствие для гармоничного развития государственно-частного партнерства	69
<i>Афанасьева Д.А.</i> Современное состояние продовольственной безопасности в России как фактор политического риска в аграрном комплексе.	72
<i>Грузина Ю.М., Харчилава Х.П., Мухин К.Ю.</i> Изучение влияния стратегического аутсорсинга на взаимодействующий рынок в предпринимательском обучении и развитии человеческого капитала	77

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Брега А.В.</i> Политико-правовые аспекты вхождения Крымского полуострова в состав Российской Федерации: между легальностью и легитимностью	84
<i>Сперкач А.И.</i> Федеральные и региональные аспекты выборов в Мосгордуму	90
<i>Сучилина А.А.</i> Противоречия формирования исторического сознания современной российской молодежи	95
<i>Ефремов Д.И.</i> Трансформация политических инициатив украинской элиты в контексте конкуренции Российской Федерации и Запада: 2004–2014 годы	100
<i>Понявина М.Б., Селезнев П.С.</i> Увеличение количества иностранных студентов в российских вузах как элемент государственной политики в сфере образования	104

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Печенкин Н.М.</i> Динамика общественно-политических настроений и анализ результатов выборов регионального уровня 2015–2019 годов в Иркутской области	109
<i>Пятибратов И.С.</i> Сущность политического риска и его социально-экономические основания.	116

РЕЦЕНЗИИ

<i>Расторгуев С.В.</i> Рецензия на книгу Жака Рупника «Средняя Европа как двуглавая птица: о чешском прошлом и настоящем»	121
---	-----

CONTENTS

COVER STORY: NEW POLITICAL, COMMUNICATIVE,
AND SOCIO-ECONOMIC PRACTICES

- Surguladze V.Sh.** Social Media as a Tool of Socio-Political Destabilisation of Society: Lessons, Trends, Prospects 6
- Glotov V.I., Mikhailov D.M., Pedanov V.A.** Threats of Terrorism in the Context of the Digital Transformation of the World and Ways of Protection Against Them 14
- Zubov V.V.** Narrative of the Magnitsky Case: Analysis of the Perception of the Russian Agenda Through the Prism of Information Warfare 21
- Bartashevich D.A., Rebrikova N.V.** Printed Mass Media Market in the Era of Digitalization. 28
- Kalitko I.I.** Cyrillic in the Fashion Industry as a New Tool of the Russian Policy of “Soft Power” 33
- Brushkova L.A., Kuznetsov K.V.** Socio-Economic Risks for Carsharing Customers in the Moscow Megalopolis 38
- Karmova M.R.** “Gamification” or why Modern Education Needs Games on the Example of Students of Sociology and Political Sciences 46

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Iksanov I.S.** Influence of American and French Constitutional Ideas on the Institution of Modern Citizenship. 51
- Makhamatov T.M., Nakova A.** Objective Ground of National and Ethnic Identity as Self-Consciousness of an Ethnic Group 57
- Pachkalov A.V.** Bernard Baruch: History of Success 63
- Adamskaya L.V.** Corruption as an Obstacle to the Harmonious Development of Public-Private Partnership 69
- Afanaseva D.A.** The Current State of Food Security in Russia as a Factor of Political Risk in the Agricultural Sector. 72
- Gruzina J.M., Kharchilava Kh.P., Mukhin K. Yu.** Study of the Impact of Strategic Outsourcing on the Interacting Market in Entrepreneurial Training and Human Capital Development 77

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Brega A.V.** Political and Legal Aspects of the Reintegration of the Crimea into the Russian Federation: Between Legality and Legitimacy 84
- Sperkach A.I.** Federal and Regional Aspects of the Moscow City Duma Elections 90
- Suchilina A.A.** Contradictions in the formation of the historical consciousness of modern Russian youth 95
- Yefremov D.I.** Transformation of the Political Discourse of the Ukrainian Elite in the Context of Competition Between the Russian Federation and the West: 2004–2014 100
- Ponyavina M.B., Seleznev P.S.** Increase of the Number of International Students in Russian Universities as an Component of the State Education Policy. .104

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Pechenkin N.M.** Dynamics of Social and Political Attitudes and Analysis of the Results of the Regional Elections of 2015–2019 in the Irkutsk Region 109
- Pyatibratov I.S.** The Essence of Political Risk and its Socio-Economic Ground 116

REVIEW

- Rastorguev S.V.** Book Review Jacques Rupnik “Central Europe is like a Bird With Double-Headed: about the Czech Past and Present”. 121

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 10, № 1 (43), 2020

Главный редактор –
А.Б. Шатилов
Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютина
Корректоры – **С.Ф. Михайлова,**
Е.В. Маурина
Верстка – **С.М. Ветров**
Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **8 (499) 943-94-31,**
e-mail: MMKorigova@fa.ru;
Коригова М.М.

Подписано в печать 05.02.2020
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 15,6 усл.п. л.
Заказ № 97
Отпечатано в Отделе
полиграфии

Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**
Head of Scientific Journals
Editorial Department –
V.A. Shadrin
Managing editor –
Yu.M. Anyutina

Proofreaders – **S.F. Mihaylova,**
E.V. Maurina
Design, make up – **S.M. Vetrov**
Translator – **Z. Mierzwa**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office
tel.: **+7 (499) 943-94-31**
e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 05.02.2020
Format 60 x 84 1/8.
Size 15,6 printer sheets.
Order № 97
Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt)
© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-6-13
УДК 316.77(045)

Социальные медиа – инструменты социально-политической дестабилизации общества: уроки, тенденции, перспективы

В.Ш. Сургуладзе

Аналитическая группа «С.Т.К.», Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-7948-0128>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются этапы информационного противоборства в социальных сетях, направленные на трансформацию протестной активности из виртуальной среды в реальную жизнь в виде уличных акций и практических действий по изменению сложившегося социально-политического положения. Одной из ключевых угроз социальных медиа для социально-политической стабильности общества автор считает сопутствующие их стремительному развитию попытки оказывать с их помощью влияние на изменения коллективной психологии, мотивации и поведения граждан. Автор приводит примеры спайки IT-индустрии и государственных структур США, сотрудничество которых предоставляет Соединенным Штатам беспрецедентные возможности влияния на глобальную информационную среду, и анализирует опыт и методологию политической мобилизации масс в социальных сетях во время событий Facebook-революции в 2010–2011 гг. в Египте. На основании осмысления имеющегося опыта автор выделяет этапы и методы реформатирования виртуальной протестной активности в реальную, а также выявляет биографические особенности лидеров сетевых протестных движений и предлагает меры по противодействию информационным угрозам социальных медиа. По мнению автора, одним из наиболее действенных механизмов противодействия угрозам социальных медиа является реализация комплексной государственной политики идентичности, сфокусированной на поддержании и развитии сложившихся опорных точек консенсусного коллективного национального самосознания общества.

Ключевые слова: социальные сети; социальные медиа; информационная безопасность; киберсреда; методология мобилизации масс в социальных сетях; политическая психология; информационная политика; политика идентичности; ценностный суверенитет; информационное противоборство

Для цитирования: Сургуладзе В.Ш. Социальные медиа – инструмент социально-политической дестабилизации общества: уроки, тенденции, перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-6-13

ORIGINAL PAPER

Social Media as a Tool of Socio-Political Destabilisation of Society: Lessons, Trends, Prospects

V. Sh. Surguladze

“S.T.C.” Analytical group, Leading expert, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7948-0128>

ABSTRACT

The article analyses the stages of information confrontation in social networks aimed at transforming protest activity from a virtual space into real life in the form of street actions and practical actions to change the current socio-political situation. The author considers one of the critical threats of social media to the socio-political stability of society the attempts of using them to influence changes in the collective psychology, motivation and behaviour of citizens. The author gives examples of the IT industry and government agencies of the United States, whose cooperation provides the United States with unprecedented opportunities to influence the global information space and analyses the experience and methodology

of political mobilisation of the masses in social networks during the events of the Facebook revolution in Egypt 2010–2011. Based on the understanding of the real experience, the author identifies the stages and methods of reformatting virtual protest activity in the real one, as well as identifies the biographical features of the leaders of online protest movements and proposes measures to counteract the information threats of social media. According to the author, one of the most effective mechanisms to counter the threats of social media is the implementation of a comprehensive state identity policy focused on maintaining and developing the existing pivot points of the consensus collective national identity of the society.

Keywords: social networks; social media; information security; cyberspace; the methodology of mass mobilisation in social networks; political psychology; information policy; identity policy; value sovereignty; information confrontation

For citation: Surguladze V. Sh. Social media as a tool of socio-political destabilisation of society: Lessons, trends, prospects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-6-13

ГЛОБАЛЬНАЯ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ – ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ

Интернет на практике оказывается не столь очевидным инструментом поиска информации и уже не воспринимается как открытое пространство для свободного общения, так как интернет-технологии подгоняют реальность под конкретного пользователя, анализируя предшествующую историю его поведения в глобальной Сети. Нагляднее всего данная тенденция проявляется в целевой сегментированной рекламе. Все чаще фиксируются факты манипулирования социальными сетями поведением пользователей. В 2009 г. Facebook был запущен проект под названием «Индекс валового счастья» (Gross Happiness Index), с помощью которого осуществлялась попытка измерения настроения пользователей социальной сети путем анализа публикуемых ими слов и фраз. В 2012 г. компания целенаправленно меняла содержание новостных лент для 70 000 пользователей с целью анализа эффективности воздействия на их настроение [1].

СПАЙКА ИТ-БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР США

Социальные сети эксплуатируют персональные данные о пользователях и заинтересованы в максимально глубоком анализе их профилей, позволяющем без их ведома и согласия продавать целевую аудиторию рекламодателям и не только. За счет продвижения наиболее популярных публикаций с бесконечным дублированием информации снижается разнообразие формируемой Интернетом информационной среды. При этом наблюдается тенденция симбиоза социальных медиа и спецслужб. Утечки о данном процессе давно проникают в открытую печать — не только в прессу, но и в специальные издания монографического характера. Однако несомненным фактом данное взаимодействие стало после того, как о связи государственных структур и глобальных социальных

сетей стали писать представители американского истеблишмента.

Так, в бытность Х. Клинтон государственным секретарем США в американском внешнеполитическом ведомстве в рамках управления связей с общественностью было учреждено подразделение цифровых технологий, в задачи которого входит работа с социальными медиа [2, с. 679–680]. В мемуарах Х. Клинтон особый интерес вызывают упоминания об организации Госдепартаментом США курсов для оппозиционеров, в которых принимали участие руководители Twitter, Facebook, Microsoft и Skype.

В рамках этих семинаров политическим оппонентам правительств иностранных государств давали рекомендации, как в кризисных ситуациях в режиме реального времени составлять карты митингов и разгона демонстраций. Описывая данные мероприятия по подготовке подрывной деятельности в иностранных государствах, Х. Клинтон вспоминает: «Мы работали <...> над созданием новых приложений и устройств, таких как тревожная кнопка на телефоне: протестующий мог нажать ее при аресте, дав сигнал своим друзьям и одновременно стерев из памяти все личные контакты» [2, с. 678].

В понимании Х. Клинтон «жесткая», «мягкая», «умная» сила — инструменты внешней политики, используемые наравне с «намеренным и при этом очень эффективным введением в заблуждение» [2, с. 159]. Одну из основных задач, стоящих перед Госдепартаментом, экс-глава американского внешнеполитического ведомства видит в интеграции глобальной коммуникационной стратегии в концепцию «мягкой силы» во всех ее проявлениях [2, с. 229], в том числе с целью «поощрять маргинальные группы к участию в политической деятельности» [2, с. 54].

Взаимодействие государственных структур США с частными корпорациями — лидерами

информационной сетевой экономики является важнейшим аспектом американской мощи в информационном и киберпространстве.

Прежде всего в данной связи интересна система сбора данных PRISM, благодаря которой АНБ (National Security Agency) получало от американских корпораций массив электронных писем и другой информации о пользователях сети Интернет. Американский специалист в области информационных технологий, автор книги «Кибервойна: пятый театр военных действий» Ш. Харрис пишет: «Первой компанией, вошедшей в программу PRISM, стала Microsoft. Это произошло 11 сентября 2007 г. Yahoo присоединилась в марте следующего года. За последующие четыре года в список программы PRISM вошли крупнейшие игроки американского бизнеса, в том числе Google, Facebook, YouTube и Apple» [3]. В 2015 г. корпорация Google заявляла, что ее почтовым сервисом пользуются 425 млн человек. Сопоставимые цифры озвучивались и другими корпорациями-гигантами IT-сектора США. Так, например, в соответствии с сообщением Microsoft почтовой системой Outlook пользовались 420 млн человек. В момент присоединения в 2012 г. к программе PRISM, представители Apple заявляли о 250 млн проданных смартфонов iPhone. Указанные данные демонстрируют гигантские объемы информации, которыми оперируют глобальные, контролируемые США корпорации и американские спецслужбы [4, 5].

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ МАСС В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ЭТАПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕТОКА ПРОТЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ ИЗ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА В РЕАЛЬНЫЙ (НА ПРИМЕРЕ ФАСЕВООК-РЕВОЛЮЦИИ 2010–2011 ГГ. В ЕГИПТЕ)

Массовая мобилизация в социальных сетях напрямую связана с современными достижениями политической и социальной психологии, социологии и маркетинговых коммуникаций. Современные навыки интернет-продвижения продукции и продаж, значительный накопленный опыт изучения и манипулирования поведением потребителей, развитие как теоретической, так и практической психологии, технологий информационного воздействия на аудиторию [6] и новых технических возможностей [7] делают социальные медиа эффективной площадкой для продвижения таких «товаров» как «демократия» и «свобода». Примечательно в данной связи, что Ваэль Гоним, лидер цифрового крыла революции в Египте 2010–2011 гг., в своей

работе «Революция 2.0» [8] подчеркивает тот факт, что именно маркетинговые теории имели ключевое значение не только для его карьеры в Google, но и для успешного свержения режима Хосни Мубарака.

Анализ Facebook-революций позволяет выявить методологию использования социальных сетей для вывода на улицы сотен тысяч людей с целью социально-политической дестабилизации и ниспровержения десятилетиями существовавших политических режимов.

Отправной точкой для начала информационной войны, реализуемой при помощи современных сетевых интернет-технологий, является использование соответствующего информационного повода. В случае революции в Египте таким поводом стало убийство в июле 2010 г. 28-летнего Халеда Саида, после которого в Facebook была создана страница «Куллена Халед Саид» («Каждый из нас Халед Саид»). За три месяца продвижения страница, посвященная убийству Халеда Саида, привлекла 250 тыс. подписчиков.

Для успешного продвижения политической идеологии в социальных сетях важно наличие интернет-ресурсов, пользующихся относительным доверием аудитории и имеющих сложившееся ядро сторонников. В случае с революцией в Египте такой основой для завоевания аудитории было продвижение интернет-портала IslamWay.com, который стал одним из наиболее популярных ресурсов.

Можно выделить четыре этапа информационной борьбы в социальных сетях, которые создают условия для перетока протестных действий из виртуального мира в реальный.

Первый этап. Убеждение людей присоединиться к странице, посвященной протестной тематике, и читать появляющиеся на ней записи.

Второй этап. Подталкивание аудитории к взаимодействию с имеющимся на странице контентом — оценка размещаемых материалов посредством «лайков» и комментариев.

Третий этап. Вовлечение аудитории в онлайн-акции страницы и размещение на ней поставляемого участниками группы контента.

Четвертый этап. Трансформация виртуального вовлечения в реальные действия — выход людей на улицы.

Указанные этапы воздействия на аудиторию социальных сетей в значительной степени ориентированы на постепенное преодоление барьеров страха. Основная задача действий модераторов социальной группы заключается в том, чтобы вывести людей из сферы интернет-баталей в реальный мир уличного противостояния.

На практике методология подготовки людей к участию в массовых акциях в случае революции в Египте состояла из ряда действий, которые с точки зрения подготовки революционных преобразований являются достаточно универсальными. Похожие методы применялись и во время событий других «цветных» революций.

МЕТОДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В УЛИЧНЫЕ АКЦИИ

1. Акция по выкладыванию на страницах пользователей Facebook фотографий с символами солидарности. В египетском случае таким символом был листок бумаги с надписью «Куллена Халед Саид».

2. Постепенный переход в режим работы «в реале»: мобилизация подписчиков на обзвон телевизионных ток-шоу с тем, чтобы перенести вопрос в плоскость освещения традиционных СМИ с большим охватом аудитории.

3. Организация акций пассивного массового действия «в реале», на которых все участники одеты в одежду одного цвета (либо имеют хорошо различимую одинаковую символику), не принимают никаких активных действий, однако всем своим видом демонстрируют солидарность между собой. Во время революционных событий в Египте данный метод ненасильственных действий выглядел как немое стояние в молитве за мученика Халеда Саида на набережной Александрии, все участники были одеты в черное и читали религиозную литературу либо слушали музыку через наушники.

Акции «в реале» повышают уровень интерактивности среди интернет-аудитории, подстегивают интерес среди тех, кто не является пользователями сервисов Facebook. География «немых стояний» может расширяться исходя из пожеланий организаторов.

4. Пропаганда в молодежной среде моды на протест, формирование у участников акций имиджа «модных», «правильных», «передовых» с тем, чтобы у членов группы, не участвовавших в акциях, формировалось представление о себе как «немодных» и «непередовых». Создание ажиотажа вокруг реализованных на улицах акций интернет-сообщества с целью привлечения новых участников на аналогичные мероприятия в будущем. Представление уличных акций в привлекательной для прогрессивной молодежи форме, чтобы те, кто не вышел на первые акции, пришел на

последующие мероприятия, позавидовав другим участникам.

5. Постоянное поддержание интереса аудитории, одним из вариантов которого является проведение опросов среди участников интернет-сообщества, позволяющее лучше координировать общие усилия, поддерживать «дух демократии участия», а также повышать самооценку участников. Основной принцип — вовлекать читателей и поддерживать их самооценку. Самолюбию читателей и авторов комментариев интернет-сообществ льстит, когда их контент обсуждают тысячи людей. В этих условиях перед модераторами стоит задача сделать революцию в сети частью самореализации и самоутверждения личности.

Для более активного вовлечения аудитории создаются новые сайты, на которых выкладываются материалы участников сетевого общения, позволяющие раскрывать их творческий потенциал и использовать его в целях расширения революционного движения. Во время революции в Египте таким сайтом стал ресурс www.elshaheed.org, посвященный творчеству подписчиков основной страницы в Facebook — поэзии, статьям, агитационным роликам, тематическим картинкам, мемам и т.д. В таком контексте человек, который до этого был представителем «офисного планктона», клерком, начинает воспринимать себя борцом, революционером, участником борьбы с режимом и вырастает в собственных глазах. Участниками сетевой активности во время революционных событий в Египте были преимущественно представители городского среднего класса. Более 81% респондентов созданной Ваэлем Гонимом страницы были моложе 30 лет, из них больше половины — в возрасте 17–24 лет.

6. Организация постоянно действующего источника напряжения и информационных поводов «в реале». Таким источником была каирская площадь Тахрир, постоянно генерировавшая нужную картинку для западных информационных агентств, выдвигавшая новые лозунги и проводившая всевозможные акции по методологии Джина Шарпа (например, сидячие демонстрации) [9–10]. Интересен в данном отношении и опыт гражданского неповиновения в Индии в период борьбы за независимость от британского владычества [11–13].

7. Наполнение существующих «красных» дней календаря «революционным» содержанием. В случае Египта таким днем стало 25 января — Национальный день полиции. Попытки деморализовать и перетянуть на свою сторону полицию заключались в раздаче цветов полицейским и скан-

дировании лозунгов, прославляющих единство полиции и народа.

8. Информационное воздействие на армию с целью противопоставления вооруженных сил другим службам государственной безопасности, раскола силового блока правящего режима. Основной мыслью пропаганды является подчеркивание единства армии и народа. Задача в данном случае состоит в предотвращении включения армии в революционный процесс на стороне властей.

9. Использование уже имеющихся традиционных институтов, в деятельность которых вовлечены большие массы граждан, для пропаганды революционных идей. В Египте такими институтами оказались мечети и пятничная молитва. В результате, по всей стране после пятничной молитвы люди шли к центральным площадям.

Здесь уместно вспомнить о «доцифровых» традициях революционной борьбы, опирающейся на религиозные структуры. Лев Троцкий вспоминал в своей автобиографии [14], что именно религиозные кружки часто становились для многих коротким промежуточным этапом на революционном пути. Еще раньше большевиков психологическую связь между верой, религиозными формами и готовностью усваивать новые социальные идеи обнаружили ходившие в народ интеллигенты второй половины XIX столетия, основным орудием пропаганды которых среди рабочих и крестьян были библейские параллели, иносказания, народные сказки и притчи. О притчевом методе пропаганды сложных социально-политических теорий среди неподготовленной аудитории вспоминал в своих мемуарах Петр Кропоткин [15]. В середине XIX в. религиозно-сектантские формы, способствующие революционной мобилизации масс, обнаружил во Франции и Германии Михаил Бакунин: «Секты сии, ничтожные сами в себе, были важны тем, что они переводили на религиозный, т.е. на народный, язык современные понятия и требования. Они не могли иметь большого влияния на образованные классы, но зато действовали на воображение масс, всегда более склонных к религиозному фанатизму» [16].

10. Интернационализация проблемы: создание интернет-страниц и групп поддержки активистов в других странах. В случае революции в Египте такие страницы в поддержку протестующих создавались в Тунисе, Йемене и других мусульманских государствах. В рамках интернационализации конфликта осуществляется вовлечение в пропагандистскую работу представителей диаспоры за

рубежом. Качественно новым витком интернационализации является вовлечение в революционный процесс западных некоммерческих организаций, например, «Международной амнистии» и аналогичных «правозащитных» организаций, а также заявления и публичные оценки происходящих событий внешнеполитическими ведомствами, лидерами, ведущими политиками и общественными деятелями зарубежных государств.

11. Постепенный переход от массовых акций к петициям и сформулированным политическим требованиям к властям.

12. Вовлечение в ряды протестующих радикальных элементов, политических группировок и активистов с опытом уличного противодействия силам государственной безопасности из социальных сетей вроде Facebook. В зависимости от конкретной страны к радикальным группам относятся военизированные формирования политических партий, политически или религиозно мотивированные радикалы, сообщества футбольных болельщиков и другие активные группы. На данном этапе политической мобилизации масс, благодаря планомерному снижению барьеров страха у не имеющих опыта уличных протестов участников революционного процесса появляется жажда конфронтации. Виртуальные акции и пассивные формы протеста заменяются активным выражением недовольства, включающим скандирование лозунгов и политических требований, адресованных властям. Таким путем под прикрытием мирной и бесконфликтной риторики постепенно разжигается открытое противостояние властям.

Потенциальной целевой аудиторией, на которую может оказываться информационное воздействие средствами социальных медиа для вывода на улицы, являются сообщества геймеров. Рост популярности симуляторов, разработанных для военных, подчас провоцирует отнюдь не виртуальную агрессию, которая усиливается от подобных игр как у детей, так и у взрослых. Психологи Ф. Зимбардо и Н. Коломбе отмечают, что мозг игрока мимикрирует под выбранный игровой персонаж, особенно если этот персонаж визуализирован [17]. В результате мозг начинает проецировать образ действий этого персонажа на окружающий мир.

Социальные сети Instagram, Facebook, Twitter и т.д. размывают понимание человеком его реального места в мире и обществе, создавая иллюзию востребованности и славы, влияют на поведение и восприятие действительности. При

этом глобальная Сеть позволяет раскрываться интровертам. Люди, неготовые в реальной жизни отстаивать свою точку зрения на происходящие события, в Интернете могут проявлять себя в качестве активных экстравертов, внося тем самым вклад в распространение протестных настроений.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИДЕРОВ СЕТЕВЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

При анализе закономерностей развития «Революций 2.0» обращают на себя внимание характерные особенности жизненного пути «революционеров»: в их биографиях, как правило, «присутствует» американское либо иное иностранное высшее учебное заведение, работа в международных организациях либо транснациональных компаниях, проживание за границей, либо наличие родственников (часто супругов) — граждан других государств. В случае революции в Египте сходятся все факторы биографии Ваэля Гонима — обучение в Американском университете в Каире (который виртуоз сетевого маркетинга и позиционирования закончил со степенью магистра делового администрирования в области маркетинга и финансов), опыт проживания в Соединенных Штатах, супруга — гражданка США и как ключевой фактор, характеризующий его идеологические приоритеты, профессиональные навыки и практические возможности, — работа в Google в качестве директора по маркетингу на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Закономерно, что лидеры «оранжевой революции» и Майдана на Украине, «революции роз» в Грузии, а также представители белоленточного движения в России имеют много общего в своих биографиях [18, 19].

Указанные особенности биографий лидеров Facebook-революций дают основания считать их представителями агентуры зарубежных специальных служб. В случае революции в Египте обращает на себя внимание тот факт, что большая часть организационной и информационно-идеологической работы, проводившейся Ваэлем Гонимом в Сети осуществлялась с территории ОАЭ, в Египет он приехал на сравнительно небольшой отрезок времени, когда взбудораженные пропагандой массы уже стали выходить на улицы.

МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ УГРОЗАМ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Опыт революций Facebook свидетельствует о том, что для противодействия подобным угрозам эф-

фективны превентивные и профилактические меры. Одной из фатальных ошибок египетского режима стало отключение утром 28 января 2011 г. всех систем связи в стране. В результате этих действий прекратили работу мобильные операторы связи и провайдеры Интернета. Однако предпринятые меры вместо нормализации положения привели к интенсификации протестных настроений, так как в результате отключения связи даже не знавшие о происходящих событиях граждане поняли, что в государстве происходят какие-то опасные процессы. Многократно возрос приток на улицы людей, пытавшихся выяснить, что происходит. В надежде перехватить инициативу, египетские власти лишили лицензии телеканал «Аль-Джазира» и отменили поезда, следовавшие на Каир. Однако указанные меры также оказались неэффективными.

Важным, но запоздалым эпизодом египетской революции стало телеобращение Хосни Мубарака, которое можно рассматривать как слишком поздно предпринятую попытку активного вступления в информационное противоборство с протестующими. Речь президента произвела глубокое впечатление и вызвала раскол поколений. Благодаря этой речи удалось заставить многих задуматься о целесообразности революционных перемен. Однако на данном этапе развития событий попытка перехватить информационную повестку дня оказалась неэффективной.

Это обращение демонстрирует, насколько важной может быть роль личности в истории. Если лидер государства обладает авторитетом, то у него всегда есть возможность обращения к нации напрямую, минуя ненавидимый народом бюрократический аппарат. В случае революции в Египте обращение явно запоздало и сопровождалось предшествовавшими ему неудачными кадровыми перестановками в правительстве, которые не могли удовлетворить общество.

Самым важным упущением египетских властей было отсутствие продуманной работы в социальных сетях и киберсреде, отсутствие разработанных планов реагирования на соответствующие угрозы, их предотвращение и локализацию.

Опыт «арабской весны» и других Facebook-революций свидетельствует о том, что для предотвращения развития сценариев социально-политической дестабилизации при помощи социальных сетей необходима скоординированная, планомерная системная работа соответствующих государственных структур:

1. Постоянный мониторинг и контроль информационно-коммуникационной среды, выявление и анализ антиправительственной деятельности в социальных медиа.

2. Своевременное принятие необходимых контрмер, среди которых: а) блокировка социальных сетей либо отдельных сегментов сети Интернет средствами всего арсенала доступных методов реагирования в киберсреде; б) контрпропагандистские информационные акции; в) создание в социальных сетях альтернативных групп, члены которых готовы отстаивать законный конституционный порядок.

Однако наиболее действенным способом противодействия информационным угрозам является реализация комплексной государственной политики идентичности, направленной на поддержание, развитие и укрепление ключевых опорных точек национального самосознания в его гражданско-правовом понимании, консолидирующих общество и обеспечивающих его ценностный суверенитет, одним из основных проявлений которого выступает резистентность по отношению к внешнему

навязыванию ценностных оценок и моделей поведения [20–22].

Постоянный мониторинг и контроль информационно-коммуникационной среды необходим для выявления и анализа потенциальных возможностей и готовности внешнеполитических акторов (и прежде всего США, как страны, обладающей глобальным доминированием в информационной и киберсреде) использовать имеющийся протестный потенциал для дестабилизации социально-политической ситуации в других государствах.

Подводя итог, можно констатировать, что противоборство в информационном и киберпространстве будет только нарастать. В то же время можно отметить и другую тенденцию. Постепенно накапливается опыт негативных последствий информационной и киберагрессии, ее механизмов и особенностей. Этот опыт позволяет предвидеть возможные угрозы и предотвращать их. В частности, есть основания полагать, что опыт «арабской весны» и «цветных» революций достаточно изучен, вследствие чего попытки повторения подобных сценариев в будущем будут делом более сложным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кин Э. Ничего личного. Как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные. М.: Альпина Паблишер; 2016. 224 с.
2. Клинтон Х.Р. Тяжелые времена. М.: Эксмо; 2016. 736 с.
3. Харрис Ш. Кибервойн@: пятый театр военных действий. М.: Альпина нон-фикшн; 2016. 389 с.
4. Левин Я. Интернет как оружие. Что скрывают Google, Tor и ЦРУ. М.: Individuum; 2019. 360 с.
5. Snowden E. Edward Snowden: Permanent Record. London: MacMillan; 2019. 352 p.
6. Шатилов А.Б. «Мягкие» технологии российской власти по профилактике и нейтрализации экстремистских проявлений в молодежной среде в 2000–2010-е годы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;1(37):32–37.
7. Туровский Д. Вторжение: краткая история русских хакеров. М.: Individuum; 2019. 304 с.
8. Гоним В. Революция 2.0: Документальный роман. СПб.: Лениздат; Команда А; 2012. 352 с.
9. Sharp G. From dictatorship to democracy. A conceptual framework for liberation. 4th U.S. edition. Boston: Albert Einstein Institution; 2010. 102 p.
10. Sharp G. The 198 methods of nonviolent action. Boston: Albert Einstein Institution; 2014. 2 p.
11. Ганди М.К. Моя жизнь. М.: Наука; 1969. 612 с.
12. Неру Дж. Автобиография. М.: Издательство иностранной литературы; 1955. 656 с.
13. Жордис К. Махатма Ганди. М.: Молодая гвардия; Полимпсест; 2013. 327 с.
14. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: ВАГРИУС; 2001. 572 с.
15. Кропоткин П.А. Записки революционера. СПб.: Азбука; 2011. 380 с.
16. Бакунин М. Исповедь. СПб.: Азбука-классика; 2010. 253 с.
17. Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве. М.: Альпина Паблишер; 2017. 342 с.
18. Roelofs S.E. The first lady of Georgia: The story of an idealist. Tbilisi: Cezanne; 2010. 291 p.
19. Сургуладзе В.Ш. Опыт западных научно-образовательных структур по формированию лояльных кадров из числа прошедших стажировку иностранцев. *Проблемы национальной стратегии*. 2015;6(33):82–99.
20. Сургуладзе В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика. Фролова Н.А., ред. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.»; 2019. 400 с.

21. Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа: политические процессы, политика идентичности, стратегия и технологии. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.»; 2019. 652 с.
22. Патриотическое воспитание молодежи в Российской Федерации: состояние, актуальные проблемы и направления развития. В.Г. Елизаров, сост. М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; 2015. 207 с.

REFERENCES

1. Kin E. Nothing personal. *How social networks, search engines and intelligence agencies use our data*. Moscow: Al'pina Publisher; 2016. 224 p. (In Russ.).
2. Klinton H.R. Hard times. Moscow: Eksmo; 2016. 736 p. (In Russ.).
3. Harris Sh. Cyberwar: fifth theatre of military operations. Moscow: Al'pina Non-fikshn; 2016. 389 p. (In Russ.).
4. Levin Ya. Internet as a weapon. What Google, Tor and the CIA are hiding. Moscow: Individuum; 2019. 360 p. (In Russ.).
5. Snowden E. Edward Snowden: Permanent Record. London: MacMillan; 2019. 352 p.
6. Shatilov A.B. "Soft" technologies of the Russian authorities on prevention and neutralisation of extremist's manifestations in the youth environment in 2000–2010. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;1(37):32–37. (In Russ.).
7. Turovskij D. Invasion: a brief history of Russian hackers. Moscow: Individuum; 2019. 304 p. (In Russ.).
8. Gonim V. Revolution 2.0: a documentary novel. St. Petersburg: Izdatel'skaya gruppa «Lenizdat», «Komanda A»; 2012. 352 p. (In Russ.).
9. Sharp G. From dictatorship to democracy. A conceptual framework for liberation. 4th U.S. edition. Boston: Albert Einstein Institution; 2010. 102 p.
10. Sharp G. The 198 methods of nonviolent action. Boston: Albert Einstein Institution; 2014.
11. Gandi M.K. My life. Moscow: Nauka; 1969. 612 p. (In Russ.).
12. Neru Dzh. Autobiography. Moscow: Izdatel'stvo inostranoj literatury; 1955. 656 p. (In Russ.).
13. Zhordis K. Mahatma Gandhi. Moscow: Molodaya gvardiya; 2013. 327 p. (In Russ.).
14. Trockij L.D. My life. Moscow: VAGRIUS; 2001. 572 p. (In Russ.).
15. Kropotkin P.A. Memoirs of a revolutionist. St. Petersburg: Azbuka; 2011. 380 p. (In Russ.).
16. Bakunin M. Confession. St. Petersburg: Azbuka-klassika; 2010. 253 p. (In Russ.).
17. Zimbardo F., Kolombe N. Man interrupted. Moscow: Al'pina Publisher; 2017. 342 p. (In Russ.).
18. Roelofs S.E. The first lady of Georgia: The story of an idealist. Tbilisi: Cezanne; 2010. 291 p.
19. Surguladze V. Sh. The experience of Western academic and educational structures in the formation of loyal cadres from foreign trainees. *Problemy nacional'noj strategii*. 2015;6(33):82–99. (In Russ.).
20. Surguladze V. Sh. Identity politics in the realities of national security: strategy, theory, practice. Frolova N.A., ed. Moscow: Analiticheskaya gruppa «S.T.K.»; 2019. 400 p. (In Russ.).
21. Surguladze V. Sh. World politics in the mirror of modern political science analysis: political processes, identity politics, strategy and technology. Moscow: Analiticheskaya gruppa «S.T.K.»; 2019. 652 p. (In Russ.).
22. Patriotic education of youth in the Russian Federation: state, actual problems and directions of development. Elizarov V.G., ed. Moscow: Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii; 2015. 207 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вахтанг Шотович Сургуладзе — кандидат философских наук, ведущий эксперт аналитической группы «С.Т.К.», Москва, Россия
bafing@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vakhtang Sh. Surguladze — Candidate of Philosophy, "S.T.C." Analytical group, Leading expert, Moscow, Russia
bafing@mail.ru

Статья поступила 20.11.2019; принята к публикации 10.12.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.11.2019; accepted for publication on 10.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-14-20
УДК 327(045)

Угрозы терроризма в условиях цифровой трансформации мира и пути защиты от них

В.И. Глотов^а, Д.М. Михайлов^б, В.А. Педанов^с

^а Федеральная служба по финансовому мониторингу, Москва, Россия

^б Физический институт им. П.Н. Лебедева Российской академии наук, Москва, Россия

^с Центр международной информационной безопасности и научно-технической политики МГИМО МИД России, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-0583-0797>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-0357-7772>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-2188-117X>

АННОТАЦИЯ

В работе исследуются проблемы одной из наиболее значимых на сегодняшний день мировых угроз – терроризма и его важной и трансграничной формы – кибертерроризма. Интерес представляет проведенный авторами анализ информационно-коммуникационных технологий, используемых при осуществлении террористической деятельности и непосредственно для актов кибертерроризма. Приводится ряд актуальных примеров и практических кейсов применения информационно-коммуникационных технологий со стороны террористов. Сделан вывод о необходимости совместного поиска решений в борьбе с террористической угрозой в рамках международного сообщества, предлагаются определенные шаги в этом направлении.

Ключевые слова: кибертерроризм; информационная безопасность; информационно-коммуникационная сфера

Для цитирования: Глотов В.И., Михайлов Д.М., Педанов В.А. Угрозы терроризма в условиях цифровой трансформации мира и пути защиты от них. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):14-20. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-14-20

ORIGINAL PAPER

Threats of Terrorism in the Context of the Digital Transformation of the World and Ways of Protection Against Them

V.I. Glotov^a, D.M. Mikhailov^b, V.A. Pedanov^c

^a Federal Financial Monitoring Service, Moscow, Russia

^b Lebedev Institute of Physics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^c Centre of International Information Security and Scientific-Technical Policy of the MGIMO-University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-0583-0797>; ^b <https://orcid.org/0000-0003-0357-7772>;

^c <https://orcid.org/0000-0003-2188-117X>

ABSTRACT

This article deals with the problems of one of the most urgent threats in the world today – the problem of terrorism, and its essential and cross-border form – cyberterrorism. It is of growing interest in the analysis of information and communication technologies used in the implementation of terrorist activities and directly for acts of cyberterrorism. We present several relevant examples and practical cases of the use of information and communication technologies by terrorists. The authors concluded that it is necessary to jointly search for solutions to combat the terrorist threat from terrorist organisations within the international community.

Keywords: cyberterrorism; information security; information and communication sphere

For citation: Glotov V.I., Mikhailov D.M., Pedanov V.A. Threats of terrorism in the context of the digital transformation of the world and ways of protection against them. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):14-20. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-14-20

Вызовы и угрозы, с которыми столкнулись Россия и все мировое сообщество во втором десятилетии XXI в., в значительной степени связаны со стремительно растущей ролью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Их широкое распространение на сегодняшний день является не только залогом технологического прогресса и успешного развития общества, но и причиной высокой степени зависимости человечества от безопасности информационно-коммуникационной сферы. Традиционно эту сферу рассматривают через призму единой «триады» — угроз военно-политического, криминального и террористического характера. Благодаря развитию и доступности ИКТ появилось новое явление — кибертерроризм. Термин возник в 80-х гг. прошлого столетия и был предложен Барри Колином — старшим научным сотрудником Института безопасности и разведки (Institute for Security and Intelligence). Он использовался в контексте тенденции перехода терроризма из физического в виртуальный мир и конвергенции угроз в этих мирах [1]. О применении террористами ИКТ-технологий и различных методик известно с момента возникновения Исламского государства (ИГ/ИГИЛ/ДАИШ).

В последнее время все реже можно найти их страницы в социальных сетях, так как идет активная борьба государственных служб с данными аккаунтами. Это обуславливает переход пользователей в относительно закрытое информационное пространство, существующее в мессенджерах. В начале 2015 г. стало известно, что ИГ разработало 34-страничное руководство по обеспечению безопасности связи. Документ, имеющий в своей основе инструкцию по общим вопросам кибербезопасности, появился на форумах джихадистов. В нем были перечислены и наиболее пригодные для использования приложения, в том числе и Telegram (<https://techcrunch.com/2016/01/16/isis-app/>).

Это только один мессенджер, которым пользуется ИГИЛ. Представителями преступных организаций используются также WhatsApp, RedPhone, Signal и Wickr. Павел Дуров, основатель Telegram, был подвергнут многочисленным обвинениям в пособничестве ИГИЛ. При этом со стороны Telegram было объявлено о блокировке 600 террористических аккаунтов и постоянном характере такой деятельности. Однако найти

аккаунты экстремистского содержания до сих пор возможно, например: @is2020, @shamtoday_1, @ccs_muslim_lib, @ccs_muascar1, @knida-djihada, @FATIXA_6. При этом наблюдается значительное количество каналов, которые представляют не только русскоязычный контент, но также с изменением цифр (например, @FATIXA_16) ведутся на других языках.

В январе 2016 г. группа Ghost, специализирующаяся на борьбе с терроризмом, обнаружила в Сети мессенджер, созданный боевиками, — Alrawi. Это приложение для Android нельзя скачать в Google Play — оно доступно в так называемых «темных», глубоких разделах Сети. Alrawi пришло на смену приложению Amaq — мессенджеру, предоставляющему доступ к потоку новостей и пропагандистских роликов, в том числе кадрам казней и видео с полей битвы. Но, в отличие от Amaq, Alrawi имеет оконечное (сквозное) шифрование (<http://fortune.com/2016/01/13/isis-has-its-own-secure-messaging-app/>).

Предполагается, что террористические организации могут использовать в узком кругу строго для координации действий террористов руководящего уровня или террористов-смертников разработки на основе открытого исходного кода популярных платформ для общения, например на основе открытого кода Signal.

Привлекает внимание приложение CCS, которое курсирует по просторам Сети и позиционирует себя как «средство общения для братьев и сестер по вере», но на самом деле за ним стоят радикальные исламисты. 1 сентября 2016 г. на канале CCS Links (в настоящее время заблокирован, но функционируют каналы со схожей тематикой: @ccs_muslim_lib, @ccs_muascar1) в мессенджере Telegram началось распространение информации о создании собственного средства для переписки мусульман по всему миру. Разработчики утверждают, что приложение стало результатом двухлетней работы и является своеобразной площадкой для исламских радикалов, где они могут свободно обмениваться информацией. Новое приложение не подразумевает сложного процесса регистрации — достаточно логина и пароля. Никакой привязки к номеру телефона — в отличие от популярных мессенджеров, человек «не засветит» свой телефон при переписке. Кроме того, согласно информации разработчиков, новый мессенджер не хранит переписку и не логирует IP пользователей.

На данный момент большая часть рекламируемых каналов недоступна для широкого пользователя, однако уже представленная в ССS информация несет пропаганду радикального ислама: в частности, там представлены ссылки на каналы террористов ИГ.

Выделим методики и средства работы в информационном поле со стороны террористической группировки ИГИЛ:

1. Применение положительных образов, чтобы привлечь новую аудиторию и создать притягательный образ ИГИЛ. Так, телеканал CNN в 2015 г. опубликовал видеоролик, где говорилось о том, что члены ИГИЛ часто используют фотографии с котятами, смайлы emoji и шоколадную пасту Nutella. Тем самым, считает CNN, вербовщики ИГИЛ привлекают внимание женской аудитории. Такие образы используются, чтобы показать, что жизнь в Исламском государстве ничем не отличается от жизни обычных людей. Данное явление отмечает и британская газета The Independent. В статье, посвященной Twitterаккаунту Islamic State of Cats (@ISILCats), говорится, что большая часть авторов таких постов называют нарисованных животных mewjahids [мяуджахедами] по аналогии с моджахедами. Подобная проблема вызывает беспокойство Мохаммеда Шарифа, главы мусульманской организации Ramadhan Foundation: «Если мы не будем с этим бороться, то все эти милые публикации в Facebook и Twitter приведут к тому, что будет считаться обычным делом ехать в Ирак и Сирию, чтобы участвовать в военных действиях» (<http://goo.gl/Ai26lY>).

Анализ ряда новостных сайтов и сообщений в Twitter показывает, что твитты сопровождаются картинками, где боевики общаются с детьми, раздают им еду и оказывают социальную поддержку. К примеру, весной 2014 г. ИГИЛ опубликовал очередное видео, где боевик ИГИЛ — бывший немецкий рэп-исполнитель Дэнис Гусперт играет в снежки и веселится со своими приятелями по экстремистской организации: «Теперь вы можете видеть... Здесь, в Сирии, мы тоже умеем веселиться! Это джихад, джихад строит веселье... и мы тут веселимся с детьми... Давай же, мы приглашаем тебя в джихад!» (<http://goo.gl/JRAJkq>).

2. Специальные приложения для платформы Android. ИГИЛ создало свой специальный Twitter — Fajr al-Bashaer, или Dawn of Good Tidings, который помечен как потенциально

опасный. Если попытаться его установить, то автоматически запрашивается доступ к персональным данным, а после загрузки отправляются материалы о борьбе ИГИЛ в Сирии и Ираке. Чтобы обойти защиту системы антиспама, после каждого слова и символа ставятся пробелы. Более сотни пользователей загрузили данное приложение на свои Android-телефоны через Google Play Store. Dawn of Good Tidings стало особенно активно использоваться летом 2014 г. Именно в то время ИГИЛ захватило город Мосул на севере Ирака. На данный момент скачивание приложения остановлено.

3. Анализ целевой аудитории. Особое внимание создатели медиа-продукции ИГИЛ уделяют изучению характеристик целевой аудитории. Именно это позволяет террористической пропаганде иметь успех и эффективность, а, значит, увеличить и шансы у вербовщиков. Если используется Facebook, то пишут смысловые посты, а если Twitter, то короткие, но информативные записи. В Instagram это в первую очередь ориентация на визуальное восприятие информации и т.д. Чтобы создать иллюзию видеоигры военной тематики, камера прикрепляется к стволу автомата, и с такого ракурса снимается казнь заложников. Подобные игры весьма популярны среди молодых людей и подростков от 16 лет (<http://goo.gl/p8Ujs4>).

Создано еще одно приложение Huroof, специализирующееся на обучении детей арабскому алфавиту и грамматике. Приложение поражает удобством в пользовании и хорошим методом подачи информации. Фон сделан в спокойных тонах: цветочки и звездочки. На нем всплывают арабские буквы, а в связке к буквам приведены слова военной тематики. Ведется обучение в виде интерактивного игилового нашида (мусульманское песнопение, традиционно исполняемое мужским вокалом соло или в хоре без сопровождения музыкальных инструментов) (<http://goo.gl/6vbnZx>).

4. Технология Twitter Storms (ботнет-атаки). Twitter Storm — это специальный термин, которым обозначают компании по рассылке заранее подготовленных массовых постов. Ежедневно тысячи пользователей социальных сетей размещают свои посты с одинаковыми хэштегами, так что они становятся популярными в сети.

Также, по словам российского источника, формат Twitter Storm используется для «прощупывания настроений» среди целевой аудитории,

с помощью массовых опросников на различные темы. Например, летом 2014 г. ИГИЛ опубликовал несколько сообщений о том, что хочет вновь создавать халифат во всем мире, а не только на территории Сирии и Ирака. Однако подписчики начали высказывать свое неодобрение, поэтому специалисты ИГИЛ быстро закрыли данную кампанию и сняли с себя ответственность за подобного рода сообщения (<http://apparat.cc/network/isis-social-war>).

Британская газета *The Guardian* приводит пример, как террористы проводят опросы в Интернете. Так, в сентябре 2014 г. активный пользователь Twitter Абдульрахман аль-Хамид попросил у своих 4000 подписчиков помочь ему определить самые популярные хэштеги в Великобритании, чтобы продвинуть контент ИГИЛ. В то время шло активное обсуждение возможного отделения Шотландии, поэтому подписчики начали присылать такие хэштеги, как #scotlandindependence, #andymurray, #VoteYes #scotland, #VoteNo (<http://goo.gl/iF33gy>). Считается, что именно Twitter Storms активно используется для привлечения внимания общественности к посланиям ИГИЛ.

5. Ориентация на иностранных граждан. Целью ИГИЛ является вербовка союзников не только с Ближнего Востока, но и из стран западного региона. «Аль-Фуркан» выпускает продукцию не только на арабском языке, но и на русском, французском, английском, турецком, немецком и испанском, что является ярким примером ориентации на западного читателя. Например, данное медиаподразделение осуществляет перевод речей Абу Бакра аль-Багдади (лидера ИГИЛ) на французский, индонезийский, русский, турецкий и английский языки. Так как английский является международным языком, то особое внимание ИГИЛ уделяет соответствующему контенту. Таким образом исламское государство пытается войти в мировое сообщество, создав продукцию, которая понятна каждому человеку (<http://goo.gl/ZzEVcW>).

6. Интернет-магазины специализированной продукции с символикой ИГИЛ. На страницах Facebook и специально созданных сайтах, приложениях продается разнообразная одежда с символикой ИГИЛ. Хотя на данный момент большинство страниц в Facebook, которые занимались подобной деятельностью, заблокированы, создаются новые страницы. Типичными слоганами на одежде являются:

Muslim Brotherhood, F**k Israel, Pray for Gaza и Mujahedeen Around The World United We Stand (<http://goo.gl/4UeFJv>). Например, в Триполи существует магазин с товарами ИГИЛ, где можно увидеть различную продукцию — от одежды до сувениров с характерной символикой (<http://goo.gl/vyUUm4>).

7. Использование имиджа лидеров мнений. Еще одним важнейшим механизмом пропаганды ИГИЛ стало использование образов известных личностей, которые стали членами ИГИЛ. Яркие примеры — рэп-исполнитель Денис Гусперти и британская рок-певица Салли Джонс. Российский пример — актер Вадим Дорофеев. Существуют случаи, когда молодые футболисты тоже присоединялись к террористической организации ИГИЛ.

8. Использование социальных сетей для набора рекрутов. Набор новых участников происходит через социальные сети Twitter и Facebook (<http://aitmag.ahram.org.eg/News/753.aspx>). В основном рекрутеры ориентированы на молодых людей, которые имеют экстремистские взгляды. Процедура довольно проста: сначала идет обсуждение вопросов, связанных с функционированием ИГИЛ, потом — перспектив приема на службу. Цель рекрутера — создать положительный образ организации и помочь будущему участнику добраться до пункта назначения. Барвара Караулова в своем интервью на канале «Россия-1» подробно рассказала о том, как происходила переписка. Согласно данным, которые предоставили европейские органы безопасности, в 2014 г. к джихаду в Сирии присоединились более 700 граждан Франции, 300 — Германии, 250 — Бельгии, 250 — Австралии, 100 — США, 50 — Испании и около 500 — Великобритании. Стоит отметить, что во время общения в Сети тщательно скрываются имена рекрутеров и того, кто должен помочь будущим членам группировки с переездом. Обычно диалог заканчивается такими фразами: «Выдвигайся, и Аллах покажет тебе дорогу», «Ты найдешь этих людей», «Ищи того, кто свяжется с тобой» и т.д. Позже диалог переходит в мессенджеры (http://www.alhaya.ps/arch_page.php?nid=243269).

9. Логистика и финансовые вопросы. По сообщению газеты «Аль-Арабия», которая является одной из наиболее авторитетных на Ближнем Востоке, ИГИЛ использует социальные сети для решения своих финансовых вопросов и вопросов логистики. Таким образом, социальные сети

являются не только основой для пропагандирования и рекрутирования. Так, интернет-сайт «Ас-Сакина» ссылается на газету «АльДжазира» и сообщает, что на страницах Facebook члены ИГИЛ осуществляют финансовые операции, при этом личность, которая осуществляет данные процессы, остается неизвестной.

Идеологи террористических формирований постоянно разрабатывают изощренные способы агитации и вербовки в свои ряды новых людей, а технологии предоставляют возможность делать это эффективней (сохранять скрытность, оказывать воздействие на широкую аудиторию).

Помимо обозначенных технологий, террористы также могут использовать различные порталы в так называемом Darknet, где участники обмениваются анонимными сообщениями на закрытых форумах. Например, на портале <http://v1r2sz44rxf5wmuu.onion/> — ISIS Red Room.

Приведенные примеры использования цифровых технологий Исламским государством все не означают исключительную возможность воздействия на общество со стороны только этой организации. Так, в странах Юго-Восточной Азии, где ислам имеет широкое распространение, проблема терроризма и, как следствие, кибертерроризма тоже присутствует. В Юго-Восточной Азии действуют такие террористические группы, как Джемаа Исламия (Jemaah Islamiyya (JI), Абу Сайяф (Abu Sayyaf — ASG), Мауте (Исламское государство Ланао) и ряд других, некоторые из них ассоциированы с Исламским государством. Предполагается, что одним из способов заработка подобных организаций является киберпреступность. Функционирующий в составе Исламского государства так называемый Кибер Халифат (Islamic State Hacking Division или United Cyber Caliphate) разворачивает свою деятельность с привлечением, в том числе, и представителей стран Юго-Восточной Азии. Обращает на себя внимание тот факт, что среди объектов успешных атак, проведенных киберхалифатом, присутствуют малазийские, а также значительное число австралийских. Среди атак, произведенных группировками, объединенными названием Cyber Caliphate, значатся следующие:

- атака на сайт австралийского аэропорта весной 2015 г. (<https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/islamic-state/11531794/Australian-airport-website-hacked-by-Islamic-State.html>);
- веб-сайт национальной авиакомпании Малайзии Malaysia Airlines. За атакой стояли пред-

ставители Official Cyber Caliphate, разместившие информацию об этом на самом портале (<https://www.securitylab.ru/news/470437.php>);

- атака на французский телеканал TV5Monde Live Feed в июле 2015 г., когда в рамках брутфорс-атаки был получен доступ к социальным медиа и размещено сообщение провокационного характера Je Suis ISIS, что после серии терактов во Франции воспринималось как агрессивная угроза обществу (<http://www.france24.com/en/20150409-france-tv5monde-is-group-hacking>);

- несанкционированный доступ к базе данных Министерства обороны США (август 2015 г.); данные примерно о 1400 военнослужащих были размещены в Интернете в «расстрельном списке», что, безусловно, является элементом информационной войны (<https://www.theguardian.com/world/2015/aug/13/isis-hacking-division-releases-details-of-1400-americans-and-urges-attacks>);

- в сентябре 2015 г. атаке подверглась переписка секретного характера в Британском правительстве. Скомпрометированные письма касались высших членов кабинета министров. Вторжение было обнаружено Центром правительственной связи Великобритании — GCHQ (<https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/isis-hackers-intercept-top-secret-6428423>);

- 15 апреля 2016 г. хакеры United Cyber Caliphate провели успешную атаку 20 австралийских веб-сайтов в рамках скоординированных действий против австралийского бизнеса. Некоторые из веб-сайтов после атаки перенаправляли пользователя на страницы, содержащие информацию террористического характера;

- в апреле 2017 г. United Cyber Caliphate выпустил «расстрельный список» для одиночных атак, в который вошли 8786 человек (<https://www.newsweek.com/isis-linked-cyber-group-releases-kill-list-8786-us-targets-lone-wolf-attacks-578765>).

Наибольшее число актов кибертерроризма пришлось на 2015 г., равно как и наибольшая активность террористов, наносящих физический вред. Представляется, что дальнейший спад активности связан с началом Россией анти-террористической операции в Сирии, а также с деятельностью международной коалиции, возглавляемой США. Так, в конце 2015 г. в результате ракетно-бомбового удара был ликвидирован предположительно основатель и один из лидеров Cyber Caliphate — Джунаид Хуссейн, который

являлся видным специалистом по информационной безопасности в рядах ИГИЛ. В ответ на это хакеры Cyber Caliphate в результате массивной брутфорс-атаки взломали более 54 000 Twitter аккаунтов сотрудников ЦРУ и ФБР [2].

Ряд действий, совершаемых террористическими организациями исламского толка, в том числе публикация подробных данных о личном составе противника с целью запугивания или устранения физических лиц, могут быть поставлены в один ряд с действиями националистических экстремистских группировок. Примером может служить веб-портал «Миротворец», на котором размещаются личные данные людей, собранные нелегальным путем (хакинг, фишинг) и средствами разведки по открытым источникам. При этом, вопреки провозглашенной цели создания сайта и широко распространенному мнению, что сайт публикует личные данные лиц, которые причастны к преступлениям против основ национальной безопасности Украины, мира и безопасности ее граждан, 8 октября 2015 г. на портале были опубликованы личные данные российских военнослужащих, проходящих службу в Сирии и ведущих там борьбу с международным терроризмом. Автор украинского сайта «Миротворец» — Георгий Тука. До событий на Украине он два с половиной года жил в Каире и участвовал в «арабской весне», с которой и началась гражданская война в Сирии и становление терроризма на Ближнем Востоке (http://society.lb.ua/war/2015/01/03/291256_georgiy_tuka_dazhe_stal.html).

Факты свидетельствуют о широкой распространенности проблематики кибертерроризма и большом количестве кибератак. В этой связи определение самой природы кибертерроризма, на наш взгляд, является необходимым для комплексной и эффективной борьбы с ним.

Кибертерроризм по своей сущности может быть определен как часть киберпреступности по тому же принципу, по которому террористическая деятельность относится к преступной. Однако при выделении угроз использования информационно-коммуникационных технологий для международной информационной безопасности угрозу кибертерроризма стоит выделять как отдельный вызов международному сообществу, требующий эффективного и адекватного ответа.

Кибертерроризм — это одна из форм терроризма. Сама природа информационно-коммуникационных технологий в значительной мере

определяет его международный характер. Это, в свою очередь, требует ряда определенных действий со стороны международного сообщества. Речь идет прежде всего об уполномоченных органах ООН, таких как Совет безопасности ООН, КТК ООН и система международных уголовно-правовых институтов.

Применение передовых технологий в информационно-коммуникационном поле в рамках террористической деятельности может иметь значительные негативные последствия для всего мирового сообщества.

К числу угроз международной информационной безопасности, связанной с применением ИКТ, могут быть отнесены исходящие от киберпреступности, террористических организаций, а также информационные и кибернетические угрозы, исходящие от государств и военных альянсов.

В качестве мер, позволяющих противостоять подобным угрозам, могут быть названы политические, правовые и технические. Технические методики противодействия объединяют использование различных инструментов, в том числе создание единого центра мониторинга угроз кибертерроризма и противодействия им или же сети обмена информацией о подобных угрозах. К техническим инструментам могут быть отнесены технологии обеспечения кибербезопасности, а также конкурентной разведки и мониторинга информационного поля, что позволяет не только отражать атаки в момент их осуществления, но также прогнозировать их заранее и осуществлять защиту.

К политическому направлению относятся инструменты «мягкой силы», общественной дипломатии, а также использование политической площадки ООН и других межгосударственных организаций с целью недопущения использования ИКТ для осуществления враждебных действий и минимизации последствий их применения.

Правовыми инструментами являются акты международно-правового характера, определяющие и закрепляющие общие подходы к обеспечению международной информационной безопасности.

Представляется, что только сбалансированное применение обозначенных инструментов позволит добиться обеспечения международной информационной безопасности и безопасности национального информационно-коммуникационного поля в контексте цифровой трансформации мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Collin B. The Future of Cyberterrorism. *Crime & Justice International Journal*. 1997;13(2):15–18.
2. Нефёдова М. Хакеры ИГ взломали более 54 000 Twitter-аккаунтов. URL: <https://xakep.ru/2015/11/10/cyber-caliphate/>.
Nefedova M. Hackers of IS broke into more than 54,000 Twitter accounts. URL: <https://xakep.ru/2015/11/10/cyber-caliphate/>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Владимир Иванович Глотов — кандидат экономических наук, профессор, заместитель директора Федеральной службы по финансовому мониторингу, Москва, Россия
glotov@fedsfm.ru

Дмитрий Михайлович Михайлов — высококвалифицированный старший научный сотрудник, кандидат наук, Физический институт имени П.Н. Лебедева Российской академии наук, Москва, Россия
mikhaylovdm@lebedev.ru

Владимир Александрович Педанов — соискатель степени кандидата наук, Центр международной информационной безопасности и научно-технической политики МГИМО МИД России, Москва, Россия
v.pedanoff@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir I. Glotov — Candidate of Economic Sciences, Professor, Deputy Director of the Federal Financial Monitoring Service, Moscow, Russia
glotov@fedsfm.ru

Dmitry M. Mikhailov — Senior Researcher, Candidate of Sciences, Lebedev Institute of Physics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
mikhaylovdm@lebedev.ru

Vladimir A. Pedanov — Postgraduate student, Centre of International Information Security and Scientific-Technical Policy of the MGIMO-University of Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
v.pedanoff@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

В.И. Глотов — общенаучное руководство, экспертная оценка исследования.

Д.М. Михайлов — теоретико-обзорная часть исследования.

В.А. Педанов — практически-аналитическая часть исследования.

Authors' declared contribution:

V.I. Glotov — General scientific guidance, expert evaluation of the research.

D.M. Mikhailov — theoretical and review part of the study.

V.A. Peganov — practical-analytical part of the study.

Статья поступила 15.07.2019; принята к публикации 20.10.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.07.2019; accepted for publication on 20.10.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-21-27
УДК 327.83(045)

Освещение «дела Магнитского»: анализ восприятия российской повестки через призму информационной войны

В.В. Зубов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам, связанным с международной реакцией на смерть российского аудитора Сергея Магнитского и последующими действиями заинтересованных стран, изменением образа России и российской действительности в медийном пространстве иностранных государств. Целью исследования является оценка «дела Магнитского» в рамках концепции информационной войны, что будет реализовываться через изучение наиболее значимых обстоятельств, повлиявших на освещение расследования, и сопоставление рассматриваемых событий с другими резонансными «делами», которые также принято относить к проявлениям информационной войны. «Дело Магнитского», проходившее параллельно с периодом потепления в отношениях между Россией и США, именуемое «перезагрузкой», оказалось индикатором, свидетельствующим о наличии фундаментальных противоречий между странами Запада и Российской Федерацией. При этом как российские, так и иностранные СМИ разделились на две условные группы, преимущественно освещающая один из компонентов рассматриваемых событий: права человека и коррупция в России или иностранное происхождение бизнес-структур, связанных с Магнитским. Характер взаимных ограничительных мер, известных как «закон Магнитского» и «закон Димы Яковлева», подчеркнул, что противоречия между сторонами носят не только политический, но и более глубокий идеологический аспект. «Дело Магнитского» позволило оценить потенциал отношений между Россией и иностранными государствами, способность партнеров идти на компромисс и адекватно подходить к проблемам в межгосударственных отношениях. В рамках исследования выявляются закономерности, приведшие к росту международной напряженности, с опорой на события десятилетней давности, которые, как видится, представляют существенный интерес для понимания текущей ситуации в мире. **Ключевые слова:** дело Магнитского; информационная война; международные отношения; Россия; США; СМИ; демократия; права человека

Для цитирования: Зубов В.В. Освещение «Дела Магнитского»: анализ восприятия российской повестки через призму информационной войны. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2020;10(1):21-27. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-21-27

ORIGINAL PAPER

Narrative of the Magnitsky Case: Analysis of the Perception of the Russian Agenda Through the Prism of Information Warfare

V.V. Zubov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

ABSTRACT

The article discusses the issues related to the international reaction to the death of the Russian auditor Sergei Magnitsky and the subsequent actions of the countries concerned. The author paid particular attention to the changing image of Russia and the perception of the Russian reality in the media space of foreign countries. The purpose of the study is to evaluate the Magnitsky affair within the framework of the concept of information warfare. It should be realised through the study of the most significant circumstances that influenced the coverage of the investigation and comparison of

considered events with other resonant “cases” that are also commonly referred to as manifestations of the information war. The Magnitsky affair, which was on agenda parallel with the period of warming in relations between Russia and the United States, referred to as the ‘reset’, turned out to be an indicator of the existence of fundamental contradictions between the countries of the West and the Russian Federation. At the same time, mass media, both Russian and of other countries, were divided into two groups, covering mainly one of the components of the events in question: human rights and corruption in Russia or foreign origins of business structures related to Magnitsky. The nature of restrictive mutual measures, known as the “Magnitsky Law” and “Dima Yakovlev Law”, emphasised that the contradictions between the parties have not only a political, but also a deeper ideological aspect. The Magnitsky affair allowed assessing the potential of relations between Russia and foreign states, the ability of partners to compromise and to adequately approach problems in interstate relations. The study identifies patterns that led to an increase in international tension, based on the events of a decade ago, which seem to be of considerable interest in understanding the current situation in the world.

Keywords: Magnitsky affair; information warfare; international relations; Russia; the USA; mass media; democracy; human rights

For citation: Zubov V.V. Narrative of the Magnitsky Case: Analysis of the perception of the Russian agenda through the prism of information warfare. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):21-27. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-21-27

Анализ международных конфликтов, происходивших на протяжении последних 30 лет, позволил выявить новые методы, используемые как для воздействия на людей, находящихся в зоне противостояния, так и для формирования общественного мнения в странах, не являющихся участниками конфликта. Существенное развитие технологий пропаганды, а также появление технических средств, позволивших значительно ускорить передачу информации и расширить потенциальную аудиторию, дали возможность объединить совокупное применение вышеуказанных методов внутри концепции информационной войны. Данный термин, получивший широкое употребление после проведения операции «Буря в Пустыне», изначально применялся скорее в контексте военных технологий (подавление средств связи противника и анализ информации о его ресурсах, проводящийся при помощи специальных средств, находящихся на вооружении у американской армии). Это во многом отличается от определений, уклон которых в российской политической науке сместился в сторону пропагандистского воздействия на сознание человека через средства массовой информации, сохраняя при этом военно-техническую (информационно-техническую) составляющую термина [1, 2].

Очевидно, что возможности для манипуляции коллективным сознанием в рамках информационной войны присутствуют у ограниченного круга субъектов: государства (квазигосударственных образований), вла-

дельцев крупнейших изданий, журналистских объединений. Представляется, что соотношение государственного и частного влияния в данном случае зависит от конкретной страны, а именно от гласных (формальных) и негласных (традиции, конъюнктура и т. д.) ограничений, действующих в ее медиапространстве.

На основании вышеназванных характеристик применительно к «делу Магнитского» следует исследовать несколько ключевых аспектов (вопросов), изучение которых поможет определить место рассматриваемых событий в концепции информационной войны:

1. Использовалось ли противостояние инвестиционного фонда Hermitage Capital Management и российских властей для информационной войны заинтересованными сторонами?

2. Являлся ли арест Сергея Магнитского актом информационной войны (т. е. был произведен с целью воздействовать на сознание людских масс)?

3. Была ли заранее просчитана смерть Сергея Магнитского (в контексте ныне популярного термина «сакральная жертва», применяемого некоторой частью российского журналистского сообщества к смертям, имеющим политический подтекст) (<https://rusplt.ru/society/sakralnaya-jertva-34268.html>)?

4. Была ли впоследствии использована смерть Сергея Магнитского как характерный для методов информационной войны инструмент для давления и манипуляции?

Отвечая на эти вопросы, необходимо разобратить фактическую сторону, т. е. события,

предшествовавшие аресту Магнитского, его пребывание под арестом, а также реакцию на его смерть как российских и иностранных СМИ, так и официальных государственных лиц.

Рассматривая «дело Магнитского» как фактор, в том числе повлиявший на изменение ракурса, под которым российская общественно-политическая жизнь представала в глазах иностранцев, следует обратиться к международной конъюнктуре конца нулевых годов, фокусируя свое внимание на России. После Мюнхенской речи Владимира Путина и «пятидневной войны» в августе 2008 г. в отношениях России и США наступило заметное похолодание, что отчасти компенсировалось положением Буша-младшего, находившегося в статусе «хромой утки», которое не позволяло ему перейти к активным действиям в отношении Российской Федерации для противодействия ее новому курсу во внутренней и внешней политике. Избрание президентом США Барака Обамы, который воспринимался как дружественный России политик, внушало сдержанный оптимизм как у некоторых американских изданий (<https://www.csmonitor.com/Commentary/Opinion/2009/0126/p09s01-coor.html>), так и у большинства российских [3], (<https://rg.ru/2009/04/03/gorbachev.html>). Однако следует отметить, что расширение сотрудничества России и США в контексте политики «перезагрузки», официально начавшейся в марте 2009 г., предполагало взаимодействие преимущественно в международной сфере (борьба с терроризмом, сокращение наступательных вооружений). Поэтому официальная риторика западных стран по отношению к уровню коррупции и ущемлению прав человека в России изменилась незначительно, что в полной мере относится и к международным организациям.

Постепенное изменение российской внешней и внутренней политики в начале 2000-х гг. вызвало негативную реакцию со стороны общественных деятелей, активно участвующих в жизни постсоветских стран. Очевидно, что «цветные революции», произошедшие в странах СНГ, поддержку которым оказывали иностранные организации (наиболее известной из которых стал Фонд Сороса), привели к тому, что российское руководство стало относиться с настороженностью к иностранному участию в общественной, а тем более политиче-

ской жизни страны. Инвестиционный фонд Hermitage Capital Management, основанный в 1996 г. и возглавляемый Уильямом Браудером, являлся активным участником корпоративных споров в первой половине 2000-х гг. Позиция Hermitage Capital Management и лично Уильяма Браудера, как представляется, зачастую могла не совпадать с социально ориентированной политикой российского правительства, что неизбежно приводило к недопониманию.

Крайне рискованным выглядело стремление фонда защитить свои позиции в крупнейших российских компаниях, представляющих для государства стратегический интерес: агрессивное лоббирование своих интересов в ОАО «Газпром» (<https://www.kommersant.ru/doc/326562>) и попытка получить контроль над Сбербанком в 2003 г., переросшая в полноценное противостояние с управляющим делами президента РФ Сергеем Ковалевым, который в июне 2003 г. не был избран в Наблюдательный совет банка (<https://www.kommersant.ru/doc/392133>). Данные действия были восприняты российским руководством негативно, что выразалось в попытках избавиться от контролирующего влияния миноритарных акционеров Сбербанка, часть из которых представляла интересы иностранных компаний. Арест Михаила Ходорковского 25 октября 2003 г. подчеркнул жесткое отношение государства к инвестиционной политике, которой придерживались многие фонды, в том числе и Hermitage Capital Management. При этом Уильям Браудер выражал желание остаться на российском рынке, заявляя о привлекательности России для иностранных инвесторов и выразив поддержку Владимиру Путину в борьбе с нефтяной компанией «ЮКОС», принадлежавшей Михаилу Ходорковскому (<https://www.kommersant.ru/doc/638938>). Несмотря на это, в ноябре 2005 г. Браудер не был допущен на территорию Российской Федерации после трехчасового ожидания (пятнадцатичасового, по словам Браудера (<https://snob.ru/magazine/entry/36099>) в Шереметьево [4]. Можно отметить, что данный факт был признан Браудером только в марте 2006 г., т.е. заявление в поддержку борьбы российского государства с М. Ходорковским было сделано после проблем, с которыми инвестор столкнулся при прохождении границы России.

После этого конфликт между российскими государственными структурами и Hermitage

Capital Management во многом перешел в политическую плоскость, что было отмечено в самом начале расследования, инициированного управлением по налоговым преступлениям ГУВД г. Москвы и направленного против руководства Фонда и сотрудников аффилированных с ним компаний, которое было начато в мае-июне 2007 г. Указывалось, что российские власти были недовольны «участием западных хедж-фондов в работе на российском рынке». При этом жесткую позицию российского руководства по отношению к некоторым иностранным инвесторам не следует воспринимать как стремление к самоизоляции и недопущению иностранного капитала на территорию страны, что подтверждается масштабными проектами с иностранным участием, реализованными в середине 2000-х гг. и официальной позицией власти, выраженной Владимиром Путиным в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2005 г. (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>).

Тезисы, высказанные Путиным, важны для понимания сути «дела Магнитского», вызвавшего серьезное недовольство со стороны западных стран: «Россия крайне заинтересована в масштабном притоке частных, в том числе иностранных, инвестиций. Это наш стратегический выбор и стратегический подход» и «... пора четко определить те сферы экономики, где интересы укрепления независимости и безопасности России диктуют необходимость преимущественного контроля со стороны национального, в том числе государственного, капитала». В данном случае очевидно стремление к проведению протекционистской политики в отношении отдельных секторов экономики, сочетающееся с желанием привлечь дополнительные иностранные инвестиции. Приведенная позиция не устраивала многих авторов в странах Запада, имевших свое представление о рыночных ограничениях и критиковавших российскую политику протекционизма не только в стратегически важных, по их мнению, сферах.

В рамках следственных действий, начавшихся в мае 2007 г. в связи с возбуждением уголовных дел о неуплате налогов рядом российских организаций, принадлежащих Hermitage Capital Management, 24 ноября 2008 г. был арестован аудитор Сергей Магнитский. Магнитский являлся управляющим партнером консал-

тинговой компании Firestone Dunken и был охарактеризован представителем Hermitage в ответ на запрос «Коммерсанта» как «высококвалифицированный специалист в области корпоративного права и налогообложения, консультирующий большое количество международных и российских компаний, включая российские компании фонда Hermitage» [5] (в части СМИ при освещении «дела Магнитского» наблюдалась путаница при наименовании как его профессии (юрист/аудитор), так и сферы деятельности Firestone Duncan). Для рассмотрения проблематики статьи наибольший интерес будут представлять не фактические обстоятельства дела и позиции сторон, а те ракурсы, под которыми освещались данные события, что позволит оценить разные модели восприятия российской повестки.

Внимание к фигуре Сергея Магнитского и его содержанию под арестом до его смерти 16 ноября 2009 г. было привлечено в рамках дела фонда Hermitage, которое освещалось преимущественно иностранными [6] или российскими оппозиционными (нейтральными) СМИ [7, 8]. При этом основной упор был сделан на расследование (документальный фильм был размещен Hermitage в интернете, <https://www.youtube.com/watch?v=JW0AnZLScg&t=6s>), проводимое Фондом в отношении денежных средств, которые, по его заявлению, были похищены из бюджета Российской Федерации. «Коммерсантъ» в своей статье «Аудитору продлили заключение: обвиняемый по делу Hermitage Capital остается под стражей» обращает внимание на состояние здоровья Магнитского и тяжелые условия его заключения, которые, однако, не находились в центре внимания до его смерти.

Сообщения о смерти Сергея Магнитского стали появляться 17 ноября 2009 г. (<https://www.interfax.ru/russia/110496>, <https://www.kommersant.ru/doc/1276448>), однако развернутые статьи стали появляться 18–19 ноября, среди которых стоит отметить материалы «Новой газеты», опубликовавшей у себя дневники Сергея Магнитского [9]. Внимание СМИ сфокусировалось на многочисленных проблемах уголовно-исполнительной системы России, что также было поддержано российскими властями и лично Президентом Медведевым, поручившим проверить обстоятельства смерти Магнитского (<https://lenta.ru/>

news/2009/11/24/errand/). В 2009 г. иностранные СМИ проявили ограниченный интерес к «делу Магнитского», преимущественно описывая обстоятельства произошедшего [10].

Однако ракурс освещения «дела Магнитского» изменился весной 2009 г., когда официальные лица США обратили повышенное внимание на данные события, что выразилось в предложении сенатора Бенджамина Кардина о введении запрета на получение американских виз для граждан России, которые, по мнению США, были причастны к смерти Магнитского. Также в конце мая Барак Обама выразил соболезнования семье Сергея Магнитского через Майкла Макфола (<https://echo.msk.ru/news/683415-echo.html>). На протяжении последующих месяцев смерть Магнитского стала рассматриваться западными СМИ и официальными лицами как символ поспешности политики «перезагрузки» [11] и повод для включения вопросов о коррупции и правах человека в предмет переговоров с Россией (<https://www.theguardian.com/politics/2011/sep/12/david-cameron-russia-rebuild-relationship>).

Как представляется, после свержения Каддафи в 2011 г., начала гражданской войны в Сирии и активизации протестного движения в России желание и возможности для улучшения отношений между Россией и странами Запада были исчерпаны. В США был принят акт Магнитского (параллельно с отменой поправки Джексона–Вэника), который фактически стал предшественником санкций, введенных против России в 2014 г. Также ограничительные меры были введены Европейским союзом и некоторыми странами Британского Содружества, в ответ на которые был принят Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»* или «закон Димы Яковлева», вызвавший масштабные дискуссии в российском обществе. При этом международная реакция в странах, не являющихся союзниками США, была не столь однозначной, что подчеркивает существенную разницу в подходах к восприятию внутривнутриполитических

событий, происходящих на территории других государств.

Рассматривая «дело Магнитского», необходимо выделить несколько существенных аспектов, связанных с последствиями, которые последовали в публичном пространстве.

Во-первых, объективно существующие до сегодняшнего времени проблемы с правоохранительной (прежде всего уголовно-исполнительной) системой Российской Федерации остро стояли перед обществом и государством на протяжении всего существования России в ее нынешнем виде. Очевидно, что взаимоотношения со странами Запада не зависели от успешности решения данных проблем. Коррупционированность российских чиновников, с которой, как утверждает, боролся Сергей Магнитский (https://www.washingtonpost.com/opinions/in-mr-bidens-moscow-visit-a-welcome-mention-of-rights/2011/03/11/AB1DwWR_story.html), также не мешала сотрудничеству России и западных стран во многих сферах. Очевидно, что российские СМИ (независимо от их политической ориентации) должны и даже обязаны призывать власть к решению острых проблем подобного рода, однако откровенно запоздалую реакцию иностранных государств и СМИ, требующих ввести ограничительные меры против России, не следует рассматривать буквально. Как видится, в данном случае внешнеполитические претензии стран Запада маскировались под справедливые и разумные требования о решении жизненно важных проблем государства.

Исследовав фактическую сторону дела, следует перейти к ответам на вопросы, которые были поставлены ранее. Очевидно, что новая политика России по отношению к иностранным инвесторам и предпринимателям, предполагавшая более жесткий контроль за их деятельностью в ключевых для государства сферах, не одобрялась западными странами, однако трудности, возникшие у Hermitage Capital Management, не использовались как повод для применения пропагандистских методов, характерных для информационных войн современности. Таким же образом можно ответить на второй и третий вопросы: арест Магнитского не освещался российскими СМИ подробно и не комментировался властями как акт, совершенный ради защиты обороноспособности и суверенитета страны, что типично

* Федеральный закон от 28.12.2012 № 302 «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации. 2012 г. № 53. Ст. 7597.

для противостояния в информационной сфере, начиная со времен крымского кризиса, а запоздалая реакция на смерть Магнитского не позволит нам говорить о том, что его гибель заранее предполагалось использовать для развязывания информационной войны с Россией. При этом ответ на четвертый вопрос, как видится, должен быть положительным, что во многом подтверждается логикой развития «дела Магнитского» и позволяет выделить комплексный характер рассматриваемых событий: освещение Дела, несомненно, стоит оценивать в рамках концепции информационной войны. Однако резкие и категоричные трактовки стоит объяснять не только логикой данной концепции, но и внутривнутриполитическим противостоянием в США, в рамках которого «дело Магнитского» использовалось для саботажа миротворческой деятельности администрации Обамы, которая планировала существенные изменения во внешней политике, не ограничивавшиеся российским направлением.

Представляется, что в данном случае «дело Магнитского» использовалось как повод, позволивший оставить окно для ограничительных мер против России, ставя их отмену в зависимость от степени соблюдения прав и свобод человека на ее территории, для оценки которой проблематично использовать полностью объективные методы. Также в рассматриваемом деле видны глубинные противоречия между подходом российского руководства (которое на протяжении последних двадцати лет пыталось ограничить иностранное влияние и поставить деятельность международных инвесторов в определенные рамки) и подходом стран Запада, для которых желание российской власти сделать иностранных инвесторов менее «токсичными» для самой себя (т.е. исключить их из социальной и политической жизни страны, оставляя для них исключительно экономическую деятельность) было неприемлемо.

Представляется, что Россия изначально не рассматривалась как основная цель при информационной раскрутке «дела Магнитского», однако последующая эскалация отношений между Россией и Западом позволила использовать его во взаимосвязи с остальными событиями, которые можно рассматривать как полноценные акты информационной войны, ведущейся обеими сторонами. Как видится,

такие знаковые события, как «дело Надежды Савченко», отравление Скрипалей, инцидент в Керченском проливе, развивались в логике концепции информационной войны в большей степени, нежели «дело Магнитского». Так, например, процесс над Савченко, проводимый в России, изначально носил показательный характер, как пример неотвратимости наказания для лиц, проявляющих агрессию в отношении России и журналистов ВГТРК, но у западных государств и СМИ была иная интерпретация, позволявшая выставить российские действия в невыгодном для страны свете. Иными словами, доля идеологической составляющей была крайне высока (в «деле Магнитского» нельзя выделить подобный антагонизм: обычный российский юрист, арестованный в рамках уголовного дела/жертва российской системы правоохранительных органов и: убийца российских журналистов Савченко/невинно пострадавший боец-военнопленный украинской армии, олицетворяющий беззаконие, творимое Россией на юго-востоке Украины). Обе точки зрения являются взаимоисключающими, что оставляет незначительное пространство для переговоров и повышает ставки в информационном противостоянии, без существенных репутационных потерь из которого сможет выйти только одна сторона.

Можно предположить, что с учетом современных реалий термин «информационная война», до последнего времени являвшийся дискуссионным, примет более определенные черты. Данный процесс, как представляется, будет обусловлен как наработкой шаблонных методов информационного воздействия с использованием современных технологий, так и опытом проведения «боев» информационной войны, чей сценарий развивался по схожим моделям. «Дело Магнитского», на наш взгляд, не может выступать в качестве законченного акта информационной войны (хотя, несомненно, стало фундаментом и обоснованием для последующих пропагандистских конструкций), так как его природа носит комплексный характер, скорость развития событий существенно уступает иным примерам, приведенным в исследовании, а образность, с которой освещаются события, не имеет противоречивости и категоричности, присущей актам информационной войны, активно ведущейся последние несколько лет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соловей В. Д. Информационная война и медиаманипулирование: что, почему, кто. *Российская школа связей с общественностью*. 2015;(6):148–164.
2. Караганов С. А. Как победить в холодной войне. *Россия в глобальной политике*. 2018;(5):102–115.
3. Граник И. Дмитрий Медведев надеется на Барака Обаму в решении проблемы Афганистана. *Коммерсантъ*. 24.01.2009.
4. Бутрин Д. Уильям Браудер признал себя невъездным. *Коммерсантъ*. 20.03.2006.
5. Жеглов А. Аудитом Hermitage занялись основательно. *Коммерсантъ*. 27.11.2008.
6. Philip P. Pan Investment firm dares to push charges of corruption in Russia. *The Washington Post*. 2009. October 19.
7. Соковнин А. Аудитору продлили заключение: обвиняемый по делу Hermitage Capital остается под стражей. *Коммерсантъ*. 16.09.2009.
8. Всеволод Бельченко «В России инвестор рискует свободой». *Огонёк*. 2009;(24):34–35.
9. Гордиенко И. Бутырский кошмар. *Новая газета*. 19.11. 2009.
10. Gregory L. White Russia to Examine Why Prisoner Died. *The Wall Street Journal*. 2009. 25.11.
11. David J. Kramer America's silence makes us complicit in Russia's crimes // *The Washington Post*. 2010. September 20.

REFERENCES

1. Solovey V. D. The Information war and media manipulation: what, why, who. *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu*. 2015;6:148–164. (In Russ.).
2. Karaganov S. A. How to win the Cold War. *Rossiia v global'noi politike*. 2018;5:102–115. (In Russ.).
3. Granik I. Dmitry Medvedev hopes for Barack Obama in solving the problem of Afghanistan. *Kommersant*. 24.01.2009. (In Russ.).
4. Butrin D. William Browder pleaded banned. *Kommersant*. 20.03.2006. (In Russ.).
5. Zheglov A. Hermitage audit thoroughly engaged. *Kommersant*. 27.11.2008. (In Russ.).
6. Pan Philip P. Investment firm dares to push charges of corruption in Russia. *The Washington Post*. October 19, 2009.
7. Sokovnin A. The report was extended to the auditor: the defendant in the Hermitage Capital case remains in custody. *Kommersant*. 2009.16.09. (In Russ.).
8. Belchenko V. "In Russia, the investor risks freedom". *Ogonek*. 2009;24:34–35. (In Russ.).
9. Gordienko I. Butyrsky nightmare. *Novaya Gazeta*. 19.11.2009. (In Russ.).
10. Gregory L. White Russia to Examine Why Prisoner Died. *The Wall Street Journal*. 25.11.2009.
11. Kramer David J. America's silence makes us complicit in Russian crimes. *The Washington Post*. September 20, 2010.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Владиславович Зубов — кандидат исторических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
zubov305@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Zubov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
zubov305@yandex.ru

Статья поступила 21.11.2019; принята к публикации 10.12.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 21.11.2019; accepted for publication on 10.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-28-32
УДК 339.138(045)

Рынок печатных СМИ в эпоху диджитализации

Д.А. Барташевич^а, Н.В. Ребрикова^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-3024-1492>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-7280-7178>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена обзору рынка печатных СМИ США, Великобритании и России в эпоху диджитализации. Авторами рассмотрены перспективы развития данного сегмента, а также представлен анализ рынка печатной прессы каждой вышеперечисленной страны. Приведена статистика относительно кризиса рынка печатных СМИ в США и России и его небольшого роста в Великобритании. Проведен контент-анализ информации касательно развития рынка печатных СМИ, показаны различные точки зрения по данному вопросу, обозначены перспективы печатных СМИ в будущем. Также в статье затронут вопрос о причинах падения рынка печатных СМИ в каждой из представленных стран, приведены рекомендации по восстановлению рынка печатных СМИ в России.

Ключевые слова: рынок печатных СМИ; пресса; тираж; диджитализация

Для цитирования: Барташевич Д.А., Ребрикова Н.В. Рынок печатных СМИ в эпоху диджитализации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):28-32. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-28-32

ORIGINAL PAPER

Printed Mass Media Market in the Era of Digitalisation

D.A. Bartashevich^а, N.V. Rebrikova^б

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-3024-1492>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-7280-7178>

ABSTRACT

The article reviews the printed mass media market of the USA, Great Britain, and Russia in the era of digitalisation. We consider prospects of development of this segment and also present the analysis of the market of the printing press of each country mentioned above. The authors provide statistics reflected the crisis of the printed mass media market in the USA and Russia, as well as its weak growth in the UK. Further, we carry out the content analysis of information on the development of the printed mass media market, present various points of view on this issue, and outline the prospects of print media in the future. The article also touches upon the causes of the decline of the printed mass media market in each of the concerned countries, provides recommendations for the restoration of the printed mass media market in Russia.

Keywords: printed mass media market; press; circulation; digitalisation

For citation: Bartashevich D.A., Rebrikova N.V. Printed Mass Media Market in the era of digitalization. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):28-32. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-28-32

Актуальность работы обусловлена достаточно быстрым переходом СМИ из печати в медиaprостранство. Если еще в 2011–2012 гг. медиахолдинги отказывались от разработки приложений, обосновывая это дороговизной, то сегодня такая позиция может привести к потере определенного сегмента читателей. Однако, по данным исследования Mediamakers, к концу 2016 г. сформировалась парадоксальная ситуация: пользователи смартфонов проводят в приложениях до 85,7% своего свободного времени, но очень малую его часть тратят на приложения СМИ, а еще меньше — на сайты изданий [1].

Как можно охарактеризовать рынок печатных СМИ сегодня? На Московском финансовом форуме, проходившем 12–13 сентября 2019 г. в Манеже, на круглом столе, посвященном будущему деловых СМИ, представитель РБК отметил, что сегодня рынок печатных изданий постепенно уходит в небытие, уступая место интерактивным порталам, сайтам, мессенджерам, приложениям, группам в социальных сетях. Объясняется это тем, что современные пользователи не готовы платить за контент, а также не видят смысла в ежедневной переплате за бумагу, когда они могут находить ту же информацию, только более актуальную, в Интернете.

PWCCORPORATE¹ прогнозирует, что общемировой объем газетного сегмента (реклама и доход от продаж) к 2020 г. сократится на 8% и составит 121 млрд долл. Стоит отметить, что печатные издания продолжают доминировать на рынке, но их доход будет постепенно снижаться. Цифровые же СМИ на данном этапе своего развития не могут полностью возместить уровень дохода от продажи печатного материала [2]. Четверть из 1,8 тыс. медиаменеджеров, главных редакторов, аналитиков рынка уверены, что основная проблема «бумаги» — сопротивление прогрессу, и еще четверть считают, что главная проблема заключается в невозможности построения правильной бизнес-модели.

Рассмотрим подробнее рынки печатных СМИ Великобритании, США и России.

В Соединенном Королевстве падение журнального рынка началось еще в 2006 г. со

средним показателем 10%. С 1990 по 2000 г. на рынке Великобритании регистрировалось около 400 новых журналов каждый год. К 2006 г. этот показатель снизился до 270, а в последнее время он находится примерно на отметке 300.

Можно заметить небольшую тенденцию к улучшению ситуации на рынке: печатная пресса остается достаточно важным аспектом жизни англичан — она одна из самых конкурентоспособных на мировой арене, имеющая достаточно длинную историю. Несмотря на то что многие газеты и журналы закрываются, 10 ежедневных и 10 воскресных газет стабильно выходят в печать [3].

Можно заметить небольшую тенденцию к улучшению ситуации на рынке: печатная пресса остается достаточно важным аспектом жизни англичан — она одна из самых конкурентоспособных на мировой арене, имеющая достаточно длинную историю.

Газета, как и чай, фактически, ассоциируется с британской культурой.

В 2016 г. на рынке Соединенного Королевства появилось 344 новых периодических журнала, что на 7% больше, чем в 2015 г., количество новых непериодических изданий выросло по итогам 2016 г. и составило 373 наименования, при том что в 2015 г. их было не более 200. Однако тираж остается на достаточно низком уровне — 11 тыс. экземпляров, хотя еще несколько лет назад количество экземпляров первого номера достигало 40 тыс. Данная статистика говорит о том, что, несмотря на небольшой рост, который наблюдается в отрасли, тираж все равно значительно снижается. По итогам 2016 г. только пять журналов превысили планку печати первого номера в 100 тыс. экземпляров, а в 2005 г. таких насчитывалось 33 [2].

Вопреки представленной выше статистике в британских исследованиях утверждается, что газеты остаются востребованными источ-

¹ PricewaterhouseCoopers — международная сеть компаний, предлагающих услуги в области консалтинга и аудита.

никами новостей, а также важной отраслью в экономике страны.

Новостные британские медиакомпании в 2015 г. внесли в ВВП страны около £ 5,3 млрд обеспечив почти 88 тыс. рабочих мест [2].

В США немного другая ситуация. Еще с 2008 г. наблюдается падение спроса на печатную продукцию СМИ, вследствие чего происходит уменьшение доходов издателей и медиахолдингов (<http://distpress.ru/pressr/268922-rynok-pechatnykh-smi-ssha-v-poiskakh-uvelicheniya-prodazh.html>). Особенность прессы в США — ее чисто коммерческая основа, а также монополизация. Сейчас в стране насчитывается три крупных медиахолдинга. Несмотря на мировой кризис печатных СМИ, в Америке выпускается примерно 23 тыс. периодических изданий — 12 тыс. газет и 11 тыс. журналов.

В 2010 г. 1-е место по количеству тиража ежедневных газет занимал «Уолл-Стрит джорнэл» (2,1 млн экз.), 2-е — «Ю-Эс-Эй тудэй» (1,8 млн экз.), 3-е принадлежало «Нью-Йорк таймс» (876,6 тыс. экз.), 4-е — «Лос-Анджелес таймс» (600,4 тыс. экз.), 5-е — «Вашингтон пост» (578,5 тыс. экз.) [4].

Доказательством серьезного кризиса в американской прессе служит продажа Daily News (являющейся практически символом Нью-Йорка) за 1 доллар чикагской корпорацией Тронс в июле 2018 г. [5]. Сначала произошло сокращение тиража с 1 млн экз. до 200 тыс., а потом — увольнение половины штата сотрудников.

Pew Research Center² опубликовал статистику, согласно которой более трети (36%) газет США пережили сокращение своего штата в период с января 2017 по апрель 2018 г. [5].

Что касается российского рынка печатных СМИ, то, по словам Александра Оськина, вице-президента Союза предприятий печатной индустрии, государство должно протянуть руку помощи печатным СМИ [6].

По оценкам экспертов, рынок печатных СМИ в нашей стране находится в кризисном состоянии уже пять лет в связи с законами, ограничивающими распространение рекламы, принятыми в 2014 г. Рекламные бюджеты сократились на 51,5%, что, конечно, снизило

тиражность. За это время количество зарегистрированных в Роскомнадзоре печатных СМИ сократилось почти на 21%, с рынка ушло более 13 тыс. газет и журналов.

По данным ВЦИОМ, россияне отдают предпочтение электронным СМИ. В 2017 г. была отмечена следующая статистика: количество людей, выбирающих диджитал-каналы для получения информации, достигло 47%, значительно увеличившись с 29% в 2013 г. Предпочтения относительно печатных СМИ смещаются в меньшую сторону: 58% в 2013 г. и 46% — в 2017 г. (<https://tass.ru/obschestvo/4863572>).

Интересный опрос был проведен на Московском финансовом форуме в ходе дискуссии главных редакторов — представителей деловой прессы о будущем рынка печатных СМИ в России: слушатели отвечали на вопросы в ходе обсуждения. Результаты оказались достаточно противоречивыми: большинство считает информацию, распространяемую через мессенджеры и социальные сети, недостоверной, но в то же время уже не готовы тратить деньги на приобретение печатных аналогов.

Одной из причин падения рынка печатной прессы стало уменьшение пунктов ее распространения: в 2014 г. насчитывалось 28 900 киосков, в настоящее время — 16 000.

Согласно исследованию платформы MEDIADIGGER³, в 2016 г. отечественный рынок находился в глубоком кризисе. Аналитики MediaDigger (с опорой на статистику Роскомнадзора) утверждают, что в 2016 г. закрылось 6679 изданий, а новых было зарегистрировано только 3461 (включая ТВ, радио, интернет-СМИ, информагентства). Тяжелее всего пришлось печатным изданиям — 68% закрытий [2].

Еще одной проблемой кризиса печатных СМИ в РФ, по мнению специалистов, является уменьшение рекламных бюджетов. Современная российская пресса находится на 4-м месте среди всех медиа по объему рекламы [7].

Главная задача рынка печатных СМИ в России сегодня — найти свое место в быстро меняющемся диджитализированном мире. Важнейший приоритет — мультимедийный путь развития.

По оценкам Ericsson Networked Society Lab, СМИ и мобильные технологии все теснее переплетаются, и это дает основание полагать, что

² Pew Research Center — исследовательский центр, расположенный в Вашингтоне. Предоставляет информацию касательно социальных проблем, кризиса, демографии и т.п.

³ MediaDigger — CRM-система для работы со СМИ [10].

вскоре мобильные девайсы заменят всю печать полностью (<https://adindex.ru/publication/analytics/search/2018/07/26/172978.phtml>).

В целом стоит отметить, что в Европе и США наблюдается меньший спад продаж, нежели в России: рынок США потерял 34%, рынки Франции и Великобритании — 31%, рынок Германии — 24%, а рынки Средней Азии, Африки и Латинской Америки — 2–7%.

По прогнозу PwC, к 2021 г. объем мирового рынка печатных СМИ в стоимостном выражении (в долл. США) сократится на 8,4%, при этом газетный сегмент — на 13%, а журнальный — всего на 2,3% [6].

В недавнем исследовании доктора Нила Турмана из Лондонского университета подтверждается особое внимание читателей к газетам. В эпоху мобильной связи 89% респондентов предпочитают читать национальные газеты на бумаге, с помощью мобильных устройств — всего 7%, 4% — на ПК. Исследование Турмана опирается на данные британского отчета National Readership Survey (NRS) о прессе и Com Score — об Интернете и включает данные об 11 национальных новостных брендах [2].

Несмотря на множество негативных прогнозов относительно будущего печатных СМИ, существуют и позитивные мнения по данному вопросу. По словам Бориса Коношенко из Metro International, «доверие к бумаге возрастает, несмотря на высокую конкуренцию со стороны диджитал». Анита Гиговская, президент Conde Nast Россия, уверена, что у печатной

прессе большое будущее. По мнению авторов, конкретно в России для развития рынка печатных СМИ государство должно поддерживать издательства, давать больше возможностей для увеличения рекламного бюджета, повышая тем самым тираж.

В целом для мирового рынка важно идти за потребителем, осуществлять коммуникацию «на его волне». Соответственно если читатели переходят полностью в мессенджеры, то и редакторы газет/журналов и т. д. должны переносить определенную долю контента в эти самые мессенджеры.

Контент — то, с помощью чего СМИ еще могут конкурировать с пространством Интернет и социальными сетями. Только качественная, уникальная и правдивая информация может привлечь читателей к покупке того или иного журнала, газеты, буклета, брошюры и т. п.

В заключение стоит отметить, что в современном мире печатные СМИ представляют собой один из наиболее интересных сегментов рынка — он развивается, меняется и т. д. Прогресс не стоит на месте, и единственная возможность выжить для печатных изданий — это следовать за инновациями, а не избегать их. Печатные СМИ, скорее всего, никуда не исчезнут, но вопрос формы и содержания все еще остается открытым.

Как сказал писатель Жарко Петан: «О светлом будущем заботятся политики, о светлом прошлом — историки, о светлом настоящем — журналисты».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мартынов Д. Рынок печатных и электронных СМИ России: проблемы и тенденции. URL: <http://distpress.ru/pressr/283974-rynok-pechatnykh-i-elektronnykh-smi-rossii-problemy-i-tendentsii.html>.
2. Оськин А. Что происходит с издательским бизнесом во всем мире. URL: <https://jrnlst.ru/izdatelskie-tendencii-v-mire-perelom-nastupaet>.
3. Пустовалов А. Пресса Великобритании: между «бумажным» прошлым и цифровым будущим. *Вестник Пермского университета*. 2013;3(23):191–205.
4. Калягин Б. Характерные черты современной прессы в США. *Вестник Московского университета*. 2013;(3):116–132.
5. Петров С. Старейшая газета Нью-Йорка оказалась на грани закрытия: USA Really протянуло руку помощи увольняемым в США журналистам. URL: <https://riafan.ru/1081795-stareishaya-gazeta-nyu-iorka-okazalas-na-grani-zakrytiya-usa-really-protyanulo-ruku-pomoshi-uvolnyaemym-v-ssha-zhurnalistam>.
6. Оськин А. Параметры рукотворного кризиса индустрии печатных СМИ России. URL: <https://jrnlst.ru/press-crisis.2>
7. Жигунова Ю. Торговые журналы растут за всех, «ювелирка» верна бумаге: рынок печатных изданий. 2018. URL: <https://www.sostav.ru/publication/nsk-36331.html>.

REFERENCES

1. Martynov D. the Market of printed and electronic mass media in Russia: problems and trends. URL: <http://distpress.ru/pressr/283974-rynok-pechatnykh-i-elektronnykh-smi-rossii-problemy-i-tendentsii.html>. (In Russ.).
2. Oskin A. What is happening with the publishing business around the world. URL: <https://jrnlst.ru/izdatelskie-tendencii-v-mire-perelom-nastupaet>. (In Russ.).
3. Pustovalov A. UK Press: between the ‘paper’ past and the digital future. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2013;3(23):191–205. (In Russ.).
4. Kalyagin B. Characteristic features of the modern press in the USA. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2013;(3):116–132. (In Russ.).
5. Petrov S. The oldest newspaper in New York was on the verge of closing: the USA Really reached out a helping hand to the journalists being dismissed in the United States. URL: <https://riafan.ru/1081795-stareishaya-gazeta-nyu-iorka-okazalas-na-grani-zakrytiya-usa-really-protyanulo-ruku-pomoshi-uvolnyaemym-v-ssha-zhurnalistam>. (In Russ.).
6. Oskin A. Parameters of the human-made crisis of the Russian printed mass media industry. URL: <https://jrnlst.ru/press-crisis>. (In Russ.).
7. Zhigunova Yu. Onboard magazines are growing for everyone, ‘jeweller’ is true to paper: the market of printed publications. 2018. URL: <https://www.sostav.ru/publication/nsk-36331.html>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дарья Антоновна Барташевич — студентка 3-го курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
dariabart@mail.ru

Надежда Владимировна Ребрикова — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Управление персоналом и психология», Финансовый университет, Москва, Россия
rebrikovanv@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Daria A. Bartashevich — Student of the 3rd Course, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
dariabart@mail.ru

Nadezhda V. Rebrikova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Personnel Management and Psychology, Financial University, Moscow, Russia
rebrikovanv@mail.ru

Статья поступила 01.12.2019; принята к публикации 20.12.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 01.12.2019; accepted for publication on 20.12.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-33-37
УДК 327.83(045)

Кириллица в фэшн-индустрии как новый инструмент российской политики «мягкой силы»

И.И. Калитко

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9729-0408>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению потенциала неформальных инструментов «мягкой силы» в современной России. В ней рассматриваются такие понятия, как идентичность, культура и культурные коды, мода, внешнеполитическое влияние. Сегодня ключевыми задачами российской политики являются создание и укрепление общероссийской идентичности, расширение сфер «мягкого» внешнеполитического влияния, формирование лояльности и симпатий мирового сообщества к России. Активное присутствие российских культурных кодов в мировом современном искусстве, моде и других направлениях культуры открывает новые возможности для развития российской политики «мягкой силы». В статье рассматриваются перспективы российского внешнеполитического влияния и формирования российской идентичности посредством массовой культуры и моды на примере зарождения тренда на кириллицу в мировой фэшн-индустрии в наши дни, а также потенциал влияния неформальных инструментов «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила»; soft power; идентичность; культура; культурные коды; мода; внешняя политика; молодежная политика

Для цитирования: Калитко И.И. Кириллица в фэшн-индустрии как новый инструмент российской политики «мягкой силы». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):33-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-33-37

ORIGINAL PAPER

Cyrillic in the Fashion Industry as a New Tool of the Russian Policy of “Soft Power”

I.I. Kalitko

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9729-0408>

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the potential of informal instruments of “soft power” in modern Russia. It examines such concepts as instruments of “soft power”, identity, culture and cultural codes, fashion, foreign policy influence. Today, the key objectives of Russian policy are to create and strengthen the national identity and expand the spheres of “soft” foreign policy influence, the formation of loyalty and sympathy of the world community to Russia. The active presence of Russian cultural codes in the world of contemporary art, fashion and other areas of culture opens up new opportunities for the development of the Russian policy of “soft power”. The article discusses the prospects of Russian foreign policy influence and the formation of Russian identity through mass culture and fashion on the example of the origin of the Cyrillic trend in the world fashion industry today, as well as the potential impact of informal instruments of “soft power”.

Keywords: “soft power”; identity; culture; cultural codes; fashion; foreign policy; youth policy

For citation: Kalitko I.I. Cyrillic in the fashion industry as a new tool of the Russian policy of “soft power”. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):33-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-33-37

Сегодня в связи со многими политическими и культурологическими аспектами западная европейская культура, ранее претендовавшая на роль глобальной, стремительно теряет свои позиции и все чаще вытесняется восточной, азиатской, арабской. Подобные тенденции объясняются рядом причин: серьезным демографическим дисбалансом между европейским населением и народами Востока; увеличением миграционных потоков на европейский континент из стран Африки, Арабского мира, Китая; отсутствием прочной внутренней культуры европейцев и политики ее саморазрушения; низкими показателями аккультурации мигрантов в Европе [1] (мигранты не стремятся к адаптации, предпочитая активно насаждать свои обычаи и нормы в европейском обществе) [2].

Ослабление позиций европейской культуры открывает возможности для попытки популяризации российской культуры на территории Европы и использования европейского сообщества как объекта российской политики мягкой силы [1].

Тем не менее во внутренней политике России существует схожая проблема: российская культура теряет свои позиции на постсоветском пространстве и даже на некоторых территориях внутри страны, где происходит значительный прирост населения за счет мигрантов из Центральной Азии. Кроме того, усиливается влияние исламского мира, в особенности на территориях Северного Кавказа, что осложняет проведение централизованной политики [3].

В связи с этим представляется необходимым разработать конкретные программы по поддержке российской культуры для восстановления и укрепления основ российской идентичности на территории России, а также на постсоветском пространстве в целях сохранения так называемого «русского мира» и дружественных ему государств. Данный вопрос должен заботить не только культурологов, но и политиков, политологов, поскольку культурное влияние является важным инструментом международной политики в рамках мягкой силы.

Перестройка, социально-экономические и политические процессы 1990-х гг., усиленная европеизация культуры и слепое подражание Западу сформировали негативное, пренебрежительное отношение к собственной культуре у российского населения, снижение лояльности и интереса к ней в целом. Однако опыт последних лет показыва-

ет, что существует ряд эффективных механизмов стимулирования интереса к отечественной культуре, ее популяризации. Наиболее яркими примерами являются: проведение масштабных международных событий на территории России (зимние Олимпийские игры 2014 г. в Сочи, Чемпионат мира по футболу FIFA 2018); внедрение культурных элементов в сферу искусства, дизайна, моды. Последнее обладает широким потенциалом с точки зрения длительного воздействия и менее очевидного политического подтекста, который часто отпугивает скептически настроенную к власти молодежь.

Современное искусство и мода сами по себе все больше стремятся нести определенные политические меседжи, поэтому политикам стоит задуматься об использовании подобных инструментов в интересах государства. Один из возможных способов — оказание поддержки со стороны властей зарождающимся тенденциям, соответствующим внешне- и внутривластным интересам страны.

Мода представляет собой универсальный, общемировой язык, который является средством самовыражения, и в частности отражения своей общественной, политической позиции и т.п. Преимущество трендов в мире моды состоит в скорости, масштабах и каналах их распространения.

Стихийное формирование тренда является важной частью культурной жизни общества, к тому же самостоятельно сложившийся тренд, как правило, является прочным и долгоживущим. Особенно важными представляются культурные коды, заложенные в нем, поскольку в данном случае тренд приобретает политическое значение и может быть использован политиками в интересах государства. Мода представляет собой культурный язык и является примером кода, который представляет собой вторичную моделирующую систему [4]. Такая система формирует символические стандарты общества и осуществляет контроль над системами знаков и кодов, несущих определенную смысловую нагрузку, единую для всех представителей данного общества. Роль культурного кода крайне важна в вопросах формирования общественного сознания и воздействия на него. Поэтому новые явления в культурной жизни, искусстве и даже в моде и закрепление через них российских культурных кодов в мире может стать одним из эффективных инструментов российской политики «мягкой силы».

Пример эффективного трендмэйкинга не только в фэшн-индустрии, но и в культурном пространстве в целом — кириллица. Спрос на русскоязычные надписи на одежде возник еще в начале 2000-х гг., но закрепился не сразу. Первоначально он захватил уличную моду Европы и США, когда в России, наоборот, господствовали западная культура и латиница как ее неотъемлемая часть. Первые появления кириллицы носили локальный характер и не имели яркого политического подтекста: в России это были футболки с надписями на русском в коллекциях Дениса Симачева, в США — бренд Михаила Бортника и Грегори Риверы «Мишка». Формирование тренда и его ассоциативности с Россией происходит в 2008 г. в дизайне Гоши Рубчинского. Новое нестандартное решение для мира моды — использовать надписи на кириллице — совпало с растущим интересом к России за рубежом. Как результат — тренд на кириллицу быстро захватил уличную моду, потом в одежде с надписями на русском стали появляться зарубежные блогеры, актеры, ведущие. В 2017 г. пришла новая волна интереса к необычным надписям на русском, которая продолжает набирать обороты. Сегодня одежда Гоши Рубчинского и его коллег — грузинского дизайнера Демны Гвасалии, украинок Лилии Пустовит и Юлии Ефимчук — переключались в массмаркет: на страницы глянцевого журнала, в коллекции популярных брендов и даже в музыку. Крупные марки одежды Burberry, KTZ, Comme de Garçons активно используют кириллицу в своих коллекциях. Ставку на русскоязычные тексты делает и массмаркет: например ZARA, Adidas и американский гигант Urban Outfitters, выпустивший футболки со словами «Равноправие» и «Никогда» [5].

Феномен популярности нового тренда во многом можно объяснить через специфику его возникновения: первоначально надписи на русском получили распространение в уличной моде, захватив массы, и только через несколько сезонов кириллица вошла на подиумы в интерпретации именитых дизайнеров. И если модные дома и ведущие бренды теперь стремятся рассматривать русские буквы исключительно с позиции эстетики и стиля, то отечественные и зарубежные потребители по-прежнему видят в них что-то сакральное. В политическом смысле важной функцией кириллицы стало воодушевление и подъем энтузиазма представителей русской культуры на постсоветском пространстве и русских мигрантов по всему

миру. «Множество людей из стран бывшего СССР восторгаются тем, как часть русской культуры стала внезапно интересна миру моды» [6]. Это способствует сплочению, укреплению российской идентичности и воссозданию единого русского пространства посредством культуры, конкретно в данном случае — моды.

Вопреки мнению, что подобные приемы не имеют привязки к культуре и воспринимаются исключительно как визуальный элемент, повышение интереса к России, русскому языку и культуре можно заметить у европейских представителей искусства, шоу-бизнеса, интернет-сообщества. Феномен кириллицы в том, что вещи с русскоязычными надписями быстро приобрели статус политического высказывания. Пример тому — появление в эфире «Евровидения-2019» в секторе болельщиков Швеции женщины в футболке с надписью «Измени мир».

В последнее время в Европе популярны принты на одежде, связанные с не только с языком, но и с более конкретной символикой России. Так, в сентябре 2019 г. бренд Black Star Wear выпустил коллекцию одежды, связанную с тематикой армии России и В. Путиным. В странах Балтии товар с данной символикой был раскуплен в считанные дни, при этом среди покупателей были не только русскоязычные граждане. Однако служба госбезопасности Латвии нашла в открытии магазина Black Star в Риге и портретах В. Путина на футболках политический контекст, который, по ее мнению, соответствует «стремлению России пропагандировать ее геополитический курс и усилить влияние в других странах». Несмотря на позиционирование коллекции как стандартной коллаборации брендов Black Star Wear и «Армии России»*, латвийские спецслужбы увидели угрозу возникновения «недоразумений» в связи с символикой, выражающей причастность к Вооруженным силам РФ. Подобный пример демонстрирует два важных явления. Во-первых, за рубежом существует спрос на атрибуты российской культуры и соответствующую символику на уровне масс, что говорит о перспективности использования подобных инструментов «мягкой силы». Во-вторых, к выбору визуальных образов нужно подходить ответственно, чтобы не допустить двойного толкования, как в случае с Black Star,

* Black Star Wear: майки с Путиным в Риге были приколом, а коллекция «Армия России» полностью распродана (Delfi, Латвия). URL: <https://inosmi.ru/social/20190913/245816104.html>.

поскольку открытая идеологизация и явный политический подтекст могут дать обратный эффект в виде отторжения у населения и подозрений со стороны властей и спецслужб другого государства. Тем не менее важным представляется выход образов российской культуры на мировой рынок, что дает нам новые возможности для расширения политического инструментария.

Долгое существование однополярного мира в политике привело к однополярности и в других сферах, и если в мюнхенской речи 2007 г. Владимир Путин обозначил активную позицию России непосредственно в мировой политике, то возможности влияния, в том числе политического, в сфере культуры все еще ускользали из поля зрения российских властей. Тем не менее именно политика мягкой силы, проявление лояльности и симпатии к России через поддержку культурных и образовательных фондов, организаций, программ за рубежом и использование нестандартных инструментов (таких как мода) могли бы способствовать предупреждению кризисных ситуаций в отношениях со странами-соседями. Яркий пример потерянной сферы влияния, где кризис искусственно создавался (в том числе, на основе культурных и языковых особенностей) — Украина. Своевременная и активная работа с населением посредством «мягкой силы» и трансрегиональной парадипломатии [7] могла бы сгладить последствия антироссийской пропаганды и сократить количество негативно настроенной к России молодежи, которая и стала базой для разжигания острого конфликта.

Кроме того, потенциал трендов в моде важен для внутренней политики, в особенности молодежной. Российские дизайнеры, показавшие Западу самобытность и красоту русского языка, кириллица на показах западных дизайнеров, мировые звезды в одежде с надписями на русском (Канье Вест, Рианна, Рита Ора) воодушевляют российскую молодежь и пробуждают интерес к своей культуре, возрождают чувство гордости за нее и свою принадлежность к ней. Приход кириллицы на российский рынок сделал тренд массовым, и сегодня он хорошо прижился среди молодежи. В начале 2000-х гг. власти активно

взялись за разработку молодежной политики, и на сегодняшний день созданы «правовые, социально-экономические и организационные условия для успешной самореализации молодежи, направленные на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития РФ, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышение ее роли в жизни страны» [8]. Однако проработке культурных аспектов формирования российской идентичности и притяжения отечественной культуры в молодежной среде не было уделено достаточного внимания. Сегодня общественный запрос на российскую культуру начал формироваться самостоятельно, потому государству остается только поддержать эти процессы и направить их в нужное русло. В частности, пример с надписями кириллицей на одежде является позитивным трендом для формирования российского массового сознания.

«Мягкие» технологии обладают значительным потенциалом для российской внутренней и внешней политики, поэтому в современных условиях необходимо искать новые неформальные инструменты воздействия, например, такие, как индустрия моды. Для этого можно использовать уже возникшие тренды и проработать стратегии их грамотного применения. Одним из перспективных вариантов, как показано в данной статье, видится использование кириллицы в молодежной моде и дизайне одежды в целом.

Таким образом, занимаясь разработкой и внедрением нестандартных и перспективных инструментов политики «мягкой силы», Россия может решить ряд актуальных проблем во внешней и внутренней политике, а также заложить основу для своевременного предупреждения потенциальных кризисов. Распространение российских «мягких» технологий в странах СНГ и Европы будет способствовать формированию лояльности и симпатии к России, что поможет восстановить позитивные тенденции в международной политике и укрепить позицию государства. Кроме того, разработка конкретных инструментов по поддержке российской культуры поможет решить еще одну ключевую задачу современной российской политики — восстановления и укрепления основ российской идентичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фролов И.Д. Проблема «Запад-Восток» на примере миграции из Ближнего Востока и Северной Африки в страны Европейского союза (ЕС). *Социально-политические науки*. 2017;(2):21–25.
2. Авдеева Н.А., Болотина Н.И. Современные миграционные процессы в Европе в аспекте межкультурной коммуникации. *Символ науки*. 2016;(5):256–259.

3. Хисамов Р. Ислам в мировой политике: механизмы влияния и перспективы. URL: https://islam-today.ru/politika/islam_v_mirovoj_politike_mexanizmy_vliyaniya_i_perspektivy/.
4. Культурология. Учебное пособие. Г.В. Драч, ред. М.: Альфа-М; 2003.
5. Михайлова А. Кириллица «на стиле»: почему иностранцы носят одежду с русскими слоганами. РИА Новости. URL: <https://www.nasha-strana.info/archives/19998> (дата обращения: 10.08.2019).
6. Астраханцев К. От «Спаси и сохрани» до «Волк оф шейм»: как кириллица стала модной. URL: <https://theblueprint.ru/fashion/cyrillic-in-fashion> (дата обращения: 10.08.2019).
7. Ефанова Е.В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2018;(3):417–426.
8. Шатилов А.Б. «Мягкие» технологии российской власти по профилактике и нейтрализации экстремистских проявлений в молодежной среде в 2000–2010-е годы. *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2019;9(1):32–38.

REFERENCES

1. Frolov I.D. The problem of “West-East” on the example of migration from the Middle East and North Africa to the European Union (EU). *Sotsial’no-politicheskie nauki*. 2017;(2):21–25. (In Russ.).
2. Avdeeva N. A., Bolotina N. I. Modern migration processes in Europe in the context of intercultural communication. *Simvol nauki*. 2016;(5):256. (In Russ.).
3. Hisamov R. Islam in world politics: mechanisms of influence and prospects. URL: https://islam-today.ru/politika/islam_v_mirovoj_politike_mexanizmy_vliyaniya_i_perspektivy. (In Russ.).
4. Drach G.V., ed. Cultural studies. A textbook. Moscow: Alpha-M; 2003. (In Russ.).
5. Mikhailova A. Cyrillic “on style”: why foreigners wear clothes with Russian slogans. RIA “Novosti”. URL: <https://www.nasha-strana.info/archives/19998> (accessed on 10.08.2019). (In Russ.).
6. Astrakhantsev K. From “Save and Preserve” to “Wolf of Sheim”: how Cyrillic became fashionable. URL: <https://theblueprint.ru/fashion/cyrillic-in-fashion> (accessed on 10.08.2019). (In Russ.).
7. Efanova E. V. Instruments of “soft power” in the foreign policy of the state. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*. 2018;(3):417–426. (In Russ.).
8. Shatilov A.B. “Soft” technologies of the Russian authorities on prevention and neutralisation of extremist’s manifestations in the youth environment in 2000–2010. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(1):32–38. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Игоревна Калитко — студент-бакалавр 4-го курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
kalitko.ira@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Kalitko — 4th course Bachelor student, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
kalitko.ira@mail.ru

Статья поступила 27.10.2019; принята к публикации 20.11.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 27.10.2019; accepted for publication on 20.11.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Социально-экономические риски пользователей каршеринга в московском мегаполисе

Л.А. Брушкова^а К.В. Кузнецов^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-3787-3791>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-1291-2894>

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования являются социально-экономические риски пользователей каршеринга в московском мегаполисе. Каршеринг рассматривается как один из новых видов экономики совместного потребления (sharing economy), актуализированной в современных условиях как информационными технологиями, так и постмодернистскими ценностями людей. В настоящее время каршеринг развивается в российской столице достаточно быстрыми темпами, что делает особенно актуальным изучение его различных аспектов. Проблемная ситуация исследования отражает реально сложившееся противоречие в обществе, когда, с одной стороны, расширяется объем разнообразных современных платных услуг, включая каршеринг, а с другой стороны, растут связанные с этими услугами риски населения. Целью исследования стало выявление социально-экономических рисков каршеринга в оценках как реальных, так и потенциальных пользователей этого сервиса. Основным методом эмпирического социологического исследования, проведенного в апреле-мае 2019 г., – глубинные интервью с реальными и потенциальными клиентами каршеринговых компаний в Москве. Исследование показало, что как реальные, так и потенциальные пользователи каршеринга испытывают определенные опасения относительно технического состояния арендованной машины, возможных дорожно-транспортных происшествий, страховки, денежных потерь, связанных с выставлением счетов, чистоты салона автомобиля и др. В то же время было выяснено, что сам факт совместного пользования автомобилем заставляет клиентов каршеринга более ответственно относиться к такому имуществу. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что развитие каршеринга в московском мегаполисе сдерживается в основном факторами субъективного порядка, связанными с менталитетом россиян (опасения, фобии), а также таким фактором, как достаточно низкий уровень межличностного доверия и доверия социальным институтам. Полученные результаты коррелируют с выводами, сделанными другими учеными, и позволяют наметить направления дальнейших исследований данной проблемы.

Ключевые слова: каршеринг; аренда; экономика; совместное потребление; риски; мегаполис; транспорт

Для цитирования: Брушкова Л.А., Кузнецов К.В. Социально-экономические риски пользователей каршеринга в московском мегаполисе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):38-45. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-38-45

Socio-Economic Risks of Carsharing Customers in the Moscow Megalopolis

L.A. Brusikova^a, K.V. Kuznetsov^b

Financial University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-3787-3791>; ^b <https://orcid.org/0000-0003-1291-2894>

ABSTRACT

The article presents the results of sociological research of socio-economic risks of carsharing customers in the Moscow megalopolis. Carsharing is considered as one of the new types of sharing economy stimulated our days both by information technologies development and postmodern values of people. Currently carsharing is progressing rapidly in the Russian capital that makes relevant its various aspects of the investigation. There is a real contradiction when,

on the one hand, various paid services, including carsharing, are extending and on the other hand corresponding risks for people are growing too. The main goal of the research is discovering of socio-economic risks of Moscow carsharing customers both real and potential. The primary method of empirical sociological of carried out in April-May, 2019 is in-depth interviews with actual and potential customers of Moscow carsharing companies. The study reveals that both actual and potential carsharing customers have some fears related to technical and sanitary conditions of a rented car, traffic accidents, insurance, billing etc. At the same time, we found out that the shared usage of a car itself actual the customers more responsible. It studies that development of carsharing in Moscow is constrained mainly by subjective factors related to the mentality of Russians (fears, phobias) and by such factors as sufficiently low level of trust both to people and social institutions. Obtained results are correlated to the statements made by other researchers and let to map out directions of further study of this field.

Keywords: carsharing; rent; economy; sharing consumption; risk; megalopolis; transport

For citation: Brushkova L.A., Kuznetsov K.V. Socio-economic risks for carsharing customers in the Moscow megalopolis. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2020;10(1):38-45. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-38-45

В настоящее время в крупных российских городах наблюдается стремительный рост каршеринга (от англ. car — автомобиль, share — делиться) — новой практики краткосрочной аренды автомобилей с использованием мобильных приложений. Как правило, сервисы предполагают поминутную оплату и позволяют оставить автомобиль в любой точке внутри определенной зоны, не нарушая правил дорожного движения.

Феномен совместного пользования различными ресурсами для удовлетворения потребностей появился еще в древности, когда ресурсов просто не хватало на всех членов общины. Но «шеринг» в современном понимании возник под влиянием двух основных факторов: нового технологического уклада, центром которого являются информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), и постмодернистских изменений ценностных ориентаций людей.

С появлением ИКТ стало гораздо проще связывать экономических агентов при помощи различных мобильных платформенных решений. Так, современное программное обеспечение с интернет-соединением позволяет быстро, удобно и дешево связывать клиентов каршеринга и соответствующие компании. Еще 15–20 лет назад технологически это было невозможно.

Также наблюдается изменение базовых ценностей россиян: понимания успешности, счастья, богатства и др. Так, если в позднесоветский период обладание автомобилем или дачей считалось признаком успешности человека, то в настоящее время мобильный доступ к интернету, позволяя человеку пользоваться автомобилем именно тогда, когда ему это нужно, диктует иное понимание успешности, не обязательно связанное с приобретением материальных ценностей. Уже сейчас 12% россиян,

имеющих водительское удостоверение, зарегистрированы в сервисах каршеринга, и по прогнозам ожидается рост данной отрасли (<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/03/06/795741-karsheringom-12>).

Ценность мобильности в современном обществе важнее, чем ценность закрепления на одном месте. Экономика совместного потребления отвечает этой социальной потребности, увеличивая мобильность общества.

Выдвигая свою теорию мобильности, Джон Урри считал, что перед социологами встанет задача осмысления взаимопроникновения и связи многочисленных передвижений (мобильностей) людей в обществе, того, как глобальные сети и потоки изменяют социальные структуры и их конструкторы [1, с. 233–269].

Таким образом, каршеринг — это новая для нашей страны услуга, связанная как с развитием ИКТ, так и с постепенным распространением постмодернистских ценностей в обществе, что особенно ощущается в российских мегаполисах.

В отличие от традиционной аренды автомобиля, каршеринг предполагает:

- возможность поминутной аренды машины;
- простоту доступа (через приложения для смартфонов);
- онлайн-регистрацию;
- широкий охват (по всему городу);
- отсутствие явных эксплуатационных расходов (бензин, масло, страховка, техническое обслуживание, ремонт, мойка, химчистка и т.д.).

По данным Сбербанка России, объем расходов населения на каршеринг в начале 2019 г. в России превысил 1 млрд руб. в месяц. За 2018 г. рынок каршеринга в России по сравнению с 2017 г. увеличился в 5 раз — до 7 млрд руб. Это связывается с приходом на рынок сегодняшнего лидера отрасли — ком-

пании «Яндекс.Драйв» (https://www.sberbank.ru/ru/press_center/all/article?newsID=48c6f7c1-b94e-4077-b50f-b2e050772adb&blockID=1303&regionID=77&lang=ru&type=NEWS).

Согласно информации портала truesharing.ru, за первую половину 2019 г. столичный парк автомобилей каршеринга составил 23 557 машин. В результате московский каршеринг стал мировым лидером по автопарку, опередив Токио с его 20–21 тыс. автомобилей [2].

К 2020 г. ожидается рост московского автопарка каршеринга до 30 тыс. автомобилей. Правительство Москвы рассматривает каршеринг как перспективную отрасль столичной экономики. Так, по словам Максима Ликсутова, руководителя Департамента транспорта г. Москвы, в столице почти миллион человек пользуются каршерингом регулярно, 54% — несколько раз в неделю и 21% — хотя бы раз в месяц. 84% московских пользователей каршеринга добираются на арендованном авто на работу или используют его для кратковременных поездок (<https://www.mos.ru/news/item/53039073>).

По данным Центра организации дорожного движения г. Москвы (ЦОДД), за первую половину 2019 г. каршеринговые автомобили в Москве были арендованы 24 млн раз. Это на миллион больше, чем за весь 2018 г. А в течение суток в Москве используется 81% от всего автопарка каршеринга. Ежедневно один такой автомобиль арендуется в среднем 7 раз [3].

Естественно, что с ростом количества поездок на каршеринговых автомобилях увеличиваются различные риски его пользователей. Каковы же эти риски, в оценках самих пользователей? Для изучения этого вопроса в апреле–мае 2019 г. авторами статьи было проведено социологическое исследование с использованием метода глубинного интервью (объем выборочной совокупности — 12 человек).

Поскольку каршеринг — это новая социально-экономическая практика для россиян и число его пользователей в настоящее время относительно невелико, было принято решение опросить как реальных, так и потенциальных пользователей данного сервиса. Всего было проведено 12 глубинных интервью с респондентами, постоянно проживающими в Москве и владеющими автомобильными правами категории В (легковой автомобиль с массой до 3,5 тонн). Респонденты были разделены на 4 группы:

- группа 1: пользуются каршерингом и эксплуатируют свой автомобиль;

- группа 2: пользуются каршерингом, не эксплуатируют свой автомобиль;

- группа 3: не пользуются каршерингом, эксплуатируют свой автомобиль;

- группа 4: не пользуются каршерингом и не эксплуатируют свой автомобиль.

Исследовательская гипотеза заключалась в следующем: развитие каршеринга в московском мегаполисе сдерживается в основном факторами субъективного порядка, связанными с менталитетом россиян (уровень доверия, опасения и фобии).

Обратимся вначале к рассмотрению каршерингового опыта респондентов и проанализируем две группы реальных пользователей этого сервиса, одна из которых — владельцы личных автомобилей. Именно эти респонденты пользовались каршерингом за последний год хотя бы один раз и имеют личный опыт взаимодействия с компаниями-поставщиками таких услуг (*табл. 1*).

Как следует из *табл. 1*, какой-либо связи между возрастом респондента и продолжительностью использования каршеринга нет. Примечательно, что никто из респондентов не использовал каршеринг более 2 лет. Эти данные коррелируют со временем первого бума столичного каршеринга, который пришелся на 2017 г. (напомним, что исследование проводилось в апреле–мае 2019 г.).

Согласно данным *табл. 2*, каршеринг для пользователей-автовладельцев — это скорее дополнительная транспортная возможность, расширяющая их внутригородскую мобильность, и у них, вероятнее всего, нет необходимости частого его использования. Для людей, не имеющих личный автомобиль, каршеринг является его (автомобиля) полным заменителем, что мотивирует их на более частые поездки на арендованной машине. В ходе исследования было также замечено, что чем чаще респондент использует услуги каршеринга, тем сильнее у него желание иметь собственный автомобиль.

Как следует из *табл. 3*, владельцы личного автомобиля используют каршеринг как дополнительное средство внутригородской мобильности, позволяющее им легче попадать в труднодоступные места города, например улицы, где мало парковок или они слишком дороги. Респонденты, которые не владеют личным автомобилем, пользуются арендованной машиной при решении повседневных задач, что можно было бы сделать и с помощью общественного транспорта или такси.

Как видно из *табл. 4*, среднее расстояние поездки на каршеринговом автомобиле оцени-

Таблица 1 / Table 1

**Общая продолжительность использования услуг каршеринга /
The total duration of carsharing services usage**

Эксплуатируют личный автомобиль	Не эксплуатируют личный автомобиль
Респондент 1 (мужчина, 21 год) – 2 года	Респондент 4 (мужчина, 30 лет) – 2 года
Респондент 2 (мужчина, 20 лет) – 2 года	Респондент 5 (мужчина, 31 год) – 1,5 года
Респондент 3 (мужчина, 32 года) – 1 год	Респондент 6 (мужчина, 21 год) – 8 месяцев

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 2 / Table 2

Частота использования услуг каршеринга / Frequency of carsharing services usage

Эксплуатируют личный автомобиль	Не эксплуатируют личный автомобиль
Респондент 1 (мужчина, 21 год) – 1–2 раза в неделю	Респондент 4 (мужчина, 30 лет) – 2–3 раза в день
Респондент 2 (мужчина, 20 лет) – 1 раз в месяц	Респондент 5 (мужчина, 31 год) – 2–3 раза в месяц
Респондент 3 (мужчина, 32 года) – 1–2 раза в полгода	Респондент 6 (мужчина, 21 год) – 1–2 раза в полгода

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 3 / Table 3

Самые популярные маршруты на автомобилях каршеринга / The most popular carsharing routs

Эксплуатируют личный автомобиль	Не эксплуатируют личный автомобиль
Респондент 1 (мужчина, 21 год) – от работы до университета и обратно	Респондент 4 (мужчина, 30 лет) – работа по всей Москве
Респондент 2 (мужчина, 20 лет) – поездки за МКАД и по делам в Москве	Респондент 5 (мужчина, 31 год) – аэропорт, магазин стройматериалов, в гости
Респондент 3 (мужчина, 32 года) – на работу, за город, магазин, развлечения	Респондент 6 (мужчина, 21 год) – до магазина за продуктами, забрать кого-то откуда-то

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

вается респондентами в 15 км. При этом время, затраченное на движение, составляет 35 минут. Это значит, что средняя скорость движения по Москве – примерно 25 км/ч, это соответствует движению в сильном транспортном заторе. Таким образом, один из главных страхов респондентов – попасть в пробку на арендованном автомобиле, а значит, столкнуться с немалыми финансовыми затратами, вполне оправдан. Данное предположение подтверждается и результатами исследования компании PwC «Опрос потребителей о новых технологиях в автомобильной отрасли», согласно которому 66% респондентов отметили проблему пробок на дорогах и потерю времени в пробках как основное опасение, связанное с вождением автомобиля [4].

Также некоторые пользователи каршеринга, бронируя машину, ставят ее в режим ожидания, тем самым не давая другим пользователям воз-

можности ее забронировать. Таким образом они получают гарантию, что машина «дождется» их. Но такая функция оплачивается отдельно, о чем поведал нам один из респондентов в ходе интервью.

Как следует из табл. 5, продолжительность средней поездки респондентов, не владеющих личным автомобилем, дольше, чем респондентов-автовладельцев. Так, в ходе интервью выяснилось, что один респондент арендовал автомобиль на сутки, чтобы целый день передвигаться по своим делам. Владельцы же личных автомобилей предпочитают использовать каршеринг для поездок на короткие расстояния.

В ходе интервью все респонденты указывали на те или иные преимущества использования каршеринга, причем это касается как автовладельцев, так и тех, кто машины не имеет.

Пользователи каршеринга-автовладельцы выделяют, в частности, следующие его достоинства:

**Средняя продолжительность поездки на каршеринговом автомобиле /
The average length of carsharing trip**

Эксплуатируют личный автомобиль	Не эксплуатируют личный автомобиль
Респондент 1 (мужчина, 21 год) – 10–15 км, 30–40 минут	Респондент 4 (мужчина, 30 лет) – 45 минут, 15 км
Респондент 2 (мужчина, 20 лет) – 10–45 км, время зависит от пробок	Респондент 5 (мужчина, 31 год) – 30 мин, 30 км
Респондент 3 (мужчина, 32 год) – 30–40 минут	Респондент 6 (мужчина, 21 год) – 30–40 минут. Но машина часто стоит в режиме ожидания, что тоже стоит денег. 5–10 км – средняя поездка

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

**Продолжительность самой короткой и самой длинной поездки на автомобиле каршеринга /
Duration of the shortest and the longest carsharing trips**

Эксплуатируют личный автомобиль	Не эксплуатируют личный автомобиль
Респондент 1 (мужчина, 21 год) – самая короткая поездка – 10 минут, самая длинная – 3 часа	Респондент 4 (мужчина, 30 лет) – самая короткая – 2 км, самая длинная – 50 км
Респондент 2 (мужчина, 20 лет) – самая короткая поездка занимала 10 км, это примерно 15 минут, самая длинная – несколько часов по пробкам, примерно 45 км	Респондент 5 (мужчина, 31 год) – самая короткая – 7 мин, самая длинная – 24 часа (бронирование на сутки)
Респондент 3 (мужчина, 32 года) – самая короткая – до метро – 3 минуты, самая длинная – 2 часа	Респондент 6 (мужчина, 21 год) – самая короткая – 5 метров, самая длинная – по пробкам – часа 2,5–3

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

1. Удобство при поездках на короткие расстояния.

2. Гибкие тарифы.

3. Отсутствие платы за парковку на муниципальных стоянках.

4. Большой выбор автомашин.

«Каршерингом удобно пользоваться на короткие расстояния. Динамичные тарифы позволяют сделать перемещение более выгодным, чем на такси. Нет переживаний за парковку по цене в 380 руб./ч в центре Москвы. Большой выбор машин, приложений и т.д. Всегда уедешь на чем-то. Премиум — супер:-)» (мужчина, 21 год, эксплуатирует личный автомобиль):

5. Возможность поездок на желаемом автомобиле.

«Можно проехать с друзьями» (мужчина, 20 год, эксплуатирует личный автомобиль).

6. Возможность взять машину в другом городе.

«Только при крайней необходимости. В других городах это удобно» (мужчина, 32 год, эксплуатирует личный автомобиль).

Респонденты, не владеющие собственным автомобилем, называли такие преимущества каршеринга, как:

1. Отсутствие платы за техническое обслуживание машины и топливо.

2. Возможность эксплуатации разных по моделям и классам автомобилей.

3. Возможность сэкономить на содержании собственной машины.

4. Бесплатная парковка на муниципальных стоянках.

5. Невысокая стоимость аренды автомобиля.

«Преимущество в ненужности платы за обслуживание автомобиля. Преимущество в возможности поехать на разных моделях автомобилей. Экономически выгоднее использовать машины каршеринга на короткие поездки в гипермаркет один раз в неделю, чем содержать для этих целей личный автомобиль. Преимущество в использовании муниципальных парковок (стоимость включена в стоимость аренды автомобилем). Преимущество в возможности доехать на машине в аэропорт и оставить ее там, не переживая за оплату парковки (на много дней)» (мужчина, 30 лет, не эксплуатирует личный автомобиль).

«Нет затрат на покупку авто. Нет затрат на обслуживание авто. Можно гонять, не жалея бензина и состояния авто. Дешевле, чем такси. Больше

свободы передвижения» (мужчина, 31 год, не эксплуатирует личный автомобиль).

«Бензин, парковка, сервисное обслуживание, страховка, мойка» (мужчина, 21 год, не эксплуатирует личный автомобиль).

Таким образом, все респонденты указывают на относительную дешевизну каршеринга, связанную с отсутствием эксплуатационных расходов, и его удобство. Для владельцев личного автомобиля каршеринг — это еще и отличная возможность познакомиться с возможностями люксовых машин. Для респондентов же, не имеющих личный автомобиль, каршеринг — это возможность ездить на машине, не заботясь о ее техническом обслуживании.

Перейдем теперь к проблеме социально-экономических рисков пользователей каршеринга.

Сразу отметим, что определенный вклад негативного свойства в восприятие россиянами каршеринга как высокорискованной услуги вносят СМИ. Так, если в дорожно-транспортном происшествии (ДТП) участвовала машина каршеринга, это сразу получает широкое освещение в традиционных СМИ и интернет-блогах. Если же ДТП происходит с обычной машиной, это не вызывает ажиотажа, за исключением действительно серьезных происшествий. Данную ситуацию можно объяснить тем, что каршеринг — новая экономическая практика в России, и именно поэтому он привлекает к себе пристальное внимание СМИ.

Сравним мнения реальных и потенциальных пользователей каршеринга на предмет их опасений, связанных с использованием этой услуги.

Большая часть респондентов, использующих каршеринг (3 человека), указали, что вообще не имеют каких-либо опасений, связанных с использованием данной услугой. Два человека указали, что у них есть определенные опасения, и 1 респондент заявил, что имел опасения до того, как начал пользоваться каршерингом, но потом «перестал бояться из-за большого опыта использования каршеринга».

Мнения респондентов, не использующих каршеринг, разделились поровну: 3 человека «испытывают опасения, связанные с данной услугой», и 3 человека «не испытывают».

Таким образом, большинство респондентов (7 человек) утверждают, что не испытывают каких-либо опасений, связанных с использованием каршеринга. Многие пользователи каршеринговых сервисов на момент опроса уже имели опыт решения тех или иных проблем, связанных с данным сервисом, что, по их собственным утверждениям, способствовало ослаблению настороженности. Как показал опрос,

потенциальные пользователи каршеринга имеют больше опасений относительно этого сервиса, чем реальные клиенты этих компаний.

Следует отметить, что многие респонденты — пользователи каршеринга в ходе интервью говорили, что при управлении арендованным (чужим) автомобилем они были особенно осторожны, что очевидно свидетельствует о повышенной ответственности клиентов каршеринга. Это подтверждают и ученые. Так, М.Е. Святохина в своем исследовании «Институционализация социальной ответственности потребителей (на примере пользования каршеринга в Москве)» приходит к выводу, что при управлении автомобилем, находящимся в общем пользовании, водители склонны изменять свое поведение в сторону большей ответственности, по сравнению с использованием личным автомобилем [5].

В ходе интервью мы просили респондентов конкретизировать те опасения, которые они испытывают при использовании каршеринга. Были получены следующие ответы.

«Попасть в аварию; техническая неисправность авто; можно не заметить повреждения при аренде; не закрыть авто по причине сбоя; получить штраф» (мужчина, 32 года, эксплуатирует личный автомобиль).

«Машина будет повреждена при прошлой аренде, а сумму ущерба припишут мне. Машина будет в плохом техническом состоянии, я не смогу ей воспользоваться. Придется искать другую машину или ехать на такси. Чаще всего все это сопровождается потерей драгоценного времени. Опасения, что я попаду в ДТП по моей вине. Это опасно тем, что если в машине не будет КАСКО, то сумму ущерба придется выплачивать самому. Суммы могут доходить до стоимости самого автомобиля. На каршеринге легко попасть в ДТП, так как машина незнакомая или может быть повреждена прошлыми арендующими. Опасения, что до машины нужно будет далеко идти (авто не всегда стоят близко к заказчику). Опасения, что будет нарушен какой-либо пункт договора, будет наложен большой штраф, который не получится покрыть из своих собственных средств» (мужчина, 21 года, не эксплуатирует личный автомобиль).

«Авария; не отмечу имеющиеся повреждения и их повесят на меня; не возьму водительские права с собой; не найдется место для парковки; встать в пробку» (мужчина, 31 год, не эксплуатирует личный автомобиль).

«Не совсем безопасные машины в принципе. Небезопасные с точки зрения неизвестности технического состояния. Ты не знаешь, что находится в салоне,

обшивке. Ты не знаешь, кто был до тебя в салоне и каково его здоровье. Легкая боязнь страховки и ответственности за эту машину» (мужчина, 20 лет, эксплуатирует личный автомобиль).

«Возможная неисправность автомобиля. Высокая ответственность при аварийной ситуации. Каршеринг может приписать повреждения авто от прошлого водителя мне. Небезопасное сервисное интернет-обслуживание, когда могут взломать твой аккаунт в каршеринге. Непонятная система штрафования за нарушения» (мужчина, 20 лет, не эксплуатирует личный автомобиль).

«Машина ломается. Незнание габаритов машин, незнакомые органы управления. ДТП. Отсутствие страховки. Сбои приложения, финансовые потери» (мужчина, 19 лет, не эксплуатирует личный автомобиль).

Таким образом, главные опасения респондентов связаны с техническим состоянием автомобиля как до начала, так и в процессе аренды. Так, все респонденты отметили, что боятся попасть в ДТП и арендовать автомобиль с повреждениями, оставленными предыдущими пользователями. Все это сопряжено с незапланированными расходами (штрафы, ремонт), потерей времени и нервов при «хождении по судам».

При ответах на вопрос: «Попадали ли Вы в неприятные (опасные) ситуации, связанные с каршерингом?» мнения респондентов разделились поровну. Причем пользователи каршеринга, не владеющие личными автомобилями, попадали в опасные ситуации чаще.

Среди наиболее частых происшествий при использовании арендованной машины респондентами назывались аварии и технические неполадки автомобиля. Респонденты указывали также на довольно частые технические сбои каршеринговых приложений, ошибки в выставленных счетах и др. Отмечались также случаи эвакуации автомобиля, когда пользователям самим приходилось забирать машину со штрафстоянки. Нередко респонденты попадали в пробки, что увеличивало время поездки, а значит и ее стоимость. Бывали случаи, когда предыдущие пользователи оставляли машины за заборами или шлагбаумами, что препятствовало дальнейшему использованию данного автомобиля.

Как решались такие ситуации? В ходе опроса выяснилось, что если пользователи каршеринга попадали в аварию, то оформление дорожно-транспортного происшествия производилось через ГИБДД, которая определяла виновных и пострадавших, а вопросы, связанные с технической неис-

правностью автомобиля во время аренды, в том числе, и по вине предыдущих пользователей, решались с помощью службы технической поддержки каршеринговой компании.

В ходе опроса мы также выясняли, случались ли с друзьями, знакомыми, членами семьи респондента неприятные ситуации, связанные с каршерингом. Половина опрошенных заявили, что представители их ближайшего окружения сталкивались с такими ситуациями, а именно: различными штрафами (от мелких до крупных), дорожно-транспортными происшествиями, техническими неисправностями арендованного автомобиля, некорректной работой приложения на смартфоне, ошибками при выставлении счетов, неудовлетворительным состоянием салона автомобиля. Отсюда можно сделать вывод, что опасения пользователей каршеринга формируется как на основе собственного опыта, так и под влиянием негативного опыта их ближайшего социального окружения.

Проведенное исследование позволило нам прийти к следующим выводам:

1. Активное развитие каршеринговых сервисов началось в московском мегаполисе примерно 2 года назад, о чем свидетельствует соответствующий опыт опрошенных нами пользователей каршеринга.

2. На стратегию использования каршерингового автомобиля оказывает влияние наличие у пользователей этого сервиса собственного автомобиля. Пользователи-автовладельцы используют арендованную машину как дополнение к личному транспорту, а те, кто не имеет своего автомобиля, — как основной вид транспорта (наравне с метро).

3. Основные опасения пользователей каршеринга связаны с техническим состоянием арендованной машины, возможными дорожно-транспортными происшествиями и их последствиями.

4. Большинство пользователей каршеринга уже имеют опыт решения различных проблемных ситуаций, связанных с эксплуатацией арендованного автомобиля, что снижает уровень их тревожности относительно каршеринга. Кроме того, пользователи каршеринга демонстрируют повышенную ответственность, эксплуатируя арендованное (чужое) имущество.

5. Пользователи каршеринга указывают на определенные недостатки предлагаемых в аренду автомобилей, включая неприемлемое поведение предыдущих пользователей, которые оставляют мусор и грязь в салоне автомобиля.

6. Значительная часть респондентов утверждают, что их друзья, родственники или знакомые

попадали в опасные ситуации на автомобилях каршеринга, что может негативно влиять на уровень доверия этому сервису его реальных и потенциальных пользователей.

7. Желание приобрести личный автомобиль с появлением каршеринговых услуг у большин-

ства его пользователей не пропадает. В то же время, даже при условии приобретения собственной машины, пользователи каршеринга выражают намерение продолжать использовать этот сервис (как дополнение к собственной машине).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис; 2012. 576 с.
2. Бегиашвили А. Московский каршеринг стал мировым лидером по автопарку. URL: <https://truesharing.ru/tp/19274/>.
3. Сизова А. Сколько проехали на автомобилях московского каршеринга за полгода. URL: <https://truesharing.ru/news/20288/>.
4. Малышев О. Завтрашний день автомобильной отрасли. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/autotech-russian.pdf>.
5. Святохина М.Е. Институционализация социальной ответственности потребителей (на примере пользования сервисами каршеринга в Москве). URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/219583245>.

REFERENCES

1. Urry J. Mobilities. Moscow: Praxis; 2012. (In Russ.).
2. Begiashvili A. Moscow carsharing has become a world leader in the fleet. 06.06.2019. URL: <https://truesharing.ru/tp/19274/>. (In Russ.).
3. Sizova A. How much did you drive in Moscow carsharing cars in six months? 2019.07.30, URL: <https://truesharing.ru/news/20288/>. (In Russ.).
4. Malyshev O. Tomorrow's auto industry. 2018. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/autotech-russian.pdf>. (In Russ.).
5. Svyatokhina M.E. Institutionalization of social responsibility of consumers (on the example of using carsharing services in Moscow). 2018. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/219583245>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Людмила Алексеевна Брушкова — кандидат социологических наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
lbrushkova@fa.ru

Кирилл Валериевич Кузнецов — студент 4-го курса бакалавриата факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
kkv022@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila A. Brusikova — Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
lbrushkova@fa.ru

Kirill V. Kuznetsov — Student of Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
kkv022@gmail.com

Статья поступила 15.10.2019; принята к публикации 20.11.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.10.2019; accepted for publication on 20.11.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-46-50
УДК 378.14(045)

«Геймифицируй», или почему современному образованию нужны игры (на примере студентов, обучающихся по направлениям «Социология» и «Политология»)

М.Р. Кармова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7393-0119>

АННОТАЦИЯ

Современные образовательные учреждения сталкиваются с серьезными проблемами, связанными с мотивацией и вовлечением студентов в учебный процесс. «Геймификация», или включение игровых элементов в неигровые настройки дает возможность образовательным учреждениям решить эти проблемы. Однако, если геймификация полезна для высшей школы, мы должны детально проанализировать, что она из себя представляет и как функционирует. В данной статье рассматриваются важные вопросы: какие существуют потенциальные преимущества и «подводные камни» геймификации?

Ключевые слова: геймификация; образование; мотивация; вознаграждение; цифровизация; технологии; игровая механика; высшая школа

Для цитирования: Кармова М.Р. «Геймифицируй», или почему современному образованию нужны игры (на примере студентов, обучающихся по направлению «Социология» и «Политология»). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):46-50. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-46-50

ORIGINAL PAPER

“Gamification” or Why Modern Education Needs Games on the Example of Students of Sociology and Political Sciences

M.R. Karmova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7393-0119>

ABSTRACT

Modern educational institutions face serious problems related to the motivation and involvement of students. Gamification or inclusion of game elements in non-game settings allows educational institutions to solve these complex problems. However, if gamification should be useful for higher education, we must analyse in more details what gamification is, how it functions and why it can be helpful. This article addresses three key questions, what, how, and why bother, in the study of both potential benefits and pitfalls of gamification.

Keywords: “gamification”; education; motivation; reward; digitalisation; technology; game mechanics; higher school

For citation: Karmova M.R. “Gamification” or why modern education needs games on the example of students of sociology and political sciences. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):46-50. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-46-50

ВВЕДЕНИЕ

Игры и игровые элементы начали вторгаться в реальный мир. Геймификация, определяемая как использование игровой механики, динамики и структур для продвижения желаемого поведения, нашла свое отражение в таких областях, как маркетинг, политика, здравоохранение и фитнес. До сих пор геймификация чаще всего использовалась как умный способ продвижения бизнеса или продукта. Однако потенциал геймификации выходит за рамки пропаганды здорового образа жизни и маркетинговых стратегий. Геймеры добровольно тратят бесчисленные часы на развитие навыков решения проблем в контексте игр [1]. Они признают ценность расширенной практики и развивают личные качества, такие как настойчивость, креативность и устойчивость, благодаря игре. Геймификация пытается использовать мотивационные возможности игр и применять их к реальным проблемам, например, в высшей школе. Мотивация и вовлеченность являются основными проблемами для современной системы образования. С точки зрения Р.Л. Дафта, понятие «мотивация» — это силы, существующие внутри или вне человека, которые возбуждают в нем энтузиазм и упорство при выполнении определенных действий» [2, с. 360].

В данной статье автор ищет ответы на три фундаментальных вопроса, касающихся геймификации образования: что? Как? И зачем?

АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИЙ ТЕРМИНА «ГЕЙМИФИКАЦИЯ»

Исходя из контент-анализа определений термина «геймификация», можно сделать вывод, что она, как полагают многие авторы, представляет собой применение игровых методик в неигровых процессах.

- Геймификация — новейшая бизнес-концепция с использованием лучших идей, взятых от программ лояльности, игровых механик и поведенческой экономики [3, с. 8–10].

- Геймификация — внедрение элементов удовольствия в неигровую деятельность [4].

- Геймификация — использование подходов, характерных для компьютерных игр, игрового мышления в неигровом прикладном программном обеспечении с целью привлечения пользователей и повышения их мотивации в использование программы, интереса к решению прикладных задач [5, с. 122].

- Геймификация — это использование игровых метафор, игровых элементов и идей в кон-

тексте, отличном от игры, для повышения мотивации и приверженности, а также для влияния на поведение пользователей.

Серьезные игры — предназначенные для определенной цели, связанной с тренировками, а не только для развлечения [6].

ВОПРОС 1: ЧТО? ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Факт присутствия в высших школах нескольких игровых элементов неоспорим. Студенты получают баллы за правильное выполнение заданий. Эти баллы впоследствии переводятся в оценки. Студенты получают вознаграждение за желаемое поведение и наказываются за нежелательное поведение. Если они успешно справляются с выдвинутыми образовательным учреждением нормами, у них появляется возможность повысить свой уровень в конце каждого учебного года. В отличие от вышеописанного процесса, видеоигры и виртуальные миры превосходно взаимодействуют. 28 млн человек ежедневно собирают урожай в FarmVille и более 5 млн человек играют в World of Warcraft более 40 часов в неделю (<http://us.blizzard.com/en-us/company/press/pressreleases.html?101007>). Очевидно, что наличие игровых элементов не означает непосредственное участие. Следовательно, важно понять, при каких обстоятельствах игровые элементы могут влиять на учебное поведение. Используя систему правил и игр Салена и Циммермана (2003), мы можем лучше разобраться с последствиями геймификации [7]. Например, правила школы в их нынешнем виде следует понимать не только как формальные последствия, но также с точки зрения их эмоционального и социального воздействия на «игроков» школы. Отказ от обучения в школе происходит на социальном и эмоциональном уровнях, проблемы же усугубляются формальными правилами школы, как среднеобразовательной, так и высшей. Геймификация может изменить правила, но она также может повлиять на эмоциональный опыт учащихся, их чувство идентичности и социальное положение. Проекты геймификации предлагают возможность экспериментировать с правилами, эмоциями и социальными ролями. Изучение дополнительных библиотечных ресурсов по теме, которая преподается в аудитории, предоставляет возможность получения дополнительных баллов. Идеальная посещаемость и выполнение домашнего задания в полном объеме и вовремя также гарантирует получение дополнительных баллов.

Получение роли модератора на семинаре, стремление задавать лучшие вопросы — все это сводится к одному знаменателю: набору баллов. Играя по этим правилам, учащиеся разрабатывают новые рамки для своей образовательной деятельности, что может побудить студентов к более активному участию и даже повысить их самооценку [8].

Существующие проекты геймификации применяют эти принципы в совершенно разных масштабах. С одной стороны, геймификация на микроуровне — отдельные преподаватели, которые геймифицируют свои собственные структуры семинаров. Например, Ли Шелдон, профессор Политехнического института Ренсселера, отказался от традиционной оценки в пользу получения «баллов, основанных на собственном опыте» и преобразовал домашние задания в квесты [9]. Quest to Learn, новая чартерная школа в Нью-Йорке, использует игровой дизайн в качестве организационной структуры для преподавания и обучения. Гейм-дизайнеры работают вместе с преподавателями, чтобы разработать игровые учебные планы и включить игровые элементы в учебный процесс [10].

ИГРОВОЙ СЛОЙ

Геймифицированный календарно-тематический план включает в себя множество различных внеаудиторных мероприятий. Автор концептуализирует внеаудиторную работу как бесплатный модульный инструментарий для инструкторов, которые могут приспособить свои собственные учебные потребности к игровой мета-игре, которую ведут опытные дизайнеры и преподаватели. Эта метаигра, в свою очередь, пытается стимулировать конкретную постановку целей, четкое общение и сознательное развитие идентичности студентов как учащихся. В настоящее время многие образовательные учреждения разрабатывают и тестируют аналогичные проекты как настраиваемый бумажный и онлайн-инструментарий, который, как представляется автору, продемонстрирует, насколько он эффективен.

Мы должны понимать, какие проблемы необходимо решить, и разрабатывать системы для их решения. Геймификация может обеспечить только инструменты, и эти инструменты должны давать результаты, которые стоят вложений.

ВОПРОС 2: КАК? ЦЕЛИ И МЕТОДЫ

Образовательная геймификация предлагает использовать игровые системы правил, игровой

опыт и культурные роли для формирования поведения учащихся. Однако, чтобы понять потенциал геймификации, мы должны рассмотреть, как эти методы лучше всего использовать на практике. В этом разделе представлены три основные области, в которых геймификация может служить вмешательством.

Когнитивная

Игры предоставляют игрокам сложные системы правил для изучения с помощью активных экспериментов и открытий. Например, в очевидно простой мобильной игре Angry Birds участники сбивают башни из рогатки, выпуская птиц. Игроки должны поэкспериментировать, чтобы выяснить физические свойства различных материалов башен, способности рогатки и структурные недостатки каждой башни. Они запускают птиц, наблюдают за результатами, планируют свои следующие шаги и осуществляют эти планы. Короче говоря, желание игроков пройти каждый уровень делает их физиками-экспериментаторами небольшого масштаба. В более широком смысле игры помогают участникам овладеть мастерством и вовлекают их в выполнение потенциально сложных задач [11]. Одной из важнейших техник игрового дизайна является поставка конкретных задач, которые идеально соответствуют уровню навыков игрока, с последующим увеличением сложности. Конкретные, в меру трудные непосредственные цели мотивируют учащихся [12, с. 24]. Игры также позволяют студентам выбирать свои собственные подзадачи в рамках более крупной задачи. Это поддерживает мотивацию и вовлеченность. Такие методы, применяемые в школах, могут изменить взгляды учащихся на образовательный процесс. Геймификация дает ученикам четкие, действенные задания и обещает им немедленное вознаграждение, а не расплывчатые долгосрочные выгоды.

Эмоциональная

Игры вызывают целый ряд сильных эмоций, от любопытства до разочарования и радости. Они дают положительные эмоциональные переживания, такие как оптимизм и гордость. Самый яркий пример эмоциональной трансформации в игре — проблема неудачи. Поскольку игры включают в себя повторные эксперименты, они также связаны с повторным провалом. Фактически во многих случаях единственный способ научиться играть — это неоднократно терпеть неудачу,

каждый раз чему-то учась [1]. Неудивительно, что ученики испытывают беспокойство, а не предвкушение, когда им предоставляется шанс потерпеть неудачу. Геймификация может сократить циклы обратной связи, дать учащимся возможность оценивать свои собственные возможности с низкой ставкой и создать среду, в которой поощряются усилия, а не мастерство. Студенты, в свою очередь, могут научиться воспринимать неудачу как возможность, а не становиться беспомощными, напуганными или подавленными.

Социальная

Игры позволяют игрокам примерить новые личности и роли, предлагая им принимать внутриигровые решения с их новых точек зрения. В видеоиграх участники исследуют свои новые стороны в безопасном пространстве игры. Например, застенчивый подросток может стать лидером гильдии, командуя десятками других игроков в эпических битвах с легионами врагов. Геймификация также позволяет студентам публично идентифицировать себя как ученых через игру. Пример игровой механики:

- вызовы — цели, которые нужно достичь;
- выстрел — элемент случайности и удачи;
- взаимодействие и сотрудничество;
- порядок игры;
- обратная связь, при которой игроки должны видеть результаты своей работы, чтобы двигаться вперед;
- беспроигрышная ситуация;
- неигровые контексты.

Последний компонент определения — неигровые контексты — подразумевает ситуации, когда необходимо достичь различных неигровых целей.

Основные ступени эффективного внедрения геймификации включают в себя: [13, с. 91–124]:

- формулировку основной задачи;
- определение целевого поведения игроков;
- описание типов игроков;
- разработку структуры игры;
- оценку игры с точки зрения участника;
- использование различных опций игры.

ВОПРОС 3: ЗАЧЕМ БЕСПОКОИТЬСЯ? РИСКИ И ПРЕИМУЩЕСТВА

Сильные стороны геймификации и образовательных учреждений могут быть взаимодополняющими, но это не обязательно так. Существуют способы, которыми геймификация и школы могут негативно влиять друг на друга. Геймификация

может мотивировать учащихся на занятия в аудитории, дать преподавателям более эффективные инструменты для руководства и поощрения учащихся, а также побудить учащихся полностью посвятить себя учебе. Она способна показать им, как образование может приносить радость, а стирание границ между неформальным и формальным обучением — вдохновить студентов на получение знаний на протяжении всей жизни. Проблемы, однако, также являются значительными и должны быть рассмотрены. Геймификация может поглотить ресурсы преподавателя или дать понять студентам, что они должны учиться только при условии внешнего вознаграждения. С другой стороны, игра требует экспериментировать, терпеть неудачу, исследовать множество личностей, контролировать свои собственные инвестиции и опыт [14].

ПРИМЕРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ГЕЙМИФИКАЦИИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»

Геймификация образовательных концепций может помочь студентам участвовать в учебном процессе иначе, чем в обычной обстановке в аудитории. А что, если бы существовал способ вовлечь избирателей в их местную, государственную и национальную политику посредством геймификации?

В рамках обучения студентов факультета социологии и политологии можно использовать интернет-викторины, чтобы помочь им понять свои предпочтения в политике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наряду с созданием проектов по геймификации мы должны дать им оценку — достигают ли они своих целей. Поскольку геймификация распространяется по всему миру, нет никаких сомнений, что она повлияет на наши школы. Проводя научно-исследовательские, основанные на теории проекты геймификации, мы можем обеспечить ее положительное влияние на студентов. Игрофикация станет частью их жизни на долгие годы. Высокие технологии подарили нам не только смартфоны, планшеты, WiFi и YouTube. Современные технологии меняют мир, и одной из тенденций является геймификация бизнеса и жизни. Образовательные учреждения не могут игнорировать этот факт. Геймификация — это мощный инструмент повышения эффективности обучения, который можно использовать практически в любой области знаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Klopfer E., Osterweil S., Salen, K. Moving learning games forward. 2009. URL: http://education.mit.edu/papers/MovingLearningGamesForward_EdArcade.pdf.
2. Дафт Р.Л. Менеджмент. СПб.: Питер; 2003.
3. Daft R.L. Management. St. Petersburg: Peter; 2003. (In Russ.).
4. Гейб З. Геймификация в бизнесе, как пробиться сквозь шум и завладеть вниманием сотрудников и клиентов. Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2014.
5. Gabe Z. Gamification in business, how to break through the noise and grab the attention of employees and customers. Transl. from Eng. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2014. (In Russ.).
6. Шимчик А. Как превратить жизнь в удовольствие. Интервью с Павлом Ткачиком. URL: <http://inosmi.ru/world/20120708/194507436.html>.
7. Adam Szymczyk. How to turn your life into a pleasure. Interview with Pavel Tkachik (Paweł Tkaczyk). URL: <http://inosmi.ru/world/20120708/194507436.html>. (In Russ.).
8. Макарова А.С. Игрофикация маркетинговых коммуникаций как эффективный способ общения с целевыми аудиториями. *Молодой ученый*. 2012;(8):122–125.
9. Makarova A.S. Gamification of marketing communications as an effective way to communicate with target audiences. *Molodoj uchonyi*. 2012;(8):122–125. (In Russ.).
10. Locke E.A. Goal theory vs. control theory: Contrasting approaches to understanding work motivation. *Motivation and Emotion*. 1991;15:9–28.
11. Zimmerman E., Salen K. Rules of play: Game design fundamentals. Boston, MA: MIT Press; 2003.
12. Corbett S. Learning by playing: Video games in the classroom. URL: <http://www.nytimes.com/2010/09/19/magazine/19video-t.html>.
13. Marczewski A. What's the difference between Gamification and Serious Games? URL: http://www.gamasutra.com/blogs/AndrzejMarczewski/20130311/188218/Whats_the_difference_between_Gamification_and_Serious_Games.php.
14. Gee J.P. Learning and games. In: Katie Salen (ed.) *The ecology of games: Connecting youth, games, and learning*. John D. and Catherine T. MacArthur Foundation series on digital media and learning; 2008.
15. Laster J. At Indiana U., a class on game design, has students playing to win. 2010. URL: <https://www.chronicle.com/blogs/wiredcampus/at-indiana-u-a-class-on-game-design-has-students-playing-to-win/21981>.
16. Bandura A. Social foundations of thought and action: A social-cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall; 1986.
17. Вербач К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй: игровое мышление на службе бизнеса. Moscow: Манн, Иванов и Фербер; 2015.
18. Werbach K., Hunter D. Engage and dominate: game thinking in the service of a business. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2015. (In Russ.).
19. Koster R. A theory of fun. New York, NY: Paraglyph Press; 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марьяна Ризоновна Кармова — старший преподаватель Департамента языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия
mkarmova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mariana R. Karmova — Senior Lecturer of the Department of Language Training, Financial University, Moscow, Russia
mkarmova@fa.ru

Статья поступила 10.11.2019; принята к публикации 01.12.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.11.2019; accepted for publication on 01.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-51-56
УДК 34(045)

Влияние американских и французских конституционных идей на институт современного гражданства

И.С. Иксанов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-2797-668X>

АННОТАЦИЯ

«Гражданство» как юридический термин предполагает принадлежность человека к какому-либо государству, что сопровождается взаимными обязательствами. Гражданство, являясь отдельным институтом права, представляет собой идеальный способ демонстрации приверженности и определенного образа жизни. Сегодня никто не поставит под сомнение тот факт, что гражданство — одна из важнейших частей жизни, и его современная форма отличается от тех, что были прежде. Однако нельзя отрицать, что таким оно стало именно благодаря присутствующему опыту и эволюции. В данной статье автор рассматривает, как американские и французские конституционные идеи повлияли на институт современного гражданства.

Ключевые слова: гражданство; французская революция; американская революция; права; свободы; гражданин

Для цитирования: Иксанов И.С. Влияние американских и французских конституционных идей на институт современного гражданства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):51-56. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-51-56

ORIGINAL PAPER

Influence of American and French Constitutional Ideas on the Institution of Modern Citizenship

I.S. Iksanov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-2797-668X>

ABSTRACT

“Citizenship” is a legal term. Citizenship means a person’s belonging to any state and implies the presence of mutual obligations of a person and a state. Citizenship is a separate institution of law. The modern form of citizenship is different from those that we re before. So it was precise because of the experience present, thanks to the evolution of citizenship. In this article, the formation and development of citizenship will be considered on the example of the revolutionary citizenship of France and America.

Keywords: citizenship; French Revolution; American Revolution; rights; freedoms; citizen

For citation: Iksanov I.S. Influence of American and French constitutional ideas on the institution of modern citizenship. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):51-56. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-51-56

Каждый из этапов эволюции гражданства был шагом к его становлению и развитию в том виде, в котором оно существует сегодня. Как один из наиболее важных этапов в эволюции гражданства необходимо рассмотреть периоды американской и французской революций.

Целью революции в Америке была попытка свергнуть иностранное правление, в то время как французская революция преследовала свержение аристократии и создание братства равных граждан. Революционное гражданство можно считать предпосылкой для возникновения современного гражданства. Именно в периоды французской и американской революций гражданин стал выступать как политический участник. Однако гражданами не считались женщины и малоимущие, поэтому можно сказать, что революционеры не соблюдали собственные принципы.

Несмотря на благородные цели, революционное гражданство не соответствовало предполагаемым идеалам. Из-за того что все мужчины были равны (как указано во французской Декларации прав человека и гражданина и в Конституции США)¹, людям казалось, что условия революционного гражданства были «более равными», чем прежде.

Можно увидеть четкую линейную прогрессию: от революционного к более современным формам гражданства.

В революционной Франции за четыре года было принято три конституции, которые были схожи в целом, но содержали некоторые очень важные различия между определениями понятия «гражданство» и объемом. Действительно, замена конституцией 1793 г. конституции 1791 г. в перспективе была прогрессивной. Однако конституция 1795 г. была более ограниченной; это, вероятно, связано с тем, что она была издана государством, которое стремилось утвердить себя и собственные идеалы, полагаясь на исключительные модели Греции и Рима, которые рассматривались как более стабильные. Революционное гражданство предполагает политическое участие и представительство. Без политического участия и представительства граждан государство не будет иметь легитимности: в этом смысле революционное гражданство схоже с республиканским (т.е. полагается на гражданское самоуправление) в древних афинских и римских моделях.

¹ Declaration of human and civil rights of 26 august 1789// Issue 2002. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr>.

Кроме того, в рамках революционного гражданства граждане приобрели реальный авторитет. По словам Максимилиана Робеспьера, величайшего деятеля французской революции, все граждане, независимо от своего социального статуса, могли стремиться к любой степени представительства. Следовательно, каждый человек имел право высказаться о законах, которым он подчинялся, а также выразить свое отношение к выбору администрации. Несомненно, данная особенность революционного гражданства является основой гражданства современного. Невозможно представить, что сегодняшние граждане были бы лишены возможности реализовывать собственные политические права.

Американская революционная модель гражданства была попыткой отказаться от монархического правления и принести единство на огромный континент разрозненных колоний. Нельзя сказать, что данная попытка в конечном счете была успешной, но это значительный шаг в эволюции гражданства, и результаты его в определенной степени отражаются в некоторых формах гражданства современного.

Необходимо более подробно остановиться на конституциях Франции 1791 и 1793 гг.^{2,3} Изначально революционное французское гражданство было более инклюзивным, чем древние греко-римские концепции. Так, гражданство получали совершеннолетние — люди, достигшие 21 года. Однако французские граждане были разделены на категории, которые имели различную ценность. По сути, конституция 1791 г., не противореча Декларации прав, смогла создать категорию «пассивных» граждан, которые не голосовали, но являлись гражданами и имели политические права.

Соответственно можно говорить о том, что французское революционное гражданство уделяло большое внимание политическому аспекту прав. Так как существовали «пассивные» граждане, были и «активные». В конституции 1791 г. была совершена попытка передать чувство социальной интеграции и сообщества посредством представления гражданства как общего понятия, охватывающего все общество: мужчина или женщина являлись гражданами независимо от того, имели они право голоса или нет. Это есть и в современном

² The Constitution of 1791 National Assembly, September 3, 1791. URL: <http://wp.stu.ca/worldhistory/wp-content/uploads/sites/4/2015/07/French-Constitution-of-1791.pdf>.

³ French Constitution of 24 June 1793. URL: https://ipfs.io/ipfs/QmXoypizjW3WknFiJnKlWHCnL72vedxjQkDDP1mXWo6uco/wiki/French_Constitution_of_1793.html.

обществе: каждый человек в государстве считается гражданином независимо от того, осуществляет ли он политические права.

Как и в современном обществе, французское гражданство полагалось на то, что «люди рождаются и остаются свободными и имеют равные права». Равенство было (по крайней мере, номинально) основой французского общества после революции. Поэтому, несмотря на то, что политические права могли быть использованы только активными гражданами, считалось, что все французы — граждане в более широком смысле этого слова, поскольку все они в дальнейшем должны были получить гражданские права. Следовательно, как и сегодня, французское революционное гражданство было многогранным образованием, включающим в себя множество прав и обязанностей.

Важно то, что французское революционное гражданство явно было открытым: французским гражданином мог стать тот, кто родился во Франции или тот, у кого отец был французом; тот, кто родился во Франции от отца-иностранца, который сейчас проживает в Королевстве; тот, кто родился в чужой стране, но его отец был французом (такие люди должны были получить вид на жительство во Франции и принять гражданскую присягу).

Помимо этого, в статье 3 конституции 1791 г. перечислены и другие основания для продления французского гражданства иностранцам, которые не удовлетворяют указанным выше критериям, а именно: место жительства, принятие гражданской присяги, приобретение имущества или брак с француженкой (это говорит о том, что женщины играли определенную роль в формировании гражданства, даже если они не участвовали в политической жизни) и создание сельскохозяйственного предприятия или бизнеса.

Это свидетельствует о первой форме процессов натурализации, которые сегодня присутствуют во всех западных либеральных обществах: можно продлить гражданство или получить новое.

Интерес представляет то, что в конституции 1793 г. использовался другой подход. Период проживания для натурализации был сокращен, также конституция закрепляла другой подход к вопросу о том, кому разрешено осуществлять права французских граждан. Такие изменения представили гражданство как более инклюзивную концепцию, чем закрепленная в конституции 1791 г., и (вследствие сокращения срока проживания для натурализации) сделали его несколько более либеральным, чем то, что можно наблюдать сегодня. Таким

образом, данную концепцию гражданства, пожалуй, можно считать одной из самых свободных.

В рамках данной концепции было признано, что «осуществлять права французских граждан» могут: любое лицо, родившееся во Франции по достижении 21 года; любое иностранное лицо старше 21 года, проживающее во Франции в течение одного года и работающее во Франции; лицо, которое усыновило ребенка, кормит престарелого, приобрело собственность или вступило в брак с французской женщиной. Гражданская присяга больше не требовалась. Общее действие декрета 1790 г., конституции 1791 г. и конституции 1793 г. заключалось в том, чтобы сделать почти всех иностранцев, которые проживают во Франции, независимо от их желания, французскими гражданами.

Несмотря на то что сегодня численность населения значительно выше, чем два столетия назад, чрезвычайно строгие процессы натурализации гораздо менее демократичны и более исключительны, чем в революционной Франции, которая требовала от иностранных граждан определенного вклада в государство (либо через брак, либо через экономику).

Однако нельзя не обратить внимание на то, что конституция 1793 г. установила справедливый баланс между вкладом и сопутствующими ему политическими и гражданскими правами. Еще одна особенность этого периода французского революционного гражданства, которая перекликается с более древними формами и находит отражение в наше время, — это чувство общности, которому способствовало гражданство. Можно говорить о том, что политические права возникли благодаря конституции 1791 г., которая, в свою очередь, была основана на чувстве принадлежности, которая и является общностью.

Особого внимания заслуживает конституция 1795 г.⁴ В то время как конституции 1791 и 1793 гг. сделали французское гражданство более инклюзивным и создали политические и гражданские права, которые могла использовать большая часть общества (что сделало гражданство более похожим на современное), конституция 1795 г. продемонстрировала более глубокий подход к этому вопросу, что, вероятно, было связано с политической нестабильностью предыдущих четырех лет.

Процесс натурализации изменился следующим образом: появилось требование к фиксированному

⁴ Constitution of 1795 (Year III). URL: <https://webcache.googleusercontent.com>.

домицилию⁵, срок проживания увеличился до семи лет, что даже выходило за рамки периода, который был предусмотрен конституцией 1791 г.

Таким образом, конституцией 1795 г. было провозглашено возвращение к идее гражданства в сопровождении богатства, что, несомненно, исключило многих желающих стать французскими гражданами. Помимо этого, конституция 1795 г. также ограничила и политическую сферу. Многие из тех, кто имел политические права, отказались от оппортунистичности. Это означало, что политический элемент французского гражданства затрагивал лишь немногих, а также исключал женщин и детей, которые, тем не менее могли оставаться «пассивными» гражданами, но лишались того, что на современном западе называют значимым аспектом гражданства.

В конституцию 1795 г. были включены механизмы, с помощью которых лица, имеющие право на гражданство политического характера, могли утратить право при потере собственной «респектабельности», т.е. в случае уголовного осуждения или банкротства. В связи с этим полная утрата статуса вместе с уверенностью в том, что статус гражданина не может быть автоматически приобретен посредством переезда в другую страну, делает конституцию 1795 г. особенно серьезной.

Конституции 1791, 1793 и 1795 гг. предвосхитили современное право в том, что присвоили титул «гражданин» всем, независимо от того, какие права человек мог осуществлять. Но все изменилось с принятием в 1803 г. гражданского кодекса.

Гражданский кодекс вернул низший класс, к которому относили женщин и детей, а также бедных мужчин и преступников. Такие изменения помешали гражданству как открытому образованию, включающему будущие поколения тех, кто родился на французской земле. Гражданский кодекс вернул во Франции гражданство, которое было схоже с древними моделями, и не похоже на современные концепции. Однако следует отметить, что равенство не было основополагающим ни на одном из этапов французского революционного гражданства. Различия между правами граждан и тех, кто ими не являлся, были весьма значительны, что, с современной точки зрения, является недопустимым.

---

⁵ Страна или место постоянного проживания лица, которые могут отличаться от его национальности или местопребывания.

Рассматривая влияние революционного гражданства на современное, необходимо остановиться на американском революционном гражданстве. До революции Америка подчинялась британскому правлению. После свержения англичан возник серьезный вопрос о том, что значит быть гражданином, а также о том, кто должен осуществлять права, которые дает гражданство. Интерес представляет то, что концепция гражданства в этот период носила политический характер, который (несмотря на многообразие вариантов современного гражданства) существует и сегодня.

В некоторых роде американское революционное гражданство можно считать более осмысленным, чем то, что было раньше [1]. Требования к земельной собственности были привязаны к политическому гражданству. В конституции отсутствовали какие-либо конкретные положения о голосовании. Согласно существовавшим ранее правилам, установленным британцами для колоний, право голоса было у взрослых мужчин, имеющих определенную независимость для свободного голосования. У тех, кто находился в экономической зависимости, не было права голоса. Кроме того, к гражданству прикреплялось требование места жительства, — тем самым из голосования исключались бродяги и те, кто путешествовал в поисках работы. Женщины также были исключены, поскольку предполагалась их «зависимость», означающая, что они непригодны для участия в политической жизни.

Однако в округах Нью-Йорка и некоторых городах Массачусетса вдовы (т.е. экономически независимые женщины) также не имели прав. Кроме того, до революции некоторые колонии подвергались дискриминации по религиозным признакам: евреи и католики были лишены гражданских прав более чем в четырех государствах.

В революционный период продолжалась дискуссия о будущем избирательного права. Томас Джефферсон, автор Декларации независимости и Закона Вирджинии о свободе вероисповедания, третий президент Соединенных Штатов и основатель Университета Вирджинии, был среди тех, кто выступал за сохранение имущественных ограничений, так как он отмечал необходимость независимости в процессе голосования [2]. В то же время сторонники расширенного избирательного права, такие как Бенджамин Франклин, утверждали, что голосование является естественным правом, в котором может быть отказано только в исключительных случаях [3].

Также в то время бытовало мнение, что необходимо распространение голосования на всех, кто сражался в армии, так как считалось несправедливым, когда те, кто боролся за обеспечение независимости, лишались заинтересованности в будущем развитии нации.

Натурализация в революционной Америке спровоцировала возникновение проблемы географического охвата страны. Решение о всеобщих выборах принималось не так, как сейчас, де-факто народом, а самим государством. Голосование, к которому так стремились, не имело непосредственного отношения к результатам президентских выборов. Можно сказать, что эту систему считали демократической и законной именно потому, что граждане были услышаны с самого начала, несмотря на то, что окончательное решение о выборе власти принадлежало другой власти.

В период 1776–1790 гг. процесс натурализации продолжился, но лишь в ограниченной форме. Американская конституция 1789 г. была похожа на французскую конституцию 1795 г.: для того чтобы принимать участие в голосовании, человек должен был удовлетворить требования государства, т. е. должен был владеть имуществом и платить налоги.

В целом можно говорить о существовании республиканской модели гражданства. Однако теории гражданства также предлагают другую формулировку — либеральное гражданство. Для республиканской модели гражданства характерно гражданское участие в политической деятельности государства.

Можно утверждать, что в революционном гражданстве Франции сохранились некоторые предшествующие черты, что подтверждает существование «пассивного» гражданства, которое практически не играло никакой роли в реальной политической деятельности государства, однако наделяло владельца определенными правами. Таким образом, либеральное гражданство предусматривало, что граждане были не просто связаны с государством в силу собственных обязательств, а могли пользоваться правами и свободами, которые делали их жизнь несколько более комфортной.

В конечном счете именно в современных моделях гражданства, которые воплощены в теории Маршалла, либеральное гражданство действительно стало преобладающей моделью, используемой на современном Западе: были признаны социальные и экономические интересы населения [4].

Многие из особенностей более старых форм гражданства присутствуют и сегодня. Преимуще-

ство современного гражданства в том, что защита, предоставляемая человеку государством, может использоваться и за границей. В настоящее время государство, к которому принадлежит гражданин, может добиваться возмещения вреда, причиненного этому гражданину, за его пределами.

Современные граждане ожидают, что гражданство предоставляет политические права всем. Однако, удивительно, что это ожидание превратилось в реальность не так давно.

В демократическом сообществе не должно быть никакой реальной опасности для кого-либо. В пользу открытого гражданства говорит необходимость социальной стабильности, которая возможна и при ограничении политических прав — именно это лежало в основе конституции Франции 1795 г.

В 1821 г. Джеймсом Мэдисоном было сделано заявление о том, что отрицание избирательного права «нарушает жизненно важный принцип свободного правительства». Это означает, что те, кто связан законами, должны иметь право голоса в их принятии. Несмотря на это, в США, которые считают себя образцом демократической добродетели, путь к идеалам занял достаточно много времени. В частности, избирательные права женщинам были предоставлены поправками XIX конституции в 1920 г.

Кроме того, рабство было отменено в США в 1865 г., а Закон об избирательных правах только в 1965 г. позволил голосовать чернокожим гражданам. Это один из примеров того, как могут создавать угрозу и гражданство, и демократия. Демократию нельзя продвигать вперед в тех случаях, когда власть не выступает за равное предоставление прав, поскольку неравное применение гражданских прав само по себе «удешевляет» эту концепцию и ставит под сомнение легитимность государства, которое ее поддерживает.

Государства могут на законных основаниях использовать различные подходы к «построению» гражданства. Таким образом, возможно расширение понятия «гражданство» от чисто мужского политического доминирования до включения социальных и экономических прав и развития понятий «национальное» и «наднациональное» гражданство.

Для некоторых ученых гражданство — ничто в отсутствии политического характера. Такие ученые считают, что предназначением гражданства является обозначение «отношений между индивидом и его местом в политике».

Несмотря на то что «пассивное» гражданство Франции революционного периода было призва-

но создать чувство общности в непростое время для тех, кто не имел политических прав, стоит помнить, что, в каком-то смысле «пассивное» гражданство существует и сегодня. Оно по-прежнему распространяется на несовершеннолетних. Несомненно, преимущественное внимание в данном случае уделяется политическому гражданству, однако, важно, что существует множество моделей гражданства, большинство из которых признаны, и не все они опираются на политические соображения.

Гражданство может существовать на многих уровнях и способно поддерживать огромное государство. Поскольку развитие гражданства в значительной степени совпало с развитием демократии, в настоящее время считается, что оно придает легитимность государству. Активные граждане способны определять направление деятельности государства посредством участия в процессе принятия решений. Кроме того, гражданство принимает различные формы, что способствует возможности его получения для максимального количества населения. Таким образом, можно говорить о том, что революци-

онное гражданство оказало огромное влияние на гражданство, существующее сегодня. В периоды французской и американской революций, рассмотренные в данной статье, гражданин стал выступать как политический участник. Революционное гражданство подтвердило, что для того чтобы быть гражданином, необходимо политическое участие и представительство, поскольку в случае их отсутствия государство не будет иметь легитимности.

Важно отметить, что именно в революционном гражданстве граждане получили настоящий авторитет, ведь все они, независимо от социального статуса, могли стремиться к любой степени представительства. Такие права, как право голоса и свободы слова, не удивляющие нас сегодня, появились именно в тот период и обусловили возможность граждан принимать участие в политической деятельности. «Люди рождаются и остаются свободными и имеют равные права» — именно это лежало в основе гражданства в периоды французской и американской революции, и присутствует в современной форме гражданства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Веремчук Л. Исторические особенности американской революции XVIII в. в трактовке Алексиса Токвиля. *Известия Алтайского государственного университета*. 2012;4–2(76):55–59.
Veremchuk L. Historical features of the American Revolution of the XVIII century in the interpretation of Alexis Tocqueville. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012;4–2(76):55–59. (In Russ.).
2. Лейста О.Э., ред. История политических и правовых учений. Учебник. Moscow: Юридическая литература; 1997.
Leist O.E., ed. History of political and legal doctrines. Textbook. Moscow: Legal literature; 1997. (In Russ.).
3. Waldstreicher D. Runaway America: Benjamin Franklin, Slavery, and the American Revolution. Hill and Wang; 2004.
4. Marshall T. Citizenship and Social Class and Other Essays. Cambridge, UK: University Press; 1950.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Илья Саматович Иксанов — кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия
isiur@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ilya S. Iksanov — Candidate of Law, Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University, Moscow, Russia
isiur@mail.ru

Статья поступила 24.10.2019; принята к публикации 20.11.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 24.10.2019; accepted for publication on 20.11.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-57-62
УДК 316(045)

Объективные основания национальной и этнической идентичности как самосознание этноса

Т.М. Махаматов^а, А. Накова^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия

^б Институт философии и социологии Болгарской академии наук, София, Болгария

^а <https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-1244-8879>

АННОТАЦИЯ

Глобализационный процесс и его достижения обострили миграционные проблемы, породив демографический кризис в пространстве Евросоюза и Российской Федерации. Авторы статьи с позиции социальной философии и социологии исследуют влияние усиливающегося миграционного потока из проблемных регионов Азии и Африки в более благополучные страны Европы на национально-этническую идентичность и толерантность, а также на социальный капитал и доверие населения политическому руководству. В статье обращается внимание на схожесть движения идентаризма, образовавшегося в странах Скандинавии, Западной и Восточной Европы, с правыми и крайне националистическими движениями.

Ключевые слова: миграционный процесс; национальная и этническая идентичность; толерантность; культура; цивилизация

Для цитирования: Махаматов Т.М., Накова А. Объективные основания национальной и этнической идентичности как самосознание этноса. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):57-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-57-62

ORIGINAL PAPER

Objective Ground of National and Ethnic Identity as Self-consciousness of an Ethnic Group

T.M. Makhmatov^a, A. Nakova^b

^a Financial University, Moscow, Russia

^b Institute of Philosophy and Sociology of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

^a <https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>

^b <https://orcid.org/0000-0002-1244-8879>

ABSTRACT

The Globalisation process and its achievements have exacerbated migration problems, creating a demographic crisis in the European Union and the Russian Federation. The authors of the article from the position of social philosophy and sociology examine the impact of the increasing migration flow from the problem regions of Asia and Africa to the more prosperous countries of Europe on the concepts of national and ethnic identity and tolerance, as well as on social capital and public trust in political leadership. The article draws attention to the borderline nature of the movement of identarism formed in the countries of Scandinavia, Western and Eastern Europe, with right-wing and extreme nationalist movements.

Keywords: migration process; national and ethnic identity; tolerance; culture; civilisation

For citation: Makhmatov T.M., Nakova A. Objective ground of national and ethnic identity as self-consciousness of an ethnic group. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):57-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-57-62

ВВЕДЕНИЕ

Одной из современных особенностей глобализации является усиление миграционного потока из экономически отсталых, политически неустойчивых и недемократичных регионов в развитые страны Европейского союза. Подобный, но пока менее интенсивный процесс наблюдается и в пространстве России — каждый год миллионы иммигрантов из бывших союзных республик прибывают в российские города в поисках работы.

В такой ситуации испытываются прочность и устойчивость современной демократии и принципы национальной идентичности, демократической толерантности и здравого национализма в понимании Крейга Калхуна [1], Роджерса Брунгейкера [2] и др.

Увеличение числа мигрантов в Западной Европе привело к активизации правых и консервативных сил и образованию движения *идентаристов* [4] (<https://scottishdawn.com/2017/05/01/what-is-identitarism>; <https://www.idetitaere-bewegung.de/blog/warum-wir-identitaere-nicht-nationalistisch-sind>). Во Франции идентаризм представлен такими группами, как «Идентаристская молодежь», «Идентаристский блок», «Земля и народ», в Скандинавии — «Северный альянс», аналитический центр Motpol (think-tank Motpol). Подобные движения и организации имеются и в других странах Европы.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Понятие национальной и этнической идентичности прежде всего означает *осознание себя* индивидом, этнической группой, *равным и отличным с другими*; осознание своей индивидуальности, неповторимости как основание равенства с иными [4].

Идентичность является общественным отношением, в котором каждая из сторон через другую осознает себя, свое отличие от другой, а также сходство с ней, т.е. здесь имеет место единство «положительной» и «негативной» самоидентификации. Этническая и национальная идентичность формируются по такой же объективной логике общественно-исторической эволюции. В связи с этим два британских исследователя А. Ташфель и Дж. Тернер рассматривают этническую идентичность как результат двух социально-психологических процессов: этнической идентификации (осознание принадлежности к определенной группе) и межэтнической

дифференциации [5]. Как следствие этническая идентичность реализуется в результате когнитивно-эмоционального процесса осознания себя как представителя определенной этнической группы, отождествления с ней и в то же время разграничения, дифференциации от других этнических групп.

Но этническая идентичность — общественно-историческое отношение, и психология личности здесь выступает как форма конкретного бытия этнической идентичности. Как пишет Ю.И. Семенов, «этнос есть общность социальная и только социальная» [6].

Контакты социального организма с другими сообществами способствуют появлению отношений противопоставления «мы — они», «свои — чужие». Начинается процесс осознания представителями данного сообщества своей принадлежности именно к нему, а не к другому, своего отличия от других и сходства с ними. Этот процесс сопровождается закреплением самоназвания и названия чужих («бойтесь данайцев, дары приносящих»), что суть самопонимание, самопознание сообществом себя как этнической общности, как субъекта межэтнических отношений. Формирование понимания этнической общности способствует сплочению членов сообщества. «Этнические идентичности становились исторически важными везде, где различные группы (этнические. — Прим. Т.М., Н.А.) взаимодействовали друг с другом на общей территории, — пишет Крейг Калхун. — Они развивались главным образом там, где концентрация населения в городе, развитие надлокальных экономических связей и/или создание государства (особенно империи) втягивало различные и внутренне сплоченные народы в отношения между собой или с самим государством» [1].

Идентичность как сложная, динамическая и постоянно меняющаяся категория во времени, пространстве и в зависимости от контекста, в котором она рассматривается, является одной из наиболее обсуждаемых исследовательских проблем в социальных и гуманитарных науках. С середины XX в. формы идентичности и процессы идентификации (этническая, религиозная, местная, региональная, культурная, национальная, наднациональная) становятся предметом анализа в рамках теорий этничности и нации, которые изучались главным образом с помощью *примордиализма* [6], *инструментализма* [7], *социального конструктивизма* [8], *этносимволизма* [9].

В этой связи мы не можем не упомянуть о дебатах о понятиях общего происхождения, языка и территории или «атрибутах» национальной идентичности (*attachments*), которые обсуждал Клиффорд Гирц; или об этнонациональных символах А. Смита (флаг, валюта, гимн, памятники, обряды), которые напоминают об общем культурном наследии и родстве; или об идее национальной идентичности как социальной «мобильной» конструкции (построении) нации, которая является «воображаемым политическим сообществом» в том смысле, в каком его употребляет Б. Андерсон [10].

На самом деле развитие этих теоретических подходов к изучению идентичности отражает постепенную эволюцию в понимании этого явления, выражающуюся в его последовательной релятивизации и субъективизации. И если первоначально, в рамках парадигмы *примордиализма* (К. Гирц, К. Лоуренс, Д. Моррис, П. ван ден Берге) идентичность рассматривается как подлинная, первичная реальность, которая служит постоянной детерминантой отношений между людьми и народами [11], то прорывом в канонах примордиализма являются теории Эрнеста Ренана [12] и Макса Вебера [13], которые делают шаг к утверждению понимания идентичности как субъективной конструкции социального воображения и, следовательно, как растяжимой, упругой категории, а не неизменной статической структуры. Идеи *инструменталистов* [7] продолжают тенденцию утверждать релятивизм/относительность идентичности, поскольку идентичность рассматривается не как исконное явление, а как стратегический выбор, который делает индивид, как инструмент защиты групповых интересов, как динамический феномен, который сочетает в себе устойчивость и историческую изменчивость. *Конструктивисты* (Ф. Барт, А. Смит, Дж. Армстронг), в свою очередь, подтверждают тенденцию к пониманию идентичности как социальной конструкции, сформированной на основе сконструированных представлений в определенной культурной среде, выполняющей инструментальные функции, позволяя таким образом человеку оказываться включенным/исключенным в различные сообщества и формируя вследствие этого динамический характер идентичности. *Модернисты* (Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбом [14]) продолжают сложившуюся тенденцию рассматривать идентичность как исторический продукт, существование которого

исторически определено, поэтому любая попытка разработать объективные критерии для характеристики национальной идентичности, по их мнению, безуспешна.

Продолжением тенденции релятивизации содержания идентичности и рассматривания ее не как статичной, а как меняющейся, гибкой и пластичной, являются идеи двух ученых XXI в.: Роджерса Брубейкера [2] и Фредерика Купера [15], которые пытаются в этой связи отличить *идентичность от идентификации*. Они утверждают, что термин «идентичность» этимологически заряжен семантическим значением «состояния» и поэтому не соответствует современному пониманию процесса со всеми его характеристиками: эластичностью, динамикой, изменчивостью. Из-за этого они считают более подходящим термин «идентификация».

С 1990-х гг. в контексте глобализации, когда границы между нациями и этническими группами становятся все более проницаемыми, а культурные взаимодействия все более интенсивными, основной исследовательский интерес сосредоточивается на определении *идентичности как множественной и гибридной* в рамках концепций *культурного плюрализма* или *мультикультурализма* [16].

Как же отражаются современная эпоха и процессы глобализации на эволюции национальной идентичности? Бесспорно, сегодня мы живем в мире, характеризующемся исключительной динамикой социальных процессов и масштабными преобразованиями. Ряд ученых развивают идею о том, что в конце XX и начале XXI в. человечество вступает в новый тип цивилизации. Эта новая эра, которую называют «глобальной» является «новой реальностью со своими собственными характеристиками и формами» [17]. Мобильность, переменны становятся ключевыми особенностями новой эры. Трансформация традиционных и устойчивых социальных институтов, возрастающая роль мобильности, информации и коммуникации параллельно с развитием технологий меняют значение национальных границ, преодолевают замкнутость народов и культур и создают новый социальный порядок. Все чаще экономические, информационные, экологические, культурные и т.д. факторы расширяют национальные границы и снижают их важность. В ответ на преобразования, которые происходят в современном обществе, национальная идентичность тоже меняется, например, в понимании образа национального

сообщества — от ценности, определяемой как неприкосновенность национального суверенитета, к более открытой перспективе, в которой доминирующими становятся сотрудничество, кооперация, взаимный интерес, утверждение культурной самобытности и понимание другого человека, отличного от нас.

На самом деле, научная интерпретация формирования идентичности в новых условиях глобализации все еще находится в периоде поиска новых концептуальных схем для ее объяснения. Примерами в этом отношении являются исследования А. Смита, Ч. Тейлора, Жана-Марка Ферри, Д. Чепели, Т. Иглтона, Ж. Атали и др. Выход в свет книги Ч. Тейлора «Мультикультурализм: исследование в области политики признания» [16] в 1992 г. положил начало обсуждению тенденций изменения идентичности, связанных с тем, что многие страны в условиях глобализации становятся все более неспособными решать некоторые свои проблемы и поэтому делегируют ряд своих полномочий местным органам власти или наднациональным структурам и организациям. Вследствие этого появляются новые формы идентичности, которые подрывают предыдущую узкую идентификацию с национальным государством. Жан-Марк Ферри развил идею постнациональной идентичности, связанной с принципами универсальности, автономии и ответственности. А венгерский социолог Д. Чепели утверждает, что развитие венгерской национальной идентичности идет в направлении доминанции культуры и культурных традиций. В связи с этим он выявляет три конкретные модели венгерской национальной идентичности: публичная национальная идентичность, национальная идентичность отдельных сообществ и низкопрофильное национальное самосознание. Т. Иглтон [17] использует термин «глобальная идентичность», а М. Олброу [18] говорит о релятивизации идентичности в глобальной эпохе. Теорию «братства» как переживания инаковости разрабатывает Дж. Атали [19]. Согласно этой теории, братство — это открытость к другому/другим, которая является единственным средством осмысления себя. В связи с этим важным аспектом научной дискуссии о национальной идентичности являются образы/представления других о нас, вырабатываемые в процессах взаимодействия, часть которых, образно говоря, можно определить как «столкновение цивили-

заций» (в смысле, в котором использовал его С. Хантингтон [20]).

Специфическое направление в исследованиях национальной идентичности на современном этапе представляют собой концепции европейских ученых, связанные с расширением Европейского союза и усилением в связи с этим контактов между европейскими странами, что приводит к формированию у европейских граждан сознания общеевропейской, наднациональной идентичности.

В 1991 г. А. Смит, обсуждая европейский проект как модель наднационализма, анализировал перспективы создания европейской «супернции» [21]. Он считает это возможным, если большинство европейских народов «загружено подлинным европейским самосознанием», которое может оказаться совместимым с национальным, но к нему «необходимо добавить широкий круг преданности и чувства принадлежности» к Европе.

Идея формирования общеевропейской идентичности как типа наднациональной идентичности обсуждается рядом авторов и в настоящее время. Можно упомянуть теории Walkenhorst (https://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_reviews/development-of-european-identity-identities_en.pdf) и Ovunc Ongur [22], развивающих идею европейской идентичности как одной из многих социальных идентичностей, которые индивиды формируют на основе своей принадлежности к разным социальным группам. Они также утверждают, что различные формы идентичности (например, европейская, национальная, региональная) не обязательно конкурируют друг с другом, и, несмотря на то что Европейский союз определяется как гетерогенный, существует связь между степенью идентификации с ним и восприятием однородности европейских граждан. По мнению других современных ученых, контекстно-ориентированная концепция европейской идентичности как наднациональной идентичности наиболее точно соответствует ее природе (http://www.euroidentities.org/Workinprogress/Fileupload,248855_en.pdf). Эта концепция связывает разнородные измерения европейской идентичности с конкретным социальным, культурным и прочим контекстом.

Несмотря на то что некоторые исследователи, например Ф. Шульц (http://www.euroidentities.org/Workinprogress/Fileupload,248855_en.pdf), говорят о формировании понимания Европы как общего «европейского ментального пространства»,

они характеризуют его скорее как коллективные ментальные концепции, чем как формирование коллективных идентичностей, которые способствовали бы созданию «интегрированного, хотя и культурно дифференцированного европейского демоса». С другой стороны, понимание Европы как «общего ментального пространства» раскрывает горизонты, рамки, критерии и правила, выражающие связь с элементами наднационального мира, являющегося основной референтной группой при формировании наднациональной идентичности.

ОТ «НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ» НАЗАД К «НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ»?

Но надо иметь в виду, что в современном мире наряду с международными аспектами бизнеса, финансов, торговли и информации, процессами интеграции, которые ведут к изменению национальной идентичности в направлении формирования сознания наднациональной идентичности, действует и обратный процесс — локализации и фиксации этнической идентичности.

Глобализация для некоторых означает локализацию для многих других. В настоящее время мобильность оказывается неравномерно распределенным благом, что становится важным фактором, определяющим идентичность. Несомненно, современный мир становится все более глобализованным — государства, нации, этнические группы находятся в возрастающей экономической, политической, научной и культурной взаимозависимости. Но как это ни парадоксально, вместе с тенденцией к глобальной гомогенизации возрождаются и старая вражда, и ненависть одних этнических групп к другим.

Получается так, что сегодня, когда глобализация создает принципиально новый способ формирования отношений в мире, связанный с минимизацией значения всяких границ, на групповом уровне наблюдаются процессы замы-

кания, при которых этническая идентификация приобретает определяющее значение. Возрождается интерес к корням, стремление этнических сообществ сохранить свою самобытность, подчеркнуть уникальность своей культуры становятся все более очевидными. Это явление, получившее название *этнического парадокса* современности [23] (поскольку оно сопровождается все более возрастающей унификацией духовной и материальной культуры), является признаком радикального изменения динамики и форм этнической и национальной идентичности. Очень часто оно генерирует этноцентризм, ксенофобию, внутригрупповое замыкание. Но нередки случаи, когда оно приводит к противоположным результатам: к утверждению *культурной идентичности* (что является предпосылкой понимания и принятия другого человека, отличного от нас), сотрудничеству, кооперации, взаимному интересу при сохранении самобытности и культурных различий. Какая из двух ситуаций реализуется, зависит от конкретного социально-политического контекста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция подходов к концептуализации идентичности является отражением наступающих изменений в отношении самого понятия идентичности в ответ на социальные преобразования и давления миграционных процессов. В современных условиях идентичность уже воспринимается не как что-то раз и навсегда данное и неизменное, а как нечто динамическое, как меняющееся реферирование к различным нормативным системам и сообществам. В таких условиях появляется необходимость создания для мигрантов институтов культурно-цивилизационной адаптации, политико-правового определения границ толерантности, уважения идентичности граждан принимающей стороны и определения границы, за которой начинаются правовые требования иммигрантам в рамках демократической законности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/ REFERENCES

1. Крейг Калхун. Национализм. Пер. с англ. М.: Территория будущего; 2006.
Calhoun Craig. Nationalism. Transl. from Eng. Moscow: Territory of Future; 2006. (In Russ.).
2. Brubaker R., Cooper F. Beyond Identity. Theory and Society. February 2000;29.
3. Поколение Идентичности. Ч. 1: Идеология и корни движения. Сб. статей. Изд. 2-е. М.; 2019.
Identity Generation. Part 1: Ideology and roots of the movement. A collection of articles. 2nd edn. Moscow; 2019. (In Russ.).
4. Махаматов Т.М. Демократия как образ жизни народа. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ; 2005.

- Makhamatov T.M. Democracy as a way of life of the nation. Moscow: Financial Academy under the Government of the Russian Federation; 2005. (In Russ.).
5. Tajfel H., Turner J. The Social Identity. Theory of Intergroup Behavior. In: Worchel S., Austin W., eds. *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall; 1986:7–24.
  6. Семенов Ю.И. Народ, этнос, нация. *Философия и общество*. 2013;(1):21–55.
Semenov Y.I. Nation, ethnic group, nation. *Philosophy and society*. 2013;(1):21–55. (In Russ.).
  7. Shils E. Primordial, personal, sacred and civilities. *British Journal of Sociology*. 1957;8(2):130–145;
  8. Connor W. A nation is a nation, is a state, is an ethnic group, is a ... *Ethnic and Racial Studies*. 1978;1:377–400.
  9. Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York: Basic Books; 1996.
  10. Hechter M. The political economy of ethnic change. *American Journal of Sociology*. 1974;79(5):1151–78.
  11. Smith A. *National Identity*. London: Penguin; 1991.
  12. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. New York: Verso; 1983.
  13. Smith A.D. Culture: Community and Territory: The Politics of Ethnicity and Nationalism, Workshop of Ethnicity and International Relations; 23–24 November 1994.
  14. Renan E. *What is a Nation? And Other Political Writings*. New York: Columbia University Press; 2018.
  15. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Fünfte, revidierte Auflage, Besorgt von Johannes Winckelmann, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). Tübingen; 1985.
  16. Hobsbawm E. *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge: Cambridge University Press; 1992.
  17. Weinreich P. Ethnic Identities and Indigenous Psychologies in Pluralist Societies. *Psychology and Developing Societies*. 1991;3(1):73–92.
  18. Albrow M. *The Global Age: State and Society Beyond Modernity*. Cambridge: Polity Press; 1996.
  19. Taylor Ch. et al. *Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition*. Princeton: Princeton University Press; 1994.
  20. Eagleton T. *The Idea of Culture*. Wiley-Blackwell; 2000.
  21. Attali J. *Fraternités. Une nouvelle utopie*. Fayard; 1999.
  22. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster; 1996.
  23. Hakan Ovunc Ongur. Towards a Social Identity for Europe? A Social Psychological Approach to European Identity Studies. *Review of European Studies*. 2010;2(2).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тайр Махаматович Махаматов — доктор филос. наук, профессор, профессор Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия

Makhamatov.tair@mail.ru

Албена Накова — доктор социологии, доцент, замдиректора Институт философии и социологии, Болгарская академия наук, София, Болгария

Albena_nakova.manolova@abv.bg

ABOUT THE AUTHORS

Tair M. Mahamatov — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia

Makhamatov.tair@mail.ru

Albena Nakova — Doctor of Sociology, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Philosophy and Sociology of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Albena_nakova.manolova@abv.bg

Статья поступила 10.12.2019; принята к публикации 20.12.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.12.2019; accepted for publication on 20.12.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-63-68
УДК 93(045)

Бернард Барух: история успеха

А.В. Пачкалов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/000-0002-6316-3224>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается биография Бернарда Баруха (1870–1965), американского финансиста, инвестора, государственного деятеля и политического консультанта. Впервые в научной литературе рассмотрен вопрос о родословной героя статьи, среди предков которого был ряд известных деятелей. Информация, содержащаяся в работе, показывает родственные и деловые связи между семьей Барухов и другими финансовыми династиями США и Западной Европы.
Ключевые слова: Бернард Барух; финансисты; Ротшильды; экономическая история; США

Для цитирования: Пачкалов А.В. Бернард Барух: история успеха. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):63-68. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-63-68

ORIGINAL PAPER

Bernard Baruch: History of Success

A.V. Pachkalov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/000-0002-6316-3224>

ABSTRACT

The article looks at the biography of Bernard Baruch (1870–1965), an American financier, stock investor, philanthropist, statesman, and political consultant. Firstly the question about the genealogy of the Bernard Baruch is studied. Bernard Baruch had a lot of famous persons among their ancestors. The information contained in the article shows the close business and relative connections between Baruch family and financial families of the USA and Europe.

Keywords: Bernard Baruch; financier; economic history; the USA

For citation: Pachkalov A.V. Bernard Baruch: History of success. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):63-68. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-63-68

Бернард Барух (1870–1965) — американский финансист и государственный деятель, который был личным экономическим советником многих президентов США — от Вудро Вильсона до Гарри Трумэна, одна из ключевых фигур в американской истории первой половины XX в. Однако его деятельности еще не было посвящено ни одной специальной работы в отечественной исторической науке. Несколько книг посвящено Бернарду Баруху в англоязычной историографии. В 2016 г. на русском языке была впервые опубликована автобиография финансиста. Архив Бернарда Баруха с рядом неопубликованных материалов в настоящее время хранится в Принстонском университете.

Бернард Барух родился в еврейской семье в Южной Каролине. Его отцом был известный врач Симон Барух, эмигрировавший из Германии в США в 1855 г.¹

В автобиографии отмечается [1], что Бернард начал карьеру с самой низшей должности в офисе в Нью-Йорке. В 1898 г. он купил место на Нью-Йоркской фондовой бирже, но первый опыт закончился неудачно. Впоследствии он получил от отца 500 долларов, которые позволили ему

¹ Симон Барух — один из основоположников физиотерапии, один из наиболее успешных и известных врачей штата Южная Каролина, ему посвящены статьи в различных энциклопедиях. Участник Гражданской войны в США на стороне южан.

добиться успеха на бирже. В дальнейшем Барух работал брокером в фирме А.А. Хаусмэн энд Компани (A. A. Housman and Co.), в 1903 г. основал собственную брокерскую фирму, а в 33 года уже стал миллионером. Из-за того, что Барух проводил все свои операции в одиночку, он получил прозвище «одинокый волк Wall Street».

Биограф династии Ротшильдов Ф. Мортон отмечал, что только Барнард Барух своими достижениями был равен героям его книги. Говоря об успехах Натана Ротшильда, он указывает: «на самом деле, конечно, мало кто мог сделать то, что удавалось ему. Ни до, ни после него не было человека (за исключением Барнарда Баруха), столь искушенного в операциях с ценными бумагами» [2].

Финансовой деятельностью на Уолл-стрит занимались и два брата Барнарда Баруха. Один из них, Герман (1872–1953) также был послом США в Португалии и в Нидерландах².

Активное вмешательство Барнарда Баруха в политическую жизнь США началось в 1912 г. Благодаря финансовой поддержке избирательной компании Вудро Вильсона, после его избрания президентом США, Барнард Барух занял ряд важных государственных постов [3, 4]³.

Джон Пирпонт Морган-старший играл важную роль в подготовке создания Федеральной резервной системы. В начале XX в. банкирский дом «Дж. П. Морган & Со», после поглощения ряда банкирских домов, стал одной из крупнейших финансовых компаний в мире, его расцвет пришелся на 1920-е гг. До возникновения Федеральной резервной системы банкирский дом Моргана являлся координатором финансового рынка США, кредитовал американское правительство. Вместе с тем не следует преувеличивать влияние Морганов на американскую политику 1910–1930-х гг. в сравнении с влиянием Барнарда Баруха. Известно, что президент США Вудро Вильсон и его преемники на посту президента не хотели использовать персонал Моргана на правительственной службе. Дж. П. Морган-младший отмечал: «Я отправился к Вильсону и предложил свои услуги, но он не направил меня к господину

Баруху. Он был очень вежлив и сказал, что пошел за мной, когда потребуется. Я и каждый член этого дома готовы встать под команду правительства. Мы готовы сделать все, что правильно, благочестиво и не повредит нашему авторитету. Но в данный момент нам остается лишь сидеть и ждать, пока нас позовут. Весь созданный нами механизм готов служить правительству... А почему наших людей не призывают, вы должны спросить у Вашингтона. Я вам на это ответить не могу» [5, с. 444].

В годы Первой мировой войны Барух являлся главой Военно-промышленного комитета, участвуя в переориентировании американской промышленности на военные нужды, занимался военными поставками в Европу [6]. По оценке М. Ротбарда, «возглавляя во время Первой мировой войны Совет по оборонной промышленности, [Барнард Барух] был царем коллективистского хозяйства и мечтал, используя депрессию как подходящий предлог, картелировать экономику и воссоздать коллективистский режим в мирное время» [7, с. 212]. Причастность к распределению военных заказов давала Барнарду Баруху большие возможности для обогащения. По некоторым данным, к концу Первой мировой войны Барух владел долями большинства заводов, выполнявших военные заказы [8].

Во время Версальской конференции Барнард Барух играл важную роль в Высшем экономическом совете, являясь экономическим советником президента Вудро Вильсона. Барух сопровождал Вудро Вильсона на Парижской конференции. О тесной связи с президентом США говорит и такой факт в автобиографии Барнарда Баруха: «президент Вильсон помог ... [Баруху] улучшить навыки публичной речи. Во время мирной конференции в Париже он как-то уделил довольно много времени, показывая, как правильно жестиковать, чтобы движения рук были плавными» [1, с. 96].

Деятельность Баруха имела отношение и к советской России. Так, он был одним из приглашенных Лениным по Декрету о концессиях американцев «для эксплуатации и разработки природных богатств России».

По некоторым данным, при поддержке Барнарда Баруха произошло возвышение британского премьер-министра Уинстона Черчилля. Также при поддержке Барнарда Баруха шел подъем известной американской семьи политиков и бизнесменов Бушей. В 1910–1920-е гг. Барнард Барух действовал

² Интересно, что именно с Португалией и Голландией особенно тесно были связаны предки Барухов по линии отца (см. далее).

³ Нельзя не отметить, что годы президентства Вудро Вильсона (1913–1921) сыграли ключевую роль в процессе консолидации и возвышения финансовой элиты США (в том числе при президенте Вильсоне в 1913 г. был создан Центральный банк США — Федеральная резервная система).

в тесной связи с дипломатом полковником Хаусом, также одной из наиболее интересных фигур американской истории первой четверти XX в.

Особенно активную роль Бернард Барух играл в администрации президента Франклина Рузвельта, тесно связанного с американской финансовой олигархией. Сама семья Рузвельтов была старинного «банковского» происхождения, а в окружении президента Рузвельта были члены семей Гарриманов, Леманов, Рокфеллеров и др. представителей финансовой олигархии. Известно, что во время Великой депрессии в США Бернард Барух смог значительно увеличить свое состояние.

В возрасте 75 лет Бернард Барух возглавил комиссию по атомной энергии ООН и выдвинул план установления тотального контроля над всеми разработками в области атомной энергии, получивший название «План Баруха» [9]. План вызвал резкий отпор со стороны представителя СССР А.А. Громыко и не был принят.

Также Барух является автором термина «холодная война». Бернард Барух (а не Уинстон Черчилль, как это часто отмечается) впервые употребил это словосочетание 16 апреля 1947 г. в речи перед палатой представителей Южной Каролины для обозначения конфликта между США и СССР. Несколько загадочным выглядит желание Бернарда Баруха провести личные переговоры со Сталиным в 1946 г., в самом начале холодной войны. Известно, что Барух уже вылетел из Америки, но в Париже неожиданно сделал остановку и вернулся назад, так и не посетив СССР.

По воспоминаниям самого Баруха, «с появлением Гитлера мне пришлось большую часть времени посвятить тому, чтобы вооружить свою страну, так как я считал, что она является главным стражем мира. После начала Второй мировой войны все мои силы были направлены на то, чтобы помочь ускорить мобилизацию всех ресурсов нашего народа для достижения победы и попытаться не допустить тех ошибок, что были допущены нами в Первой мировой войне. Когда война закончилась, мне пришлось бороться с ее последствиями» [1, с. 201].

Барух известен не только как финансист, но и как меценат. Он основал колледж Баруха, существующий в Нью-Йорке до настоящего времени. В автобиографии сохранились интересные размышления о путях развития образования: «Ценность образования, настаивал я, заключается не в отдельных фактах, которые вы укладываете в своей голове. Она лежит в дисциплине, которая

вам прививается, в общей философии жизни, которую вы можете почерпнуть у великих умов прошлого. Образование должно открывать новые горизонты, новые интеллектуальные подходы. Лишить учащихся латыни и греческого — значит сделать более скудным их разум и дух. Думаю, никто ... не ожидал услышать подобные слова возражения от человека, который занимается добыванием денег. В любом случае именно моя речь предотвратила превращение колледжа в промышленную школу. По всем предложениям о либерализации системы обучения я из всех членов совета обычно стоял на самых реакционных позициях. Я возражал даже против введения системы выбора предметов для изучения, настаивая на том, что «непопулярные» предметы полезны для молодых людей, так как прививают им дисциплину. В жизни мы не всегда делаем то, что хотим. Если бы я и сегодня состоял в правлении колледжа, то вел бы борьбу против «легких» предметов и за то, чтобы вернуть прежнее значение в образовании «мертвых» языков» [1, с. 45].

По официальной версии, представленной в автобиографии Бернарда Баруха, он смог практически в одиночку, не имея стартового капитала, сформировать громадное состояние, а также стать экономическим советником ряда американских президентов. Однако есть данные, которые позволяют остановиться на тесных связях Бернарда Баруха с другими представителями элиты США. Например, известно о патронировании Бернарда Баруха одной из наиболее богатейших еврейских семей США — промышленников Гуггенхаймов.

Семья Гуггенхаймов играла важную роль в экономической жизни США со второй половины XIX в. и была связана деловыми и родственными связями с европейскими и американскими еврейскими финансовыми семьями Голдсмитов, Канов, Лебов, Мендельсонов, Ротшильдов, Селигманов («американские Ротшильды») и др. Дэниэл Гуггенхайм (1856–1930) управлял совместными делами всех братьев Гуггенхайм и был одним из учредителей Еврейской теологической семинарии, поддерживал еврейскую общину Нью-Йорка.

Для изучения истории успеха Бернарда Баруха интересно обратиться и к его родословной, как по материнской линии, так и по отцовской. Вместе с тем, в имеющихся монографиях, посвященных биографии Бернарда Баруха этот вопрос практически не освещался.

Со стороны матери (Белла Вольф) предком Бернарда Баруха был Исаак Родригес Маркес

(Marquiz, Marquis или Marquise), капитан и торговец конца XVII — начала XVIII вв., выходец из Дании или Ямайки, один из первых евреев, поселившихся в Америке (первый из евреев, имевший дом на Манхеттене). Также по материнской линии предками Бернарда Баруха были известные американские раввины Коэны. Предки по материнской линии, проживавшие в Америке, были особенно значимы для Бернарда Баруха: «Я часто думал об этом человеке, особенно стоя у поручней судна, входившего в нью-йоркскую гавань. Глядя вокруг, я ощущал чудесное преображение величественного вида города, по сравнению с той деревянной пристанью, которая встретила Исаака Маркеса, когда он ступил на эту землю» [1, с. 20].

Очевидно, что предки Баруха по материнской линии (Вольфы), проживавшие в Америке длительное время, имели важные связи, позволившие в дальнейшем семье Баруха укрепить свое финансовое положение, а Бернарду Баруху — воспользоваться имевшимися деловыми связями.

Предки Бернарда Баруха по отцовской линии проживали в разных странах Европы. Насколько мне известно, специальные работы, посвященные истории семьи Барухов, отсутствуют.

Сам Барух в опубликованных источниках не был склонен придавать большое значение своим предкам по отцовской линии (отец «редко говорил о своих предках. А когда речь заходила о них, он всегда говорил, что не так важно, откуда ты прибыл, сколько, куда направляешься»).

Тем не менее, по данным исследователя еврейской генеалогии Д. Роттенберга, семья Барухов являлась одной из наиболее родовитых (связана происхождением с семьей Албалиа, одним из важнейших средневековых сефардских родов Испании) [10]. По некоторым данным, этот род происходил от знатной семьи в Иудее, представитель которой, Барух, был послан императором Титом в Мериду по просьбе римского проконсула для введения там шелковичной культуры. В ряде средневековых документов упоминаются имена, связанные с этим родом. Среди них были главные раввины испанских общин, а также финансисты на службе у правителей Испании.

По средневековому преданию, род Барухов происходит от Баруха, друга и сподвижника ветхозаветного пророка Иеремии. Книга пророка Варуха (Баруха) принадлежит к числу второканонических книг Ветхого Завета, в Вулгате составляет единое целое с Посланием Иеремии. Об этой книге упоминается в постановлениях

апостольских. Текст написан от имени Варуха, сына Нерии (Нирии). Автором текста мог быть ученик, друг-писец пророка Иеремии, Варух или Барух («благословенный»), происходивший, по Иосифу Флавию, из знаменитой еврейской фамилии: «Варух, сын Нирии (Нерии), сделал все, что приказал ему пророк Иеремия, чтобы слова Господни, написанные в свитке, прочитаны в доме Господнем» (Иер. 36:8).

Интересно, что в конце XX в. были найдены два оттиска печати, как оказалось, Варуха — помощника пророка Иеремии. На печати можно прочесть: «Принадлежит Баруху, сыну Нирии, писцу». Данные находки свидетельствуют об историчности личности писца Баруха, предка Барухов [11, 12] (<http://icocnews.ru/bibleiskaia-arkheologiia/naidena-pechat-varukha-pistca-ieremii.html#axzz4FDxEOLNd>).

Видимо, Барухи являлись одними из первых еврейских поселенцев в Испании. В средние века их проживание было связано в основном с городом Толедо. Помимо этого, в Испании и Португалии сформировалось большое количество еврейских финансовых династий. Это Абарбанели, да Коста, Мендес, Мокатта, Перейра, де Пинто, Лопес Суассо и др. Сефардский клан Ибн Эзра, известный рядом финансистов и раввинов, также был связан родством с Барухами. Ибн Эзра возводили свою родословную к высшим слоям Иерусалимского общества, изгнанным после разрушения Первого Храма в VI в. до н.э. Существует предположение, что клан Ибн Эзра был также связан с финикийцами, переправившимися из-за войны с Вавилоном в Южную Испанию. Возможно, представители клана занимались торговой деятельностью, находясь на государственной службе в Карфагене. Среди средневековых финансистов наиболее известен Иуда Ибн-Эзра, состоявший на государственной службе при кастильском короле Альфонсе VII в Гранаде в XII веке.

После изгнания евреев из Испании в 1492 г. часть семьи Барухов переселилась в Османскую империю, другая — в Португалию, а оттуда — в Бордо, Амстердам, Гамбург и Новый Свет. В XVI–XVII вв. представители рода Барухов занимались и финансовой деятельностью в разных странах (Голландия, Италия и др.). В семье Барухов было большое число талмудистов и комментаторов Библии, в том числе известных занятиями каббалой.

По воспоминаниям самого Бернарда Баруха, сохраненным в автобиографии, родословная его предков имела у его деда по отцовской

линии и была записана на человеческом черепе: «И вплоть до двадцати лет, когда отец взял меня с собой в Европу, чтобы навестить своих родителей, я ничего не знал о происхождении семьи Барух. Мой дед Бернхард Барух, имя которого я унаследовал, хранил старинную семейную реликвию — череп, на котором была записана генеалогия рода. Как оказалось, Барухи происходили из рода раввинов, выходцев из Португалии и Испании, хотя порой мы роднились с уроженцами Польши и России. Кроме того, как заявлял дед, мы являемся потомками Баруха-писца, который собирал пророчества Иеремии, имя которого носит одна из книг Апокрифов» [1, с. 31].

Точно не ясно, есть ли родственная связь между отцом Барнарда Баруха и семьей финансистов Барухов из Германии, но она весьма вероятна. Известно, что в XVIII в. финансистом Тевтонского ордена был Симон Барух, переселившийся вслед за Великим магистром ордена в Бонн. Симон Барух занимался финансовой деятельностью также в Кельне. В XVIII — начале XIX в. семья Барухов, как и большинство семей еврейских финансистов (в том числе Ротшильдов, Шиффов и др.), была связана с Франкфуртом-на-Майне. В XVIII в. во Франкфурте-на-Майне одними из наиболее известных финансистов были Яков Барух, сын Симона (действовавший вместе с Ротшильдами и предоставлявший кредиты немецким князьям). Яков Барух боролся за расширение прав евреев, был женат на представительнице известной финансовой династии Гумперцев. Последние занимались финансовой деятельностью в различных странах Европы по меньшей мере с XVI в. Особенно велика была их роль в Голландии и Англии. В начале XVIII в. Гумперцы вложили значительные средства в Банк Англии.

Сын Якова Баруха — известный поэт Людвиг Берне⁴. Биограф Людвиг Берне дает такую характеристику деятельности семьи финансистов Барухов: «Семейство Барухов принадлежало к самым уважаемым членам еврейской общины во Франкфурте. Глава семьи, дед будущего писателя, жил

обыкновенно в Бонне и только время от времени наезжал во Франкфурт, чтобы обсудить со своими сыновьями какую-нибудь важную финансовую операцию. Это был умный старик, славившийся своею благотворительностью, умевший держать себя в большом свете, к тому же полудипломат. Одно время он состоял финансовым агентом при кельнском курфюрсте и часто исполнял для него весьма важные дипломатические поручения. Когда курфюршеский престол сделался вакантным, он содействовал своим влиянием избранию одного из австрийских эрцгерцогов и таким образом снискал себе благоволение Марии Терезии, которая в собственноручном послании выразила ему свою благодарность и обещала, что он и его потомство всегда найдут покровительство при венском дворе. Сыновья Баруха, учившиеся в Бонне, были школьными товарищами Меттерниха, с которым и впоследствии сохранили связи, что давало повод отцу Берне, говоря о первом министре Австрии, выражаться: «мой друг Меттерних». Благодаря этим связям дела Барухов процветали. Они часто получали от правительств очень выгодные подряды» [13, с. 46].

В XIX в. немецкая семья Барухов породнилась с Ротшильдами и Голдшмидами. В работе Г. Шнее «Ротшильды или история династии» семейство Барухов упоминается несколько раз, в том числе в связи с тем, что семья Барухов в конце XVIII — начале XIX в. была «богаче семьи Ротшильдов». Вместе с тем в историографии существует оценка, что немецкие финансисты Барухи были лишь прикрытием для деятельности немецкой аристократии: «Среди дворянства находилось много христиан, желавших тайно заняться спекуляцией или ростовщичеством, чтобы этим не испортить свою репутацию. Для этого евреи, услужливые и умеющие хранить тайну, не стыдящиеся вести себя как евреи, были идеальными подставными лицами. Этот фасад обманывает даже сейчас многих современных историков! Часто это была лишь марионетка, за веревочки которой дергал христианский финансист. Еще чаще речь шла о компаниях, в которых христианский партнер, составлявший невидимую часть айсберга, играл решающую роль. Так, карьера Баруха Симона (деда писателя Людвиг Берне) при дворе кельнского князя-архиепископа состоялась благодаря покровительству министра графа Бельдербуша, главного партнера компании» [14, с. 379].

В современной публицистике имя Барухов часто связывается с банком Standard Chartered

⁴ По словам Ф. Мортонна, поэту Людвигу Бёрне, сыну Якова Баруха из Франкфурта-на-Майне, из семьи Барухов, действовавших вместе с Ротшильдами, принадлежали следующие слова: «Было бы благословением Божиим, если бы все короли были свергнуты, а их троны заняли представители семьи Ротшильд. Только подумайте о преимуществах. Новая династия никогда не будет связываться с займами ... Исчезнет коррупция среди министров ... Такого рода пороки станут историческим прошлым, и мораль восторжествует» [2, с. 220].

Банк, якобы основанным семейством в 1613 г. Поводом для данного утверждения послужил текст одной из газетных публикаций. Изучение имеющихся источников показывает, что Chartered Bank of India, Australia and China был создан не в 1613 г., а существенно позднее, в середине XIX в. (банк несколько раз менял свое название). Подобного банка в XVII в. просто не существовало. Автору неизвестны источники,

которые бы показывали связь семьи Барухов с упомянутым банком, возникшим в XIX столетии.

Вместе с тем, приведенные в статье факты о родственных и деловых связях Барнарда Баруха с другими финансовыми династиями позволяют полнее раскрыть причины возвышения и успеха этого крупнейшего финансиста США первой половины XX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Барух Б. М. От биржевого игрока с Уолл-стрит до влиятельного политического деятеля. М.: Центрполиграф; 2014.
Baruch B. M. From stock player from Wall Street to influential political figure. Moscow: Centrpoligraf; 2014. (In Russ.).
2. Мортон Ф. Ротшильды. История династии могущественных финансистов. М.: Центрполиграф; 2010.
Morton F. Rothschilds. The history of a dynasty of powerful financiers. Moscow: Centrpoligraf; 2010. (In Russ.).
3. Field C. Bernard Baruch, Park Bench Statesman. New-York; 1944.
4. Grant J. L. Bernard M. Baruch: The Adventures of a Wall Street Legend. New-York; 1997.
5. Строус Д. Морган. М.: АСТ; 2002.
Strous D. Morgan. Moscow: AST; 2002. (In Russ.).
6. Coit M. L. Mr. Baruch. Washington, 2000.
7. Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США: с колониального периода до Второй мировой войны. Челябинск: Социум; 2005.
Rothbard M. History of monetary circulation and banking in the US: from the colonial period to World War II. Chelyabinsk: Socium; 2005. (In Russ.).
8. Schwartz J. A. The Speculator: Bernard M. Baruch in Washington, 1917–1965. Chapel Hill; 1981.
9. White W. L. Bernard Baruch: Portrait of a Citizen. Westport; 1971.
10. Rottenberg D. Finding Our Fathers: A Guidebook to Jewish Genealogy. Baltimore: Genealogical Publishing Company; 1995.
11. Avigad N. Jerahmeel & Baruch. *Biblical Archaeology Review*. 1979;42:2.
12. Shanks H. Fingerprint of Jeremiah's Scribe. *Biblical Archeology Review*. 1996;2.
13. Порозовская Б. Д. Людвиг Берне. Его жизнь и литературная деятельность. СПб.: тип. т-ва «Общества польза»; 1893.
Porozovskaya B. D. Ludwig Börne. His life and literary activities. St. Ptersburg; 1893. (In Russ.).
14. Поляков Л. История антисемитизма. Эпоха веры. Пер. с фр. Иерусалим: Gesharim; 1997.
Polyakov L. History of anti-Semitism. The Era of faith. Jerusalem: Gesharim; 1997. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Владимирович Пачкалов — кандидат исторических наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
apachkalov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Pachkalov — Associate Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
apachkalov@fa.ru

Статья поступила 10.11.2019; принята к публикации 05.12.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.11.2019; accepted for publication on 05.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-69-71
УДК 339(045)

Коррупция как препятствие для гармоничного развития государственно-частного партнерства

Л.В. Адамская

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-2863-6855>

АННОТАЦИЯ

В статье проводится оценка современного устройства государственно-частного партнерства в Российской Федерации, выявляются проблемы, с которыми приходится сталкиваться коммерческому сектору для реализации выгодных для предприятия проектов, а также способы решения коррупционного аспекта в данном виде отношений. Смешанный тип экономики представляет собой сотрудничество власти и коммерческих объединений в виде государственно-частного партнерства (ГЧП). Данный тип отношений следует рассматривать как признак смешанной экономической системы. Взаимодействие партнеров закрепляется юридически, а именно Федеральным законом «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ.

Ключевые слова: коррупция; государственно-частное партнерство; государство; бизнес; законодательство

Для цитирования: Адамская Л.В. Коррупция как препятствие для гармоничного развития государственно-частного партнерства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):69-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-69-71

ORIGINAL PAPER

Corruption as an Obstacle to the Harmonious Development of Public-Private Partnership

L.V. Adamskaya

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-2863-6855>

ABSTRACT

This article assesses the current structure of public-private partnership in the Russian Federation. The author gave characteristics of problems faced by the commercial sector in the implementation of projects profitable for the enterprise. The author discussed the ways to address the issue of corruption in this type of relationship as well as. Based on the analysis, the author concluded that corruption activity inhibits the formation of constructive and trusting social ties, as a result of which the criminal situation worsens and the national economy becomes less competitive.

Keywords: corruption; public-private partnership; government; business; legislation

For citation: Adamskaya L.V. Corruption as an obstacle to the harmonious development of public-private partnership. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):69-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-69-71

Развитие государственно-частного партнерства (ГЧП) оказывает содействие формированию базовых моделей финансирования и отношений, сопряженных с собственностью. С 2012 г. в российском законодательстве установлены следующие формы партнерства: контракт на управление и аренду, на эксплуатацию и обслуживание; концессии. Власть должна постоянно обеспечивать население различными благами и для этого на взаимовыгодных условиях заключать соглашения с бизнесом. Между тем государство стремится удержать отрасли экономики в своей собственности. Выгода для государства от сотрудничества с коммерцией связана прежде всего с использованием ресурсной базы с минимальными издержками и высокой мобильностью частных предприятий. Предприниматели стараются максимизировать прибыль — так же как и государство.

На данный момент в Российской Федерации ГЧП получило большое распространение в области образования и здравоохранения: санаторно-курортный и рекреационный сектора. В последнее время ГЧП активно развивается в Москве и Санкт-Петербурге, а также в российских регионах. При реализации проектов эксплуатируются разнообразные механизмы взаимодействия власти и коммерческого сектора [1].

Сейчас наиболее важной и острой темой всяческих дискуссий является проблема коррупции. К большому сожалению, в настоящее время это губительное явление затрагивает практически все сферы жизни, в которых есть возможность несправедливо овладевать духовными и материальными активами. Наиболее показательное проявление коррупции в области взаимодействия бизнеса и государства, постольку ГЧП создает огромный потенциал для непрозрачности операций.

Основной причиной коррупции является несовершенство законодательного базиса — размытые правовые положения и отсутствие категориальной формулы административной ответственности на каждом этапе разработки и выполнения проекта ГЧП (ФЗ № 224 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). ФЗ № 115 «О концессионных соглашениях» — пример регулятора отношений взаимодействия государства и бизнеса. Согласно этому закону, либо каждый субъект соглашения «выполняет» свою определенную роль, либо же большая часть аспектов договора определяется неформальным соглашением сторон безотносительно закона. Для того чтобы минимизи-

ровать долю коррупции, нужно, по мнению автора, в данном законе исключить (и в конце концов свести на нет) возможность самовольного перемещения концессионера в офшорную зону. Для этого следует прописать в законе надлежащую обязанность концессионера — быть зарегистрированным в качестве юридического лица на территории РФ [2].

Помимо сказанного, государству следует сформировать и наделить ответственностью новый комитет, который будет осуществлять контроль и обеспечивать прозрачность проводимых соглашений. Кроме этого, стоит предусмотреть гражданский контроль над исполнением настоящего законодательства.

Разнообразные инвестиционные проекты могут служить стимулом развития коррупции в государственном аппарате на всех властных уровнях, так как они, прежде чем быть одобренными, участвуют в конкурсе (с учетом количественных и качественных категорий) на реализацию финансирования из ресурсов Инвестиционного фонда РФ. Таким образом, возникает проблема бюрократической волокиты, состоящая из многоуровневого согласования множества вопросов с разнообразными министерствами и ведомствами. Но для того чтобы проект, продвигаемый бизнесом, получил одобрение от государства, индивидуальному предпринимателю иногда следует заплатить чиновнику определенную сумму, так как именно чиновник решает дальнейшую судьбу проекта. Обе стороны остаются довольны: индивидуальный предприниматель (ИП) реализует свой проект, а чиновник получает свою долю.

Стало быть, ГЧП в России не может развиваться гармонично, поскольку требует наличия прозрачности и доброй воли сторон. Конечно, наивно полагать, что коррупцию возможно победить, но ее можно сократить по минимуму. Проблема устранения этого негативного явления кроется в том, что коррупция представляет собой одну из форм взаимодействия бизнеса и непрозрачных интересов государства. К сожалению, предпринимателю проще неофициально заключить соглашение с чиновником, нежели в соответствии с законом отстаивать свои права в судебном порядке. Стоит сказать, что на данный момент уровень доверия бизнеса к судебной системе крайне мал. Причиной этому служит банальная незащищенность судей от давления как государственной власти, так и криминала.

Между тем взаимодействие бизнеса и государства реализуется на «черном фоне», который тесно соприкасается с криминалом и его производной — коррупцией [3]. Такие отношения основываются

на корыстных чаяниях отдельного представителя власти, а основными ресурсами удовлетворения желаний ИП является либо взятка, либо доля чиновника в бизнесе.

По мнению автора, одним из основных мотивов коррупции является всеобщее оскудение нравов — люди гонятся за мнимыми, а не реальными ценностями. Искоренить это можно только при эффективной работе социальных лифтов, когда становиться чиновниками смогут только высоко-нравственные люди, обладающие правовой культурой. В этом случае есть вероятность, что ГЧП сможет полноценно прижиться в экономике Российской Федерации.

Также минимизировать коррупцию в сфере взаимодействия государства и бизнеса может помочь электронная, информационная и компьютеризированная интеграция бизнеса и граждан с целью предоставления прозрачных услуг на всех уровнях. Важно создать антикоррупционные информационные программы, с помощью которых будет осуществляться контроль деятельности должностных лиц, причем данная система должна иметь обратную связь (жалобы, предложения, опросы) — как от бизнеса, так и от населения. Необходимо также решить проблему кадровой политики путем от-

крытого голосования населения за назначение на должность чиновников любого ранга, в обязанности которых входило бы отчитываться перед избирателями о результатах своей деятельности. Вследствие того что некоторые лица, облеченные властью, работают не по специальности, им следует представить доказательства, что их деятельность стимулирует рост общественного благосостояния и не приносит вред обществу.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что коррупционная деятельность тормозит процессы формирования конструктивных и доверительных социальных связей, вследствие чего ухудшается криминогенная обстановка и национальная экономика становится менее конкурентоспособной. Для искоренения этого стоит сделать упор на развитие демократических институтов (поскольку ГЧП направлено на равное партнерство государства и бизнеса), а также создать специальный орган «третьей стороны», преимущественно из лиц с активной гражданской позицией (включая независимых представителей министерств, ведомств и бизнес-сообщества), которые будут контролировать процесс реализации проектов ГЧП. Они также смогут разрешить проблемы между партнерами в ходе переговоров, а не в судебном порядке, что будет препятствовать коррупции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. В 2 т. М.: ИМЭМО РАН; 2009. 312 с.
2. Андреева Л.А. Криминологические особенности коррупционной составляющей концессии. Актуальные проблемы юриспруденции: сб. статей. Новосибирск. V Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК; 2017.
3. Сулакшин С.С. и др. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Монография. В 2-х т. М.: Научный эксперт; 2008. 464 с.

REFERENCES

1. Varnavsky V.G. Public-private partnership. In 2 vols. Moscow: IMEMO RAS; 2009. (In Russ.).
2. Andreeva L.A. Criminological features of the corruption component of the concession. In: Actual problems of jurisprudence. Novosibirsk: SibAk; 2017. p. 12–20. (In Russ.).
3. Sulakshin S.S. et al. The state policy of combating corruption and shadow economy in Russia. Monograph. In 2 vols. Moscow: Scientific expert; 2008. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Любовь Владимировна Адамская — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет, Москва, Россия
adamaskaia@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Lubov V. Adamskaya — Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Department of State and Municipal Management, Financial University, Moscow, Russia
adamaskaia@yandex.ru

Статья поступила 10.11.2019; принята к публикации 01.12.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.11.2019; accepted for publication on 01.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-72-76
УДК 32(045)

Современное состояние продовольственной безопасности в России как фактор политического риска в аграрном комплексе

Д.А. Афанасьева

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4074-5205>

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ уровня продовольственной безопасности Российской Федерации как детерминанты, обуславливающей политический риск в аграрном комплексе страны. Автор представляет расчеты показателей обеспечения продовольственной независимости РФ по приоритетным видам продовольственных товаров, дает оценку уровня импортозависимости аграрного комплекса, а также рассматривает динамику личного потребления продовольствия в стране. В работе отмечается, что в настоящее время отечественный аграрный комплекс функционирует в условиях постоянных экономических и геополитических трансформаций, а это прямо воздействует на возникновение и рост политического риска в данном секторе экономики. Санкции, объявленные России западными странами с 2014 г., предопределили направления развития аграрной отрасли РФ и позволили выявить необходимость продуманных долгосрочных и системных решений от государства в области импортозамещения и улучшения качества жизни российского населения.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; продовольственная независимость; импортозамещение; фактор политического риска; аграрный комплекс

Для цитирования: Афанасьева Д.А. Современное состояние продовольственной безопасности в России как фактор политического риска в аграрном комплексе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):72-76. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-72-76

ORIGINAL PAPER

The Current State of Food Security in Russia as a Factor of Political Risk in the Agricultural Sector

D.A. Afanaseva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4074-5205>

ABSTRACT

The article analyses the level of food security of the Russian Federation as a determinant of political risk in the agricultural sector of the country. The author presents calculations of indicators of ensuring food independence of the Russian Federation on priority types of food products; assesses the level of import dependence of the agricultural sector; regards the dynamics of personal food consumption in the country. The author notes that at present, the domestic agricultural complex operates in conditions of constant economic and geopolitical transformations. It directly affects the emergence and growth of political risk in this sector of the economy. Sanctions imposed on Russia by Western countries since 2014 predetermined the direction of development of the agricultural sector of the Russian Federation and revealed the need for thinking long-term and systemic solutions from the state in the field of import substitution and improving the quality of life of the Russian population.

Keywords: food security; food sovereignty; import substitution; factor of political risk; agricultural sector

For citation: Afanaseva D.A. The current state of food security in Russia as a factor of political risk in the agricultural sector. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):72-76. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-72-76

В современном мире устойчивость развития любого государства определяется уровнем продовольственной безопасности, которая, в свою очередь, является неотъемлемым сегментом национальной безопасности. Реальное состояние продовольственной безопасности вместе с тем выступает важным фактором политического риска, непосредственно влияющим на его возникновение, рост или снижение. Это объясняется тем, что аграрный комплекс, будучи одной из ведущих отраслей экономики в области обеспечения продовольственной безопасности, находится под прямым воздействием политической составляющей международных отношений.

В настоящее время отечественный агрокомплекс функционирует в условиях санкционного противостояния со странами Запада, соответственно в этом секторе экономики имеются предпосылки возникновения и роста политического риска. Поэтому проблема обеспечения высокого уровня продовольственной безопасности является актуальной и требует особого внимания, так как напрямую связана с сохранением государственности и суверенитета России, развитием ее экономической самостоятельности, повышением качества жизни граждан и пр.

Проблемы продовольственной безопасности были подняты на Римской конференции в 1974 г. Принятая по итогам мероприятия Декларация определяла понятие «продовольственная безопасность» как «состояние, когда все люди всегда имеют физический и экономический доступ к безопасному и питательному продовольствию в количестве, достаточном для удовлетворения своих потребностей и предпочтений в еде, в объемах, необходимых для активной и здоровой жизни» [1].

В Российской Федерации о продовольственной безопасности впервые упомянули в 1996 г. в рамках принятия Федеральной целевой программы стабилизации и развития агропромышленного производства на 1996–2000 гг. В настоящее время задачи по обеспечению продовольственной безопасности выполняются в соответствии со Стратегией национальной безопасности, Доктриной продовольственной безопасности и Стратегией экономической безопасности до 2030 г. Реальное воплощение этих и других нормативных документов в конечном итоге должно привести к своевременному предупреждению рисковенных тенденций и угроз

продовольственной безопасности, минимизации их негативных последствий, формированию стратегических запасов безопасной и общедоступной пищи.

Однако в последнее время претворение задач на практике стало сложнее и затратнее для аграрного комплекса в связи с такими политико-экономическими процессами, как региональные военные конфликты вблизи границ РФ, вступление в ВТО, преобразование Таможенного союза в Евразийский экономический союз, воссоединение Крыма, затянувшийся украинский кризис и вводимые в связи с этим разного рода зарубежные санкции против России, а также введение эмбарго на импорт из США, стран ЕС, Канады, Австралии, Исландии, Украины и т. д.

Эти внутренние и внешние обстоятельства привели к росту неопределенности, неустойчивости и напряженности в экономике аграрного сектора и надежном обеспечении населения отечественными продуктами питания. Таким образом, соответствующий уровень развития национального агропродовольственного сектора предопределил уровень продовольственной независимости, которая является необходимым условием обеспечения продовольственной безопасности.

Продовольственная независимость предполагает устойчивое отечественное производство пищевых продуктов в объемах, не меньше установленных пороговых значений в товарных ресурсах внутреннего рынка [2]. Она фактически отражает уровень развития отечественного агропромышленного комплекса (АПК), состояние экономики и эффективность использования производственных ресурсов.

Расчет уровня продовольственной независимости (ПН) проводится по формуле:

$$\text{ПН} = (\text{ПСХ} : \text{ОПЛ}) \times 100,$$

где ПСХ — производство сельскохозяйственной продукции плюс изменение запасов (запасы на начало года минус на конец года);

ОПЛ — объем производственного и личного потребления сельскохозяйственной продукции.

В Доктрине продовольственной безопасности РФ установлены пороговые значения уровня самообеспечения сельскохозяйственной продукцией. Рассмотрим некоторые из них: зерно — не менее 95%; картофель — не менее 95%; молоко

и молокопродукты — не менее 90%; мясо и мясопродукты — не менее 85%.

По указанной выше формуле рассчитаны и представлены в *таблице* показатели обеспечения продовольственной независимости РФ по приоритетным видам продовольственных товаров.

Согласно представленным в *таблице* данным, в России не был достигнут уровень самообеспечения молоком за 2014–2018 гг., заявленный в Доктрине. Рассчитанные показатели позволяют предположить, что при прочих равных условиях, в перспективе — вплоть до 2020 г. — так и не будет достигнут заявленный уровень в 90%. Постепенное увеличение уровня самообеспечения молоком объясняется ростом производства сырого молока и компенсированием недостающих потерь импортом продукции из Белоруссии, Казахстана, Аргентины, Сербии и Новой Зеландии.

Уровень обеспечения картофелем на протяжении рассматриваемого периода несколько превышал уровень, установленный в Доктрине. Однако с 2016 г. показатель снижается. Данную тенденцию можно объяснить уменьшением посевной площади под картофель в хозяйствах населения, а также сокращением численности самих хозяйств. В перспективе такие ежегодные сокращения объемов производства картофеля могут заметно отразиться на уровне продовольственной независимости РФ.

Данные по уровню самообеспечения мясом и мясопродуктами позволяют отметить, что предельно-критические значения показателя были достигнуты только в 2015 г. В настоящее время прогнозируется постоянный рост показателя. Из этого следует, что существует возможность наращивания экспортного потенциала по данной группе товаров. Уровень самообеспечения зерном на протяжении всего рассматриваемого периода был значительно выше 100%. Прогнозируемое увеличение уровня самообеспечения позволит достичь отметки выше 200% к 2020 г. при прочих равных условиях, в частности природных. По этой группе товаров четко прослеживается наличие высокого экспортного потенциала.

Проведенные расчеты показали, что самообеспечение по основным группам продовольственных товаров в РФ на протяжении 5 лет находится на высоком уровне. Впрочем, данный индикатор продовольственной безопасности — единственный в числе рассматриваемых, который позволяет снизить уро-

вень политического риска в общей оценке по аграрному комплексу.

Не менее важным фактором достижения высокого уровня продовольственной безопасности является проведение эффективной политики импортозамещения, особенно в условиях международных санкций [3]. По большинству продуктов питания Россия являлась нетто-импортером. Импорт продуктов питания и сельскохозяйственной продукции в 2013 г. достиг 43,2 млрд долл. [4].

В 2014 г. в условиях политики санкций, вводимых Западом, вопрос переориентации на отечественное производство в сельском хозяйстве встал особенно остро. В первую очередь потребовалось перераспределить импортные потоки сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия между новыми странами-экспортерами, а также настроиться на полномасштабное наращивание отечественного производства. Задача импортозамещения потребовала не только больших финансовых вложений, но и преобразования технологической структуры в АПК.

В 2014–2016 гг., по информации Федеральной таможенной службы, России удалось снизить импорт до 25 млрд долл. В 2017 г. Россия впервые за три года увеличила импорт сельхозпродукции до 28,8 млрд долл. (www.rbc.ru/business/14/02/2018/5a82eee89a794724ae9f693e). Рост был обусловлен укреплением рубля, а также отменой эмбарго на поставки продуктов из Турции. Несмотря на все успехи импортозамещения, страна по-прежнему покупает продукты питания на 8 млрд долл. — такова разница с данными по экспорту за 2017 г.

Необходимо обратить внимание на то, что в настоящее время оценка уровня продовольственного суверенитета проводится с момента производства сельскохозяйственной продукции до поступления к конечному потребителю, и упускается возможность оценить степень импортозависимости самого производства основных сельскохозяйственных культур. В данном ключе существуют серьезные риски по снижению продовольственной безопасности, так как средства защиты растений — практически на 100% зарубежного производства, семена и посадочный материал поставляются из-за рубежа, высока доля импорта техники. Игнорирование этих аспектов производственного процесса в аграрном комплексе, несомненно, приведет

**Уровень продовольственной независимости России по основным продуктам /
Level of food independence of Russia by main products**

Год	Зерно (>95%)	Картофель (>95%)	Молоко и молоко-продукты (>90%)	Мясо и мясопродукты (>85%)
2014	144,8	100,8	77,7	83,4
2015	144,8	103	80,4	89,1
2016	145,9	103,5	81,2	90,4
2017	156,6	101,7	82,5	93,6
2018	172,8	н/д	85,9	95,7

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

к увеличению рисков сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Наряду с вышеназванными составляющими продовольственной безопасности Российской Федерации надо отметить уровень и качественную структуру личного потребления продовольствия в стране (http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095125312). Мониторинг данного показателя также проводится Федеральной службой государственной статистики на основании целей, которые прописаны в Доктрине продовольственной безопасности РФ.

В России за годы санкционной борьбы уровень личного потребления продуктов питания не имеет однозначной тенденции роста и неравномерно соответствует рациональным нормам потребления. По данным Росстата, отмечается диспропорция в потреблении белковой продукции и значительное превышение в потребительской корзине легких углеводов. Серьезные отклонения зафиксированы по потреблению овощей и фруктов, включая картофель: в среднем около 30% ниже нормы. Такая частичная перестройка уровней потребления объясняется негативным воздействием высокой продовольственной инфляции. Как результат этого процесса, прожиточный минимум на душу населения в стране вырос (<https://base.garant.ru/3921257>).

Доля расходов на питание в структуре расходов домашних хозяйств на конечное потребление за 2014–2018 гг. в среднем составила 34,1%.

Средняя заработная плата по России за этот период была 37 225 руб. (http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages), на продукты питания у населения страны уходило в среднем около 12 700 руб. в месяц. За период 2014–2018 гг. наблюдался рост численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума. По предварительным данным за 2018 г., около 18,9 млн чел. находятся за чертой бедности, или 12,9% от общей численности населения (http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#). Эта часть населения нашей страны не в состоянии обеспечить себя продуктами питания в должной мере.

Исходя из представленных данных, можно заключить, что рост потребительских цен на продовольствие и ухудшение в связи с этим обеспечения продовольствием прежде всего малоимущего населения, возможное увеличение его численности (особенно в депрессивных регионах страны) влекут за собой политико-экономические угрозы национальной безопасности России. Для обеспечения стабильного состояния экономики государство должно проводить целый комплекс мер, направленных на совершенствование производства сельскохозяйственной продукции, развитие сельских территорий, осуществление эффективной внешнеэкономической политики, и особенно — на повышение роли и места сельского хозяйства в структуре экономики. При этом аграрная политика должна

проводиться федеральным центром и прежде всего Министерством сельского хозяйства России и опираться на полноценную и стабильную законодательную базу.

Проведенные расчеты индикаторов продовольственной безопасности показали, что данная детерминанта непосредственно обуславливает политический риск в аграрном секторе. Предупреждение рисковенных тенденций в обеспечении продовольственной безопасности страны требует хорошо продуманных долгосрочных и системных решений. Основными задачами

государства в данном направлении являются: обеспечение устойчивого макроэкономического развития, проведение эффективной социально-ориентированной политики, повышение жизненного уровня населения, комплексное развитие отечественного агропромышленного комплекса и его базовых отраслей. Таким образом, надежное обеспечение продовольственной безопасности России в контексте ее глобального партнерства — необходимое условие сохранения целостности и укрепления суверенитета российского государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ушачев И. Г. и др. Концептуальные основы обеспечения продовольственной безопасности России. М-во сел. хоз-ва Российской Федерации, Российская акад. с.-х. наук, Гос. науч. учреждение Всероссийский науч.-исслед. ин-т экономики сел. хоз-ва. М.: ГНУ ВНИИЭСХ; 2008. 173 с.
2. Укуев М. М. Мировая аграрная политика в условиях обострения глобальной продовольственной проблемы. *Аграрная наука*. 2013;(7):2–3.
3. Щевьёва В. А., Щевьёва Л. С. Импортзамещение: следует ли России придерживаться протекционистской политики в текущих условиях? *Вестник СУРГУ*. 2018;1(19):111–117.
4. Асон Т. А. Стратегия импортзамещения в сельскохозяйственном секторе Российской Федерации. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/28EVN_617.pdf.

REFERENCES

1. Ushachev I. G. Conceptual bases of ensuring food security of Russia. Federal Scientific Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Territories — All-Russian Research Institute of Agricultural Economics. Moscow; 2008. (In Russ.).
2. Ukuev M. M. World agrarian policy in the conditions of aggravation of the global food problem. *Agrarnaya nauka*. 2013;7:2–3. (In Russ.).
3. Shcheveva V. A., Shcheveva L. S. Import substitution: Should Russia stick to protectionist policies in the current environment? *Vestnik SURGU*. 2018;1(19):111–117. (In Russ.).
4. Asan T. A. Import substitution strategy in the agricultural sector of the Russian Federation. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/28EVN_617.pdf. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья Александровна Афанасьева — аспирантка Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
dakamozina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Darya A. Afanaseva — Postgraduate student, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
dakamozina@yandex

Статья поступила 10.12.2019; принята к публикации 20.12.2019.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.12.2019; accepted for publication on 20.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-77-83
 УДК 331.101.52;316.422.44(045)

Изучение влияния стратегического аутсорсинга на взаимодействующий рынок в предпринимательском обучении и развитии человеческого капитала*

Ю.М. Грузина^а, Х.П. Харчилава^б, К.Ю. Мухин^с

^{а, б, с} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-6656-1156>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-0144-2698>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-1450-4264>

АННОТАЦИЯ

В связи со стремительным развитием цифровых технологий структура будущих рабочих мест становится все более сложной, и выпускникам высших учебных заведений необходимо приобретать правильные навыки для достижения успеха в быстро меняющемся мире. Потребность в непрерывном пополнении и обновлении профессиональных знаний обусловлена темпами научно-технического прогресса, переходом к информационному этапу развития общества, широким применением инновационных технологий. Вследствие этого возникают предпосылки для формирования и разработки концепции стратегического аутсорсинга, на который (в отличие от услуг сервиса, имеющих разовый, эпизодический характер) накладываются функции по профессиональной поддержке бесперебойной работы отдельных систем и инфраструктуры на основе длительного контракта. Стратегический аутсорсинг позволяет не только кардинально перестраивать бизнес-процессы, но и значительно улучшать возможности и перспективы. Целью данного исследования является изучение концепции аутсорсинга в предпринимательском обучении и развитии человеческого капитала.

Ключевые слова: стратегический аутсорсинг; предпринимательское обучение; взаимодействующий рынок; человеческий капитал; междисциплинарная среда; виртуальная среда обучения; экосистема инноваций; business agility

Для цитирования: Грузина Ю.М., Харчилава Х.П., Мухин К.Ю. Изучение влияния стратегического аутсорсинга на взаимодействующий рынок в предпринимательском обучении и развитии человеческого капитала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):77-83. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-77-83

ORIGINAL PAPER

Study of the Impact of Strategic Outsourcing on the Interacting Market in Entrepreneurial Training and Human Capital Development**

J.M. Gruzina^а, Kh.P. Kharchilava^б, K. Yu. Mukhin^с

^{а, б, с} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-6656-1156>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-0144-2698>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-1450-4264>

ABSTRACT

Due to the rapid development of digital technology, the structure of future jobs is becoming increasingly complex, and university graduates need to acquire the right combination of skills to succeed in a rapidly changing world. The need for continuous replenishment and updating of professional knowledge is determined by the pace of scientific and

* Статья подготовлена по результатам выполнения фундаментальной научно-исследовательской работы в рамках государственного задания в ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» на 2019 г.

** The article was prepared based on the results of fundamental research work in the framework of the state task in the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2019.

technological progress, the transition to the information stage of the development of society, and the widespread use of innovative technologies. There are prerequisites for the formation and development of the category of "strategic outsourcing". Unlike the services of the service, which have a one-time, episodic nature, strategic outsourcing is usually transferred to the functions of professional support for the uninterrupted operation of individual systems and infrastructure based on a long-term contract. Strategic outsourcing allows not only to restructure business processes radically but also significantly improve opportunities and prospects. The purpose of this study is to study the concept of outsourcing in entrepreneurial training and the development of human capital.

Keywords: strategic outsourcing; entrepreneurial learning; interactive market; human capital; interdisciplinary environment; E-learning; practice-based learning; individualisation of education; innovation ecosystem; business agility

For citation: Gruzina J.M., Kharchilava Kh.P., Mukhin K. Yu. Study of the impact of strategic outsourcing on the interacting market in entrepreneurial training and human capital development. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):77-83. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-77-83

Качественное базовое образование дает молодежи знания и навыки, необходимые для решения повседневных жизненных проблем. Образование является важным фактором сокращения бедности, стимулирования экономического роста, достижения гендерного равенства и социального развития страны. Повышение качества обучения, интенсификация учебного процесса и переход на новые технологии в настоящее время невозможны без внедрения в процесс обучения разного рода автоматизированных обучающих систем, и главную роль в этом процессе играют технологии дистанционного обучения.

Предпринимательская деятельность стимулирует экономический рост, поэтому число курсов по предпринимательству увеличивается. Но они часто предлагаются студентам из конкретной области обучения или только одного уровня образования, несмотря на то что для предпринимательства важна междисциплинарность.

Опыт многих бизнес-школ показывает значимость создания команд с разными компетенциями, когнитивными навыками и навыками принятия решений. Прошло более 70 лет с тех пор, как в Гарвардской школе бизнеса был разработан первый курс по предпринимательству. После этого количество таких курсов во всем мире значительно возросло [1, 2]. Университеты в настоящее время развивают предпринимательские навыки среди своих студентов в рамках так называемой «третьей миссии» [1, 3]. Результаты исследований свидетельствуют о том, что обучение предпринимательству может способствовать развитию предпринимательских экосистем [2, 4, 5].

Предпринимательская деятельность может фактически стимулировать экономический рост и инновационный потенциал в стране [6]. При этом обнаружено статистически значимое положительное влияние моделей обучения предпринимательству на прибыль стартапов [3].

Европейский совет подчеркнул, что обучение предпринимательству должно быть приоритетной стратегией для устойчивого экономического роста [4, 7]. Европейская комиссия поддерживает проекты Erasmus+, ориентированные на обучение предпринимательству [5]. А согласно данным Global Entrepreneurship Monitor, одним из основных препятствий для предпринимательства является отсутствие образования [2].

Предпринимательство преподается с помощью различных моделей обучения, даже в пределах одного и того же университета [1, 7]. Чтобы обобщить и объединить все различия, создана таксономия трех различных моделей обучения: спроса, предложения и компетенции [2]. Модель предложения представляется теоретически ориентированной, поскольку профессор — это просто ведущий, студент — пассивный ученик, а знания — теоретические. Модели спроса и компетенций представляются практическими, поскольку профессор является наставником (в модели спроса) или тренером (в модели компетенции), а студент — активным участником.

Во многих исследованиях указывается, что практические модели обучения более эффективны, чем теоретические. Эти результаты могут быть связаны с тем, что предпринимательство требует творчества и наличия инновационных навыков, которые более сопоставимы с практической моделью обучения.

При этом существуют два новых стратегических подхода, которые при правильном сочетании позволяют менеджерам использовать навыки и ресурсы своих компаний намного выше уровней, доступных в других стратегиях: концентрация собственных ресурсов на наборе «ключевых компетенций» (где возможно достижение определенного превосходства и обеспечение уникальной ценности для клиентов) и передача на аутсорсинг других видов деятельности (в том числе и традиционно считающихся неотъемлемой частью компании) [6]. Преимущества успешного сочетания двух подходов значительны. В настоящее время образование только открывает для себя перспективы аутсорсинга. В то время как преподаватели концентрируются на своей основной компетенции — обучении студентов, аутсорсинг приносит новые возможности, увеличивая потенциал каждого учащегося [7].

Важно отметить, что услуги, предоставляемые многими учреждениями на аутсорсинг, являются вспомогательными и не имеют прямого отношения к обучению — «основной компетенции» учебного учреждения [2]. При этом некоторые университеты передают на аутсорсинг определенные образовательные программы, а также библиотечные услуги и информационные технологии. Благодаря активному развитию информационных и коммуникационных технологий в наше время существуют широкие возможности для образования. Современные мультимедийные и интерактивные технологии предоставляют мощную платформу для тех, кто хочет учиться, тем самым укрепляя концепцию «обучения для всех» [8]. Высшие учебные заведения ориентированы на гибкость и открытость по отношению к студентам, что приводит к необходимости поиска новых форм и методов образования.

Аутсорсинг или приватизация услуг в сфере высшего образования — обычная практика. Результаты показывают, что эффект аутсорсинга варьируется в зависимости от учреждения: от положительного до отрицательного, при этом может быть смешанным или вообще отсутствовать [5]. Информационные технологии (ИТ) являются одними из самых быстрорастущих в рейтинге аутсорсинговых услуг. В работе [3] отмечается, что студенты кампуса используют примерно в 3,3 раза больше пропускной способности Wi-Fi, чем обычные пользователи:

приблизительно 75% — в социальных сетях и при просмотре веб-страниц, 84% — при загрузке фильмов и музыки и 97% — при разговоре и отправке фотографий. Доступность бесплатного Wi-Fi в настоящее время является одним из определяющих факторов, которые студент учитывает при выборе университета. Это свидетельствует о том, что необходимо оценивать тенденции цифровизации с позиции предпринимательского образования.

При этом значимыми факторами в контексте исследования являются и параметры, с точки зрения которых возможны различные взгляды на оценку и измерение уровня тех или иных аспектов экономической жизни на макроуровне. Решить задачу выбора показателей, релевантных целям и задачам текущего исследования, позволяет гибкий общеметодический подход на основе эвристического алгоритма. Универсальность логико-эвристических методов позволяет использовать их для различных предметных областей. На основе проверки показателей на соответствие предъявляемым критериям выбираются те показатели, которые наиболее полно отвечают требованиям, из них формируется перечень показателей, которые позволяют оценить различные аспекты предпринимательского образования. Для оценки предпринимательского образования и тенденций его развития логико-эвристическим методом выбраны несколько релевантных показателей, которые характеризуют общий экономический уровень страны, предпринимательскую активность, финансирование образования и цифровизацию жизни. Для проведения анализа используются данные за 2010–2018 гг., которые находятся в открытом доступе. Сравниваются страны, которые входят в группу лидеров, страны из середины рейтинга, а также несколько стран, которые замыкают список по каждому выбранному показателю.

Global Entrepreneurship Index (GEI) — индекс экономической активности, который рассматривает, как отдельные страны во всем мире выделяют ресурсы для развития предпринимательства [7]. На *рис. 1* представлены оценки GEI и ВВП на душу населения по некоторым странам. Можно заметить, что разброс значений GEI довольно большой. Это говорит о том, что поддержка предпринимательства в разных странах существенно различается.

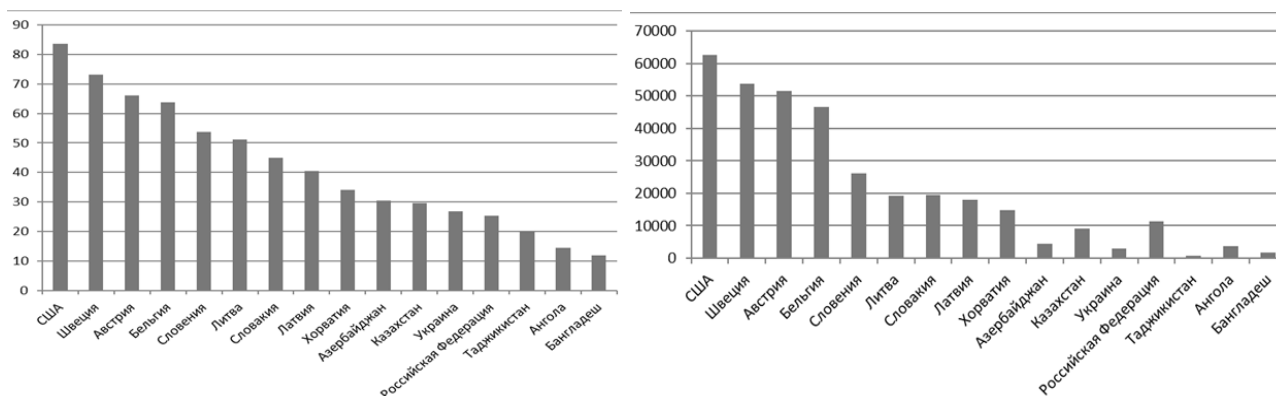

Рис. 1 / Fig. 1. Сравнение Global entrepreneurship index (%) и ВВП (\$) на душу населения, 2018 / Comparison of Global Entrepreneurship Index (%) and GDP (\$) per capita, 2018

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Сравним значения GEI с показателем ВВП на душу населения (представлен в долл. США на человека), который традиционно принято считать основным критерием для определения уровня развития экономики страны. Как видно из сравнения, страны с развитой экономикой имеют больший потенциал в развитии предпринимательства, однако экономически менее развитые страны по-разному активизируют данный предпринимательский потенциал. Во многом это связано с проводимой государством политикой, но также и с уровнем образования, особенно предпринимательского. Можно выделить три группы стран, условно разделив их на экономически развитые с высоким рейтингом предпринимательской активности, страны со средним уровнем экономики и достаточно высокими значениями индекса предпринимательства, а также страны со слабо развитой экономикой и низкими показателями предпринимательской активности. Отметим, что деление является условным и сделано на основе анализа статистических данных по 190 странам.

Сравним полученные результаты с показателями затрат на образование. Государственные расходы на образование (в %) «состоят из текущих и капитальных государственных расходов на образование, включают в себя государственные расходы на образовательные учреждения (государственные и частные), администрацию образования, а также субсидии для частных лиц (студентов/хозяйств и других рядовых лиц)» [7]. На рис. 2 представлены данные по государственным затратам на образование для выбранных стран.

Следует заметить, что по показателю государственных расходов на образование деление

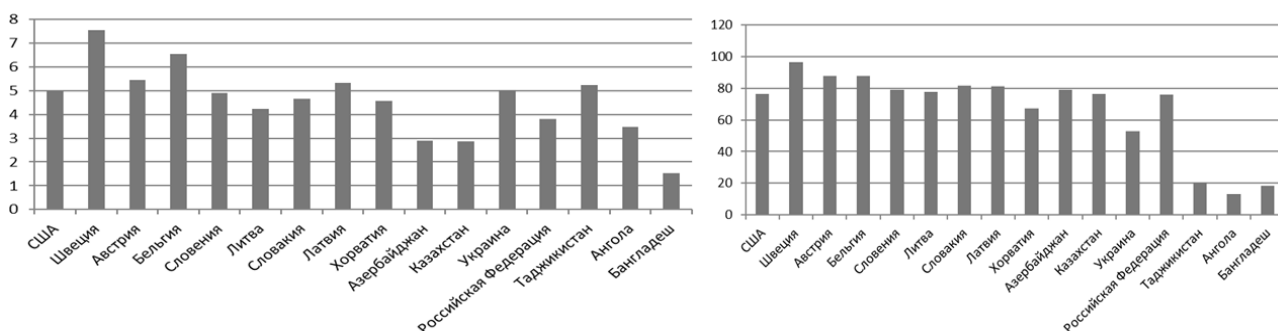
на предложенные группы стран нарушается. Это позволяет сделать вывод о том, что развитие предпринимательства не ограничивается расходами на образование в конкретной стране.

Теперь рассмотрим рейтинг стран с точки зрения доступности интернет-коммуникаций — количество интернет-пользователей (в %) от всего населения (см. рис. 2). Этот показатель учитывает пользователей, выходящих в интернет со всех возможных гаджетов (в том числе мобильных телефонов) в течение последних 12 месяцев. Как видно на рис. 2, даже страны со средним уровнем развития экономики демонстрируют высокую готовность к использованию интернет-технологий. Это позволяет внедрять в таких странах элементы дистанционного обучения, что особенно важно для предпринимательского образования, где междисциплинарные и межкультурные навыки и коммуникация являются определяющими.

Еще одним показателем, важным для успешной реализации стратегии дистанционного предпринимательского обучения, является оценка уровня цифровизации жизни. Для получения такой оценки воспользуемся анализом индекса цифрового предпринимательства [6], который на ежегодной основе позволяет оцифровывать здоровье предпринимательской экосистемы инноваций в каждой из 137 стран (рис. 3).

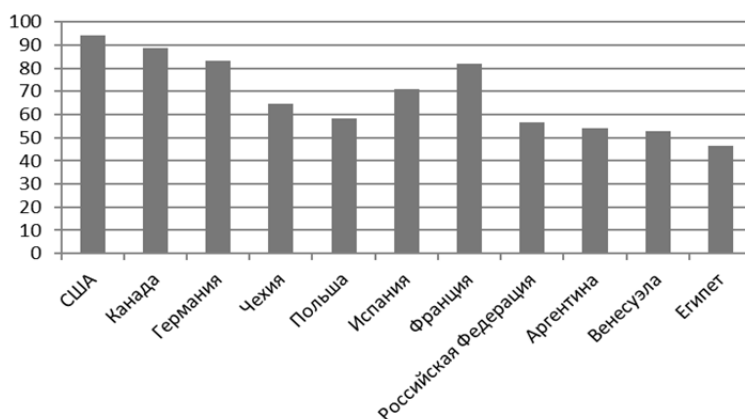
Анализ полученных данных говорит о том, что даже в странах со слаборазвитой экономикой, низким уровнем государственного финансирования образования и доступностью телекоммуникационных сетей уровень цифровизации жизни достаточно высокий. Это дает основание утверждать, что современный мир готов к переходу на новые формы обучения, а именно — на

Рис. 2 / Fig. 2. Государственные расходы на образование (%) и количество интернет-пользователей (в % от населения), 2018 / Government spending on education (%) and the number of Internet users (% of the population), 2018

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Рис. 3 / Fig. 3. Индекс цифрового предпринимательства (%), 2018 / The index of the digital entrepreneurship (%), 2018

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

электронные, что также важно для эффективного предпринимательского образования.

Исследование дистанционной и электронной форм образования охватывает широкий круг вопросов, — исследователей интересует вопрос качества такого образования по сравнению с традиционной формой. Новое исследовательское направление в сфере дистанционного обучения — это адаптивные интеллектуальные технологии в обучении. Полученные результаты свидетельствуют о готовности образовательной среды к внедрению дистанционных форм обучения в аспекте аутсорсинга учебного процесса для повышения эффективности предпринимательского обучения.

Что касается стратегического аутсорсинга, здесь важно учитывать его прямые последствия. В этом контексте полезно отметить, что более традиционные подходы к аутсорсингу были сосредоточены исключительно на прямом воздействии. В частности, аутсорсинг, как правило, считается выгодным, если покупать товары или

услуги на рынке дешевле, чем производить их собственными силами. Проще говоря, традиционные подходы предполагают, что товары или услуги должны производиться на стороне, если это помогает сократить расходы по крайней мере в долгосрочной перспективе. Следовательно, акцент делается только на прямое влияние аутсорсинга. Однако аутсорсинг также может иметь стратегический эффект. Важным аспектом аутсорсинга в высшем образовании является признание услуг и функций, которые могут выполняться независимо от основной деятельности университета.

Нынешняя популярность предпринимательства привела к росту спроса со стороны студентов на курсы по предпринимательству. Причем не только у студентов, обучающихся бизнесу и менеджменту, но также у тех, кто изучает инженерию, дизайн и архитектуру, гуманитарные науки, естествознание и право [7]. Однако в большинстве исследований по предпринимательскому образованию анализируются курсы по

предпринимательству, предлагаемые студентам из конкретной области обучения или одного уровня образования [9]. Но важно также проводить исследования на междисциплинарных курсах по предпринимательству [10], поскольку влияние обучения предпринимательству может значительно различаться в зависимости от характеристик студентов [5].

Существуют недостатки в организации традиционной формы обучения: маленькое количество учебных материалов и трудный доступ к библиотекам. Также существенным недостатком является неспособность большинства университетов организовывать практику для студентов по специальности. Кроме того, не все университеты применяют методы, которые должны активно использоваться в дистанционном обучении. В то же время настрой учащихся относительно специфики данной формы обучения и их профессионального будущего является положительным. Однако только половина студентов готова начать собственное дело. Причиной такой неопределен-

ности могут быть упомянутые выше недостатки в организации образовательного процесса. Одна из причин, оправдывающая государственное вмешательство на рынке образования, заключается в том, что образование порождает позитивные внешние эффекты. Возрастающее значение образования в стране способствует как улучшению ее экономики и социально-культурной структуры, так и повышению качества услуг, предоставляемых ее гражданам правительством. Чем выше качество и достаточность образовательных услуг, тем быстрее происходит развитие страны.

Подводя итоги, следует отметить, что результаты исследования показали благоприятные тенденции в отношении дистанционного обучения студентов предпринимательству. Таким образом, можно сделать вывод, что в ближайшем будущем (с учетом всех рекомендаций по реорганизации образовательного процесса) дистанционное обучение может стать хорошей альтернативой дневному обучению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Fiore E., Sansone G., Paolucci E. Entrepreneurship education in a multidisciplinary environment: evidence from an entrepreneurship programme held in Turin. *Administrative Science*. 2019;9(1):28.
2. Frolova Y., Zotov V., Kurilova A., Mukhin K., Tyutrin N. Discussion on key concepts in modern entrepreneurship education. *Journal of Entrepreneurship Education*. 2019;22(4).
3. Cavallo A., Ghezzi A., Balocco R. Entrepreneurial ecosystem research: Present debates and future directions. *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2018;(2):1–31.
4. Koniagina M., Isaeva A., Mukhin K., Koroliov A., Vulfovich E., Dochkina A. Struggle for the technological leadership in the digital economy. *Espacios*. 2019;40(37):10–27.
5. Fleaca E., Radu D., Stanci U. Digital-age learning and business engineering education – a pilot study on students' e-skills. *Procedia Manufacturing*. 2019;(32):1051–1057.
6. Toktamysov S. Z., Vekilova A. I., Gasimzade E. E., Kurilova A. A., Mukhin K. Y. Implementing the education of future entrepreneurs in developing countries: agile integration of traditions and innovations. *Journal of Entrepreneurship Education*. 2019;22(5).
7. Wekullo C. S. Outsourcing in higher education: the known and unknown about the practice. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2017;39(4):453–468.
8. Kurilova A., Lysenko E., Pronkin N., Mukhin K., Syromyatnikov D. The impact of strategic outsourcing on the interaction market in entrepreneurship education. *Journal of Entrepreneurship Education*. 2019;22(4).
9. Харчилава Х. П., Мухин К. Ю., Башков Д. Ю. Теоретико-методологические основы формирования концепций социальной науки, влияющие на развитие человеческого капитала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):86–91.
10. Kharchilava Kh. P., Mukhin K. Yu., Bashkov D. Yu. Theoretical and methodological foundations of the formation of social science concepts affecting the development of human capital. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):86–91. (In Russ.).
11. Грузина Ю. М., Андреев Н. В. Роль лидерства в реализации трансфера знаний в научных организациях. *Самоуправление*. 2019;2(115):48–50.
12. Gruzina J. M., Andreev N. V. the Role of leadership in the implementation of knowledge transfer in scientific organisations. *Samoupravlenie*. 2019;2(115):48–50. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Грузина Юлия Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента менеджмента, Финансовый университет, Москва, Россия

YMGruzina@fa.ru

Харчилава Хвича Патаевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия

HPHarchilava@fa.ru

Мухин Кирилл Юрьевич — кандидат экономических наук, старший преподаватель Департамента менеджмента, Финансовый университет, Москва, Россия

KYMukhin@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Julia M. Gruzina — Candidate of Economic Sciences, Management Department, Associate Professor, Financial University, Moscow, Russia

YMGruzina@fa.ru

Khvicha P. Kharchilava — Candidate of Economic Sciences, Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Associate Professor, Financial University, Moscow, Russia

HPHarchilava@fa.ru

Kirill Yu. Mukhin — Candidate of Economic Sciences, Management Department, Assistant Professor, Financial University, Moscow, Russia

KYMukhin@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Ю. М. Грузина — разработка общей концепции и дорожной карты исследования.

Х. П. Харчилава — библиография и теоретико-обзорная часть исследования.

К. Ю. Мухин — аналитическая и эмпирическая часть исследования.

Authors' declared contribution:

J. M. Gruzina — development of the general concept and roadmap of the study.

Kh. P. Kharchilava — a bibliography and theoretical review of the study.

K. Yu. Mukhin — analytical and empirical part of the study.

Статья поступила 15.10.2019; принята к публикации 20.11.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.10.2019; accepted for publication on 20.11.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-84-89

УДК 32:341(045)

Политико-правовые аспекты вхождения Крымского полуострова в состав Российской Федерации: между легальностью и легитимностью

А.В. Брега

Финансовый университет, Москва, Россия;
Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1703-2741>

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена продолжающейся полемике в научном и политическом сообществе о законности действий России по присоединению Крымского полуострова в 2014 г. Автор рассматривает основные точки зрения на легальность действий России. При этом обращается особое внимание на взаимодействие правовых и политических аспектов, определяющих легитимность анализируемых в статье событий. Результаты исследования показали, что дальнейшая работа с международным сообществом по признанию Крыма российским должна использовать более широкий контекст легитимации (историко-правовой, политический, социокультурный, лингвистический), а не только рационально-легальный.

Ключевые слова: Крым; легальность; легитимность власти; международное право: политика

Для цитирования: Брега А.В. Политико-правовые аспекты вхождения Крымского полуострова в состав Российской Федерации: между легальностью и легитимностью. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):84-89. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-84-89

ORIGINAL PAPER

Political and Legal Aspects of the Reintegration of the Crimea into the Russian Federation: Between Legality and Legitimacy

A.V. Brega

Financial University, Moscow, Russia;
Technical University of Communication and Informatics, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1703-2741>

ABSTRACT

This article discusses the ongoing controversy in the scientific and political community concerning the legality of Russia's actions on the rejoining of the Crimean Peninsula in 2014. The author considers the main points of view on the legality of Russia's actions. At the same time, special attention is paid to the interaction of legal and political aspects that determine the legitimacy of the events analysed in the article. The results of the study showed that further work with the international community to recognise the Crimea as Russian territory should use a broader context of legitimisation (historical, legal, political, socio-cultural, linguistic), and not only rational and legitimate.

Keywords: the Crimea; legitimacy of authority; international law; politics

For citation: Brega A.V. Political and legal aspects of the reintegration of the Crimea into the Russian Federation: Between legality and legitimacy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):84-89. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-84-89

ЛЕГАЛЬНЫЕ И ЛЕГИТИМНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ: ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Сегодня в отечественном политическом дискурсе практически сложился консенсус относительно того, что Крым является российской территорией. Однако существуют иные позиции, ставящие под сомнение легальные и легитимные основания вхождения Крыма в состав РФ из-за непризнания данного факта мировым сообществом. Это обстоятельство не может игнорироваться, поскольку «крымская проблема» еще долго будет влиять на политическую действительность, выступая предметом политико-правовых споров в научном сообществе. В настоящее время в российском политическом дискурсе сложились следующие точки зрения относительно легитимности присоединения Крыма к России:

а) присоединение Крыма — это обоснованное и легитимное событие, соответствующее международному праву. Соответственно Российской Федерации нет необходимости предпринимать дополнительные действия по легализации и легитимации российского статуса данного региона;

б) Крымский полуостров — *de facto* российская территория, однако с точки зрения международного права имеется необходимость дополнительных действий со стороны России по легализации и легитимации присоединения Крыма;

в) присоединение Крыма является незаконным, поэтому следует отказаться от данной территории, так как это грубое нарушение международного права, и выйти из состояния государства-изгоя среди демократических стран.

Отношение к присоединению Крыма является не только одним из маркеров позиционирования различных политических сил России, но и позволяет понять направленность их дальнейших действий по вопросам внешней и внутренней политики. Итак, обозначим исходные позиции аргументации законности/незаконности вхождения Крыма в состав России.

Первая позиция общеизвестна и широко представлена в российском политико-правовом дискурсе — Крым является территорией России, и вопрос о еще каких-то легитимирующих действиях, подтверждающих данный факт, принципиально исключен. Такова безусловная позиция власти, поддержанная подавляющей частью российского общества. Юридически она базируется на следующих посылах.

Историко-правовой контекст «передачи» Крыма и особенно Севастополя в состав УССР. Считается, что процедура присоединения Крыма

к УССР была осуществлена с нарушением действовавшего в тот момент законодательства. Поэтому принятые в 1954 г. законодательные акты не имеют юридической силы и могут служить одной из причин одностороннего пересмотра их легальности.

Формально-юридическое основание. С формально-юридических позиций вины России в присоединении Крыма нет (что, кстати, ставит под сомнение правомерность применения к ней санкций за «нарушение» международного права). Действительно, автономная республика Крым (АКР) нарушила законы Украины, но на тот момент это было внутренним делом Украины. Жители АКР в марте 2014 г. воспользовались правом на самоопределение, которое гарантируется базовыми правовыми нормами — Уставом ООН (п. 2 ст. 1). Причем данным правом уже воспользовались на практике в период косовского прецедента и принятия решения по Косово в Международном суде в Гааге. Кроме того, следует упомянуть недавнее признание США суверенитета Израиля над оккупированными в 1967 г. Голанскими высотами, противоречащее резолюции 497 Совета Безопасности ООН от 17 декабря 1981 г., согласно которой аннексия Голанских высот является незаконной. Причем половина населения Голанских высот — друзы, которые отказываются принимать израильское гражданство. Получается, что признание оккупированной территории со стороны США произошло не только вопреки международному праву, но и против воли половины проживающего там населения. Двойные стандарты здесь очевидны.

В строгом смысле Россия присоединяла не украинскую территорию, а автономную республику Крым, законно избранная власть которой 11 марта 2014 г. приняла декларацию о независимости. Крымский референдум о вхождении в состав Российской Федерации был проведен 16 марта 2014 г. По результатам референдума, 96,77% проголосовавших поддержали воссоединение Крыма с Россией при явке 83,1%. На следующий день, 17 марта, Россия признала Крым независимым государством, в котором г. Севастополь имеет особый статус. 18 марта исходя из результатов референдума Россия дала согласие на присоединение государства Республика Крым. Таким образом, два независимых государства объединились по обоюдному желанию. Конечно, Россию и власти Крыма можно подозревать в «договорной игре», но с позиции права украинское государство тут не при чем. Правовые факты именно таковы, как описаны выше, для доказательства иного должны

быть предъявлены юридически состоятельные доказательства нарушения. Это неотъемлемые правила правового подхода.

Признание права на односторонние действия Республики Крым в связи с государственным переворотом в результате неконституционных действий оппозиции. Очевидно, что Крым отделился от Украины вопреки украинскому законодательству. Это трудно ставить под сомнение. Впрочем, следует оговориться, что конституционные положения, действовавшие до государственного переворота в Киеве, были нарушены на момент проведения референдума 16 марта 2014 г. (в связи с преследованием и изгнанием законного президента Украины В.Ф Януковича без импичмента и без проведения демократических выборов, как предусмотрено Конституцией). Чрезвычайные обстоятельства в стране (реальная угроза жизни крымчан как высшей ценности; развязывание гражданской войны) не позволяли провести референдум без необходимых мер по обеспечению безопасности его проведения.

Использование Вооруженных сил России в процессе присоединения Крыма. Возможно, это было сделано в некоторой степени и с нарушением международного права. В любом случае использование военной силы не было актом агрессии. Российские военные присутствовали в полном соответствии с международным правом. Вооруженные силы России имели право свободно перемещаться по территории Крыма, согласно действующим на тот момент российско-украинским соглашениям. Очевидно и то, что Вооруженные силы РФ не организовывали референдум и не подтасовывали его результаты, они не повлияли на волеизъявление крымчан.

Нарушение международных обязательств. Россия, подписывая Будапештский меморандум, брала на себя обязательство «воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости Украины» (<http://introvertum.com/budapeshtskiy-memorandum-1994-goda-polnyiy-tekst-na-russkom-yazyike>). Однако важно подчеркнуть, что указанный меморандум не был ратифицирован Россией, а значит, с точки зрения права он имеет декларативный характер. Кроме того, Россия не брала на себя обязательства препятствовать сецессии части территории Украины исходя из результатов волеизъявления местного населения. Ссылка на Хельсинкский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству

в Европе 1975 г., который закрепил политические и территориальные итоги Второй мировой войны, также не в полной мере состоятельна — в 1945 г. Крымский полуостров находился в составе РСФСР.

Таким образом, в 2014 г. произошла законная сецессия, выразившаяся в следующих фактах: во-первых, законный и легитимный представительный орган — Верховный Совет автономной республики Крым провозгласил государственную независимость; во-вторых, волеизъявление народа Крыма было подтверждено на референдуме о вступлении независимого Крымского государства в Российскую Федерацию. Данное обстоятельство исключает применение понятия «аннексия» или силового присоединения одним государством части другого (как, например, это было в случае Ирака с Кувейтом). Поэтому в случае Крыма речь идет о сецессии. Принятые под давлением западных стран резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES 68/262 от 27 марта 2014 г. «О территориальной целостности Украины» и № A/RES/72/190 от 19 декабря 2017 г. «Положение в области прав человека в автономной республике Крым и городе Севастополе» (<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N17/356/79/PDF/N1735679.pdf?OpenElement>) не могут восприниматься как обоснованные, поскольку акта агрессии и оккупации со стороны России не было.

Кстати, в октябре 2017 г. глава Ассоциации аккредитованных адвокатов по взаимодействию с органами государственной власти при Европейском Союзе Кристиан Д. де Фолуа признал, что крымский референдум состоялся в соответствии с нормами международного права ([https://newinform.com/84357-takogo-ukraina-ne-ozhidala-yuristes-podtverdili-chto-krym-prinadlezhit-rf?utm_referrer=https Fzen.yandex.com](https://newinform.com/84357-takogo-ukraina-ne-ozhidala-yuristes-podtverdili-chto-krym-prinadlezhit-rf?utm_referrer=https%3A%2F%2Ffzen.yandex.com)). Помимо этого, Ассоциация адвокатов ЕС считает, что резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «О территориальной целостности Украины» была принята без проведения внимательной юридической экспертизы создавшейся ситуации. Сегодня даже по признанию украинских СМИ все больше государств так или иначе склоняются к поддержке России в вопросах ситуации в Крыму [1].

Вторая позиция заключается в том, что многие государства считают, что присоединение Крыма к России произошло с нарушениями международного права. Однако они не отрицают стремление значительной части жителей Крыма к воссоединению с Россией. Поэтому для легализации и легитимации произошедшего присоединения Крыма к РФ

предлагается провести повторный референдум среди крымчан, сделав его максимально свободным, а главное — признанным мировым сообществом.

Несмотря на некоторые позитивные изменения в сторону признания Крыма российской территорией, в целом мировое сообщество отказалось признавать результаты референдума, проведенного в марте 2014 г. (<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/273/46/PDF/N1427346.pdf?OpenElement>). Западные исследователи практически единодушно дали оценку действий России как незаконной аннексии [2]. Так, например, Р. Мюллерсон считает, что в соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. и Хельсинкским актом 1975 г. российская деятельность в Крыму в феврале-марте 2014 г. является агрессией. Отмечая при этом, что «Россия имела хороших учителей в косовском случае и пытается следовать за косовской формулой — незаконной, но законной в крымском случае» [3].

Ряд отечественных ученых в области международного права поддержали такую аргументацию, выступив с критикой обоснования легальности и легитимности присоединения Крыма к России. В целом их доводы в основном сконцентрированы на нарушениях Будапештского меморандума, Хельсинкского заключительного акта, самой процедуры проведения референдума, а также участия Вооруженных сил России в событиях «крымской весны». Кроме того, они считают, что Россия и крымское руководство осуществляли чрезмерно радикальные, непропорциональные схемы обеспечения безопасности.

Можно встретить и не совсем рациональную аргументацию с переходом на личные оценочные суждения. Так, М. Иссаева объясняет поддержку многими российскими специалистами в области международного права позиции власти по крымскому вопросу следующими обстоятельствами: а) сохранением пережитков советского тоталитарного сознания в умах ведущих российских специалистов в области международного права; б) существованием в российских вузах догматического подхода к изучению международного права, незнанием большинством преподавателей английского языка; в) наличием «враждебного отношения к иностранным преподавателям и презрительного — к степеням, полученным за пределами России, что становится серьезным препятствием для молодого поколения российских ученых в области международного права» [4, с. 108–109]. Все это привело к тому, что в «случае Крыма представители россий-

ского права, возможно, стали жертвами государственной пропагандистской машины, потому что они не отклоняются от догматического понимания закона и выполняют роль международного адвоката как защитника государства» [4, с. 111]. Таким образом, по мнению М. Иссаевой, поддержка власти российскими учеными в области международного права во многом связана с деформацией их гражданской позиции в угоду преследования своих частных интересов, косного правового сознания и слабого знакомства с оригинальной иностранной правовой литературой и т.п.

Важным аспектом критики официальной точки зрения является то, что западное сообщество последовательно формирует неприемлемые для России новые «правила игры» из-за ситуации с Крымом и Донбассом. Воплощенные в жизнь, они обрекают страну на дальнейшее отставание от развитых экономик, перманентное ухудшение качества жизни людей, вызывают экономические трудности и рост социально-политической напряженности. При этом основа данной стратегии — не «обвал» политического режима, а частичная изоляция и низкоинтенсивная конфронтация. Главной целью является лишение России модернизационного и финансового ресурса, что в конечном итоге приведет к загниванию, росту протестных настроений и смене правящей элиты.

Такой сценарий видится вполне возможным, поскольку система персонализированной власти в России не имеет будущего [5]. Как считает Г. Явлинский, страна из-за санкций уже потеряла свыше 9 трлн рублей, поэтому единственным выходом будет проведение международной конференции по статусу Крыма. Результатом этой конференции должна стать инициация повторного референдума по самоопределению Крыма (<http://www.yabloko.ru/news/2017/11/24>).

Вероятно, идея повторного голосования имеет под собой определенные рациональные основания для «закрытия» проблемы признания Крыма российским в глазах международного сообщества. Однако реализация данной идеи на практике приведет, напротив, к существенной дестабилизации политической ситуации. Здесь сразу возникает множество трудноразрешимых вопросов. Скажем, в соответствии с каким законодательством проводить референдум? Как решить комплекс проблем, связанных с проведением агитационной кампании? Как быть с теми людьми, которые прибыли на постоянное место жительства в Крым после 2014 г. и т.д.

Подобные намерения с высокой долей вероятности способны привести к плачевному результату в действительности. Самым реальным и наиболее приемлемым вариантом достижения консенсуса по международному признанию Крыма российским является утверждение состояния *de facto*, при котором основным аргументом выступает решение подавляющего большинства населения Крыма находиться в составе России. Несмотря на различные социально-экономические проблемы, опросы общественного мнения, осуществленные независимыми организациями в 2015–2017 гг. [например, международной компанией GfK Group по заказу Berta Communications при поддержке Canada Fund for Local Initiatives для проекта Free Crimea и Центром восточноевропейских и международных исследований (ZOiS)], свидетельствуют об устойчивом пророссийском выборе крымчан (http://carnegieeurope.eu/strategic_europe/74635; <https://www.ridus.ru/news/178523>).

Юридические аспекты охватывают только часть реальной картины. Нельзя игнорировать и политическую составляющую, которая в концентрированном виде отражает экономические, социальные, духовные интересы социальных групп и общества в целом. Ни для кого не является секретом, что политическая ментальность и самоидентификация крымчан всегда были пророссийскими. Данное неоспоримое обстоятельство не отрицается даже украинскими ультранационалистами.

Рассмотрение политико-правовых последствий действий украинской власти всегда предполагает оценку их легитимности. Между тем в общественном дискурсе, да и на официальном уровне слова «легитимность» и «легальность» зачастую употребляются в качестве синонимов. Дело в том, что когда речь идет о легитимности власти, то обычно имеют в виду ее рационально-легальную трактовку, где легитимность определяется как одобрение правоты, законности решений и действий власти на основе их соответствия требованиям всеми признанных юридических законов. Однако легитимность (а это прежде всего социально-психологический феномен) имеет множество аспектов, которыми нельзя пренебрегать. Этим она отличается от легальности, представляющей исключительно юридический феномен. Иначе — легитимность нельзя рассматривать только с рационально-легальных позиций, поскольку она тесно связана с традиционными, харизматическими, идеологическими, этнонациональными и другие аспектами.

События в Крыму 2014 г. являются наглядным примером катастрофического падения легитимности не только всей политической элиты Украины, но и украинской государственности как таковой. Власть Украины оказались бессильными в преодолении разрыва между пророссийской (традиционной) легитимностью Крыма и украинской легальностью. Напротив, постсоветская действительность только способствовала усилению этого разрыва. В результате пророссийская легитимность стала российской легитимностью, а затем и легальностью. Без учета этих обстоятельств невозможно достижение международного консенсуса по статусу Крыма. Не случайно в европейском политическом и экономическом истеблишменте все чаще звучат призывы не ограничиваться только правовыми вопросами присоединения Крыма к России, а смотреть на проблему гораздо шире. По сути, началось постепенное движение мирового сообщества к легитимному признанию отделения Крыма от Украины, в том числе на рационально-легальных основаниях. А их по историко-правовым, политическим, социокультурным, лингвистическим и другим причинам достаточно много.

Так или иначе, референдум зафиксировал легальное и легитимное самоопределение жителей Крыма. Можно спорить о различных условиях и факторах реализации принципа самоопределения на практике, но исторически оно происходило только тогда, когда на определенной территории у значительной части народа стремление к самоопределению являлось устойчивым. Право в конечном итоге только закрепляет реализацию этого общественного (общеполитического) интереса на институциональном уровне. Прошлое сохранило множество таких примеров. Так, несмотря на юридически обоснованное вхождение Прибалтики в состав СССР, в республиках были сильны сепаратистские настроения; Западная Украина выступила адептом выхода УССР из состава Советского Союза, а Германская демократическая республика была поглощена ФРГ в силу того, что подавляющая часть населения страны желала объединения. Кризисные процессы в обществе с устойчивыми сепаратистскими настроениями только ускоряют центробежные тенденции.

Игнорирование традиционно пророссийских ориентиров крымчан на протяжении более чем двух десятилетий, которые к тому же обострились в условиях затяжного социально-экономического кризиса, вызвали стремительные центробежные тенденции. Причем действия киевских властей,

предпринимавшиеся для блокирования сепаратистских настроений, наоборот, только усиливали их. Ситуация с изменением статуса русского языка весьма показательна. Закон «О государственной языковой политике», принятый Верховной Радой в феврале 2014 г., предусматривающий отмену официального регионального статуса русского языка и других негосударственных языков на территории Украины, не был введен в действие. Важно другое — данный законопроект показал стратегический курс власти на системную замену традиционной российско-украинской идентичности (замечим: базовой для коренного населения) на вновь создаваемую украинско-националистическую. Причем не только в отношении к русскому населению. Так, общеизвестны негативная реакция Румынии и Венгрии на украинские законы «О государственном языке» и «Об образовании», а также серьезные трения с Польшей по вопросу исторической оценки деятельности УПА.

Итак, *de facto* Крым — территория России. Вместе с тем у мирового сообщества имеется достаточно

правовых оснований признать такое положение *de jure*. Вместе с тем для этого очень важна политическая изобретательность и воля, а не только наличие правовых аргументов. России требуется привнести в свои действия большую последовательность, системность и, главное, четко выстроить ценностную ориентированность процесса присоединения Крыма к РФ. Безусловно, украинский кризис ухудшил положение России в мировом сообществе. Санкционный режим введен надолго, а смягчение его негативных последствий требует много ресурсов и неординарных решений. России все же удалось добиться от западного сообщества понимания того, что есть черта в отстаивании национальных интересов, которую не следует переступать, не вызвав жесткой реакции. Положительные эффекты в результате воссоединения Крыма с Россией в политическом, социокультурном, оборонном и гуманитарном аспектах безусловны, но в международных отношениях предстоит продолжительная и кропотливая работа по преодолению вызовов и рисков, связанных с последствиями вхождения Крыма в состав России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Гайдай В. Резолюция ООН по Крыму: действительно ли весь мир с нами? URL: <https://inosmi.ru/politic/20171223/241077335.html/>.
2. Gaidai V. UN Resolution on the Crimea: Is the whole world really with us? URL: <https://inosmi.ru/politic/20171223/241077335.html/>. (In Russ.).
3. Kriendler J. NATO-Russia relations. Reset is not a four-letter word. In: Herd G.P., Kriendler J., eds. *Understanding NATO in the 21st century. Alliance strategies, security and global governance*. New York: Routledge; 2014:85–101.
4. Müllerson R. Ukraine: Victim of Geopolitics. *Chinese Journal of International Law*. 2014;13(1):133–145.
5. Issaeva M. Quarter of a century on from the Soviet era: Reflections on Russian doctrinal responses to the annexation of Crimea. *Russian Law Journal*. 2017;5(3):86–112.
6. Shevtsova L. The Kremlin Emboldened: Paradoxes of Decline. *Journal of democracy*. 2019;28(4):101–109.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Васильевич Брега — доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия; заведующий кафедрой «Социальные отношения, реклама и связи с общественностью», Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия
AVBrega@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Brega — Doctor of Political Sciences, Professor, *Financial University*, Moscow, Russia; Head of the Department “Social Relations, Advertising and Public Relations”, Technical University of Communication and Informatics, Moscow, Russia
AVBrega@fa.ru

Статья поступила 30.11.2019; принята к публикации 15.12.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 30.11.2019; accepted for publication on 15.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-90-94
УДК 324(045)

Федеральные и региональные аспекты выборов в Мосгордуму

А.И. Сперкач

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6399-5162>

АННОТАЦИЯ

Автор сосредоточил внимание на одном из наиболее резонансных событий последнего электорального цикла: выборах депутатов Московской городской Думы, их общефедеральных и сугубо местных особенностях. В работе использованы компаративный и системный методы. Автор в большинстве случаев опирался на открытые источники, широко привлекая материалы СМИ. В статье констатирован имиджевый ущерб, который понесла в столице «Единая Россия», чьи представители выдвигались в качестве независимых кандидатов. Вместе с тем репутационные издержки с учетом итогов выборов в других регионах парадоксальным образом способствуют тому, что проект «Единой России» как партии власти будет продолжен.

Ключевые слова: выборы; Московская городская Дума; Московская мэрия; мэр Москвы; Единый день голосования; политическая партия; избирательный округ; электоральный цикл; «Единая Россия»; регионы

Для цитирования: Сперкач А.И. Федеральные и региональные аспекты выборов в Мосгордуму. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):90-94. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-90-94

ORIGINAL PAPER

Federal and Regional Aspects of the Moscow City Duma Elections

A.I. Sperkach

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6399-5162>

ABSTRACT

The author focuses on one of the most resonant events of the last electoral cycle: the election of deputies of the Moscow city Duma, their Federal and purely local features using comparative and system methods. The author in most cases relied on open sources, widely attracting media materials. The article states the image damage suffered by “United Russia” in the capital, whose representatives were nominated as independent candidates. At the same time, reputational costs, taking into account the results of elections in other regions, paradoxically contribute to the fact that the project of “United Russia”, as the party in power, will continue.

Keywords: elections; Moscow city Duma; Moscow city hall; mayor of Moscow; single voting day; political party; electoral district; electoral cycle; “United Russia”; regions

For citation: Sperkach A.I. Federal and regional aspects of the Moscow city Duma elections. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):90-94. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-90-94

Заявленная тема подразумевает сопоставление прошедших в столице выборов с электоральными мероприятиями в других регионах. На первый взгляд, формальным аналогом при таком сопоставлении должны являться выборы законодательных собраний субъектов РФ. Однако прямая аналогия здесь затруднена. По факту политическое значение последних выборов, состоявшихся в Москве, с их особым влиянием на ситуацию в стране в целом несопоставимо с сугубо местной повесткой формирования и деятельности практически всех региональных законодательных собраний. Наконец, даже сама по себе численность избирателей ставит столичные выборы особняком (<http://www.cikrf.ru/izbiratel/quantity/20190701.php>). Данный посыл подтверждает и то, что на семинарах для политтехнологов в Администрации Президента РФ, посвященных прошедшим выборам глав регионов, озвучивалась и разбиралась московская электоральная тематика [1]. И это вполне справедливо с учетом всего вышесказанного. Общий федеральный тренд рельефно проявился именно при избрании региональных глав и зачастую размывался при избрании депутатов разного уровня. Поэтому именно с ним логичнее сопоставлять выборы в Мосгордуму-2019.

Если брать федеральный аспект выборов в Мосгордуму, то одной из наиболее примечательных коллизий явилась трансформация серьезнейших репутационных потерь «Единой России» в стратегически значимый аппаратный выигрыш. В Москве кандидаты-единороссы выдвигались под видом независимых (<https://meduza.io/feature/2019/06/13/edinaya-rossiya-ne-vydvynulani-odnogo-kandidata-v-mosgordumu>). В различных источниках подчеркивалось, что подобная маскировка крайне неудачна [2]. В качестве синергетического фактора при этом упоминался имиджевый урон партии власти, понесенный в Новосибирске, где она под давлением губернатора и федеральных акторов уклонилась от борьбы за пост мэра [3]. Новосибирский прецедент к тому же произошел вопреки желанию и заявлениям руководства регионального отделения «Единой России» [4, 5].

Боязнь выставить от своего имени кандидатов на выборы в Москве, самоустранение от выборов в третьем по численности городе России — все это, казалось, наглядно и зримо подкрепляло версию о глубоком кризисе в партии. Кроме того,

авторитетные эксперты полагают, что, в отличие от предыдущих созывов, Московская дума больше не будет монолитной [6, 7].

Однако после выборов выяснилось, что «Единая Россия» под своим флагом в других регионах, за редким исключением, выступила успешно (<https://ria.ru/20190910/1558536671.html>). Более того, гораздо успешнее, чем ожидалось. При этом в Москве кандидаты-единороссы, выдвигаясь как независимые, получили на расчищенном электоральном поле далеко не лучший результат, имиджевые потери и скандал федерального уровня в придачу.

Несомненно, все происшедшее является чрезвычайно серьезным аргументом для того, чтобы ставка политической элиты на «Единую Россию» как на условную партию власти продолжала оставаться актуальной. Тем более что к этому имеются объективные электоральные предпосылки. Единый день голосования-2019 еще раз подтвердил наличие и в Москве, и в регионах определенного и весьма немалого пула избирателей, которые всегда будут голосовать за политическую организацию, ассоциирующуюся (пусть не всегда справедливо) с реальной, действующей властью. Численность этого пула имеет тенденцию к уменьшению и серьезно варьируется в зависимости от местных условий, но его, как правило, определяют в 25–35% от количества избирателей, принимающих участие в выборах. Любая попытка дробления или замены «Единой России» — тема, к которой вернулись в последнее время — безусловно, растащит этот пул и дезориентирует избирателей-лоялистов [8]. Тем более что деление партии власти по идеологическим основаниям лишено смысла, ибо любые идеологические декорации, вокруг которых теоретически могли быть созданы новые политические организации, ничего не значат при заложенном в альтернативный проект детерминированном голосовании по всем ключевым вопросам. Таким образом, выборы в Мосгордуму-2019 в этом аспекте резко отличались от федерального тренда, но весьма своеобразно соотносились с ним. Здесь следует отметить, что пул, лоббируемый властью (говоря точнее, Московской мэрией) отнюдь не ограничивался членами «Единой России». Хорошо известна ситуация в 3-м избирательном округе, в котором «спойлером» в интересах мэрии выступал представитель «Справедливой России», являвшийся однофамильцем снятого впоследствии оппозиционного кандидата. Победа упомя-

нутаго «спойлера», полностью устранившегося от ведения кампании, над прямым ставленником городской администрации стала одной из главных и очень многозначительных сенсаций [9].

На выборах разного уровня в регионах власть максимально зачистила электоральное поле, по возможности организовав конкуренцию своих ставленников, выражаясь фигурально, с пустым местом. При этом зачистка от нежелательных или излишне влиятельных кандидатов после провалов предыдущего цикла на этот раз властями проводилась куда тщательнее и продуманнее. Однако общий успех на выборах был обеспечен не только этим, вполне тривиальным обстоятельством. Свою роль сыграло выдвижение новых лиц, которые даже на фоне слабых конкурентов символизировали надежду на некоторое изменение к лучшему, пусть за счет привлечения дополнительных федеральных ресурсов, сокращения управленческого аппарата, ухода утомивших население своим «светлым образом» руководителей и прочих частностей. В новом электоральном цикле властям удалось избежать прежних ошибок, когда в регионы без должной подготовки «заводили» ставленников администрации Президента РФ, сплошь и рядом просто игнорируя настроения местных элит, надеясь без особого труда переломить их волю. В сентябре 2019 г., если брать ситуацию в целом, подобные коллизии являлись скорее исключением, чем правилом.

Принципиальным отличием московских выборов являлась чрезвычайная узость маневра представителей власти в идейном и медийном плане. Предполагается, что лучшее в Москве уже существует, возможно, не безупречное (ибо на этом свете не существует ничего безупречного), но замечательное, особенно по сравнению с прочими регионами, городами и весями Российской Федерации. Какую новую повестку могли предложить новые или старые провластные депутаты Мосгордумы, к каким кардинальным переменам призывать? Как вообще возможно принципиально обновлять повестку при столь блестящем настоящем? В результате повестка целиком задавалась оппозицией.

При этом в столице сработали те же стратегические стабилизирующие систему факторы, которые работали по всей стране, на большинстве выборов различного уровня. Наиболее важный из них тот, что российская представительская система по факту не представляет значитель-

ные категории граждан. Если обратиться к московским реалиям, показательным примером является ситуация с корпорацией автолюбителей. Казалось бы, в электоральном плане — это гигантская сила, со своими вполне конкретными и понятными интересами. Не секрет, что для существенной, если не большей, ее части характерно принципиальное несогласие с проводимой мэрией политикой и крайнее раздражение тем, что происходит в городе. Интересы автолюбителей сплошь и рядом ущемляются мэрией, причем — демонстративно. Но, собственно, кто эту корпорацию представляет на местных выборах? А ведь это в рамках города — если не миллионы, то сотни тысяч категорически недовольных местной властью граждан! Причем граждан с совершенно понятными и, на первый взгляд, не политическими, интересами. Может — оппозиция? Очень сомнительно. Дарья Беседина, победившая в восьмом округе бывшего кандидата от КПРФ в мэры Москвы Вадима Кумина, стала депутатом идейно гораздо более неприятным для автомобилистов, даже чем «старые добрые» единокорсы, автоматически поддерживающие все предложения городской администрации.

Если отойти от персоналий депутатов и кандидатов (а тут, кроме Дарьи Бесединой, можно приводить и другие примеры), следует обратить внимание, что мобилизационная оппозиционная повестка на выборах Мосгордумы-2019 базировалась на обвинениях действующих властей в нарушении предвыборного законодательства, предвзятости решений о снятии кандидатов, методах силового воздействия во время массовых протестов, явившихся следствием упомянутого снятия, и т.д. Причем наблюдалось явное доминирование общефедеральной и общеполитической проблематики. Интересы столичных автомобилистов, по большому счету, оппозицию не волновали или по крайней мере на них не делалось акцента. Тем более по понятным причинам не волновали они прямых ставленников мэрии.

Можно рассмотреть более идеологизированный вариант. Кто представлял на выборах клерикально настроенных граждан, которые, например, поддерживают строительство храмов, но не принимают прочие аспекты политики мэрии Москвы? Между тем это тоже достаточно мощный электоральный ресурс, которого фактически не существует в нынешнем представительском спектре. Подобные бросающиеся в глаза лакуны отечественной представительской системы ха-

рактены отнюдь не только для столицы России. В итоге складывается ситуация, когда значительной части избирателей на выборах просто не за кого голосовать. Именно это обстоятельство, несмотря на исключительную медийную раскрученность и объективную важность события для жителей, определило низкую явку при избрании Мосгордумы-2019. Поднять явку не смогло даже наличие подлинной конкурентности и интриги на заключительном этапе выборов. Эта конкурентность — одна из характерных особенностей выборов Мосгордумы- 2019. Достаточно упомянуть, что из 45 избирательных округов в пятнадцати (1, 2, 3, 7, 9, 12, 19, 23, 25, 30, 32, 34, 36, 40, 44-й) разница в голосах между первым и вторым кандидатами составляла менее 5% от общего числа проголосовавших. В 11 подобных случаях неустойчивого равновесия чаша весов склонилась на сторону ставленников мэрии (1, 7, 9, 12, 23, 25, 30, 32, 34, 36, 40-й избирательные округа). В 17 случаях, когда разрыв оказался более 10% (6, 10, 11, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 22, 26, 28, 31, 37, 38, 42, 43-й избирательные округа) в подавляющем большинстве уверенно побеждали оппозиционные депутаты. Ставленники мэрии достичь такого разрыва смогли только в пяти округах (10, 22, 26, 28, 38-й) (<https://duma.mos.ru/ru/2711/page/itogi-vyiborov-deputatov-moskovskoy-gorodskoy-dumyi-vii-sozyiva>).

Другим компонентом, обеспечивающим стабильность системы выборов в стране, в том числе в Москве, являются простые технологические приемы по растаскиванию голосов избирателей, которые все же идут к избирательным урнам. Достаточно обратить внимание на фактическую роль на выборах в Мосгордуму «Коммунистов России» и по большинству избирательных округов — ЛДПР. Как показывает пример 3-го округа, приведенный выше, тут можно упомянуть и некоторых представителей «Справедливой

России». Без подобных технологических «подпорок» замаскированная «Единая Россия» и мэрия почти гарантированно в 2019 г. «потеряли» бы Мосгордуму. Говоря точнее, гарантированно не получили бы в ней большинства.

Прошедшие выборы показали позитивную (с точки зрения существующих элит) устойчивость характерных для России избирательных практик. Если рассматривать только полученные итоги, негативный для власти тренд предыдущего электорального цикла удалось погасить. При этом ситуация в Москве серьезно отличается от общероссийской. Здесь в ключевом с политической точки зрения пункте второй раз с момента выборов мэра 2013 г. провал провластных кандидатов оказался вполне вероятным. Некоторую формальность этой оценке придает тот факт, что в пул городской администрации входили отнюдь не только члены «Единой России». Принадлежность к оппозиции также в этом смысле ничего не гарантировала [10]. При этом федеральное значение столичных выборов не уменьшает тот факт, что Московская городская Дума юридически и по факту является, пожалуй, одной из самых управляемых городской администрацией среди законодательных учреждений крупных городов России.

Так или иначе, именно московские выборы в 2019 г. явились наиболее серьезным «звонок» об исчерпании ресурсов нынешней политической модели, все более и более уповающей на частные технологические и административные решения, которые в Москве, в отличие от большинства регионов, сработали с большим трудом. Здесь власти с трудом сумели получить приемлемый для себя электоральный результат. Анализ городских избирательных округов, где шла напряженная борьба за лидерство, и тех, где победитель демонстрировал солидный отрыв от конкурентов, данный вывод подтверждают.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мухаметшина Е., Иванов М. Администрация президента провела поствыборный разбор полетов. Чиновники обсудили с политтехнологами удачу и ошибки региональной кампании. Ведомости. 06.10.2019.
2. Толочко В. Депутат назвала ошибкой решение членов ЕР идти на выборы как самовыдвиженцы. URL: <https://ria.ru/20190909/1558499832.html>.
3. Галагуз И. «Единая Россия» отказалась от участия в выборах мэра Новосибирска. Коммерсантъ. 25.04.2019.
4. Аникина Е., Кашафутдинов В. Андрей Панферов: «Пакта нет». URL: <https://ksonline.ru/341737/andrey-panferov-pakta-net/>.
5. Голубков А. Единороссы обсудили выборы мэра за закрытыми дверями. URL: <http://sibkray.ru/news/2126/922069/>.

6. Гусев Д. Мосгордума будет очень спорной, возникнет много дискуссий о жизни Москвы. URL: <http://regcomment.ru/opinions/mosgorduma-budet-ochen-spornoj-vozniknet-mnogo-diskussij-o-zhizni-moskvy/>.
7. Казанков Г. Можно только предполагать, какую долю в Мосгордуме занимают представители лояльного пула мэрии. URL: <http://regcomment.ru/opinions/mozhno-tolko-predpologat-kakuyu-dolyu-v-mosgordume-zanimayut-predstaviteli-lojalnogo-pula-merii/>.
8. Насонова О. В ожидании НЛО. Есть ли жизнь после «Единой России»? URL: <https://reporter64.ru/?mod=content&act=view&url=v-ozhidanii-nlo-est-li-zhizn-posle-edinoj-rossii>.
9. Сироткин К., Кузнецова Е. «Пропавший» депутат Мосгордумы Соловьев объяснил свое исчезновение. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/09/2019/5d7ba8009a79473a04e523b5>
10. Салин П. КПРФ предлагает столичным властям сделку. URL: <http://regcomment.ru/opinions/kprf-predlagaet-stolichnym-vlastyam-sdelku/>.

REFERENCES

1. Mukhametshina E., Ivanov M. The Presidential administration conducted a post-election debriefing. Officials discussed with political strategists the luck and mistakes of the regional campaign. Vedomosti. 06.10.2019. (In Russ.).
2. Tolochkov V. The deputy called the decision of members of UR to go to elections as self-nominees a mistake. URL: <https://ria.ru/20190909/1558499832.html>. (In Russ.).
3. Galaguz I. “United Russia” has refused participation in elections of the Mayor of Novosibirsk. Kommersant. 25.04.2019. (In Russ.).
4. Anikina E., Kashafutdinov V. Andrey Panferov: “There is no Pact”. URL: <https://ksonline.ru/341737/andrej-panferov-pakta-net/>. (In Russ.).
5. Golubkov A. United Russia discussed the election of the mayor behind closed doors. URL: <http://sibkray.ru/news/2126/922069/>. (In Russ.).
6. Gusev D. Moscow City Duma will be very controversial, there will be a lot of discussions about the life of Moscow. URL: <http://regcomment.ru/opinions/mosgorduma-budet-ochen-spornoj-vozniknet-mnogo-diskussij-o-zhizni-moskvy/>. (In Russ.).
7. Kazankov G. We can only assume what share in the Moscow City Council is occupied by representatives of the loyal pool of the City Hall. URL: <http://regcomment.ru/opinions/mozhno-tolko-predpologat-kakuyu-dolyu-v-mosgordume-zanimayut-predstaviteli-lojalnogo-pula-merii/>. (In Russ.).
8. Nasonova O. Waiting for a UFO. Is there life after the “United Russia”? URL: <https://reporter64.ru/?mod=content&act=view&url=v-ozhidanii-nlo-est-li-zhizn-posle-edinoj-rossii>. (In Russ.).
9. Sirotkin K., Kuznetsova E. “Missing” Deputy of the Moscow City Duma Solovyov explained his disappearance. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/09/2019/5d7ba8009a79473a04e523b5>. (In Russ.).
10. Salin P. The Communist Party offers the metropolitan authorities a deal. URL: <http://regcomment.ru/opinions/kprf-predlagaet-stolichnym-vlastyam-sdelku/>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Иванович Сперкач — кандидат исторических наук, старший преподаватель Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
sperksperk@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander I. Sperkach — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
sperksperk@yandex.ru

Статья поступила 10.11.2019; принята к публикации 05.12.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.11.2019; accepted for publication on 05.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-95-99
УДК 32.019.51;304.9(045)

Противоречия формирования исторического сознания современной российской молодежи

А.А. Сучилина

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0513-2331>

АННОТАЦИЯ

С праксиологических позиций история – это опыт прошлого, перенесенный в современность для поиска ориентиров в действительности. Однако историческое сознание современной молодежи, формирующееся в условиях сетевой реальности, достаточно противоречиво, что увеличивает политический риск вовлечения этой социальной группы в протестную активность. Молодым людям присуща фрагментарность мировосприятия, некритическое отношение к поступающей из социальных сетей информации, использование стандартов потребительского поведения в социальных отношениях. Все эти тенденции в условиях распространения идеологии нелиберализма приводят к подрыву коллективной идентичности. Особым объектом воздействия оказывается историческое сознание, выступающее частью национального самосознания. Стратегические задачи Российского государства состоят в поддержании исторической коммуникации, в том числе посредством коммемораций, в сохранении исторической идентичности как части национального суверенитета. Решение этих задач невозможно обеспечить усилиями одного только государства, необходимо привлечение всех основных социальных институтов – агентов социализации. Преодоление противоречий формирования исторического сознания российской молодежи предполагает трансляцию ценности патриотизма через институт традиционной семьи.

Ключевые слова: историческое сознание; историческая коммуникация; коммеморация; дивидуум; нелиберализм; коллективная идентичность; цифровой аутизм; традиционная семья

Для цитирования: Сучилина А.А. Противоречия формирования исторического сознания современной российской молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):95-99. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-95-99

ORIGINAL PAPER

Contradictions in the Formation of the Historical Consciousness of Modern Russian Youth

A.A. Suchilina

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0513-2331>

ABSTRACT

From a praxeological standpoint, history is an experience of the past transferred to the present for the search for landmarks in reality. However, the historical consciousness of modern youth, which is forming under the conditions of network reality, is quite contradictory, which increases the political risk of involving this social group in protest activity. Young people are characterised by a fragmented worldview, an uncritical attitude to information coming from social networks, and the use of consumer behaviour standards in social relations. All these trends in the context of the spread of the ideology of neoliberalism lead to the undermining of collective identity. A particular object of influence is historical consciousness, which is a part of national identity. The strategic objectives of the Russian state are to maintain historical communication, including through memorials, to preserve historical identity as part of national sovereignty. The solution to these problems cannot be ensured by the efforts of the state alone; it is necessary to involve all the leading social institutions – agents of socialisation. Overcoming the contradictions in the formation of the historical consciousness of Russian youth involves the transmission of the value of patriotism through the institution of a traditional family.

Keywords: historical consciousness; historical communication; commemoration; dividual; neoliberalism; collective identity; digital autism; traditional family

For citation: Suchilina A.A. Contradictions in the formation of the historical consciousness of modern Russian youth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):95-99. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-95-99

Важнейшими факторами формирования групповой идентичности любого этноса служат представления об общем происхождении — «родословной» коллектива — и общей исторической судьбе его членов. На протяжении значительной части истории человечества вопрос об истоках социальной общности решался в рамках религиозного мировоззрения, а собственно история этноса была в значительной степени мифологизирована. С появлением наций религиозный компонент в идеологиях стал ослабевать, а исторический, наоборот, продемонстрировал высокую степень резистентности — национальное самосознание продолжает функционировать как историческое сознание и в современном мире. Историческая идентичность не только символизирует феномен генезиса «мы-групп», дает ориентиры в исторической ретроспективе, но позволяет выставить «сигнальные огни» — особые ценностные приоритеты — в актуальном пространстве действительности, способствует формированию у граждан ответственности за судьбу государства-нации, чувства сопричастности к его будущему. В этой связи не удивительна апелляция к общему прошлому и упоминание о единой истории даже в основополагающих нормативных правовых актах. Так, например, преамбула Конституции Российской Федерации формулируется от лица многонационального народа, соединенного общей судьбой (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/), а в указе «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» преемственность истории включена в число традиционных российских духовно-нравственных ценностей (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/).

Особое значение для интеграции общности, поддержания патриотизма и выработки конструктивной повестки будущего играют героические страницы прошлого, связанные с преодолением тягот и лишений. Память о таких событиях позволяет нации сохранять веру в свои силы и видеть перспективы собственного существования. Историческая коммуникация осуществляется посредством коммемораций — поминовения особо чтимых исторических дат и годовщин. В текущей повестке для нашей страны наиболее значимой коммеморацией

является приближающееся 75-летие Победы в Великой Отечественной войне.

В послании Федеральному Собранию, озвученному 15 января 2020 г., Президент В. В. Путин подчеркнул, что День Победы — «самый великий и святой праздник», а память о произошедших семьдесят пять лет назад событиях «не только дань огромного уважения героическому прошлому — она служит нашему будущему, вдохновляет нас, укрепляет наше единство» (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>).

В этой связи актуализируется как конкретная задача — «защита правды о Победе», сформулированная президентом, так и более обширная цель — противодействие попыткам фальсификации истории вообще, названная одной из угроз национальной безопасности РФ в области культуры*.

Историческое сознание — ретроспективная оценка обществом своего возникновения и развития — детерминирует социальное поведение, поэтому у определенных акторов политики возникает искушение использовать его в своих целях, даже если это приведет к деконструкции и фальсификации истории, ее целенаправленному изменению в ходе информационного противоборства.

Социальной группой, наиболее подверженной манипулятивному воздействию фальсификаторов и одновременно максималистки убежденной в собственной объективности восприятия, является молодежь. Для обозначения ее представителей хорошо подходит дефиниция «дивидуум», которую А. Г. Дугин использует как характеристику современного человека [1]. Латинская этимология термина — от слова «делимый» — призвана сфокусировать наше внимание на отсутствии цельности, разорванности мировосприятия современного человека.

В отличие от многочисленных поколений прошлого, имевших достаточно четкую и систематизированную картину мира, осознававших себя неотъемлемой частью социума, человеку эпохи постмодерна не свойственен холизм, зато в полной мере присущ индивидуализм в формате эгоцентризма.

* Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/.

Истоки этого феномена в первую очередь связаны с распространением либеральной идеологии. Речь идет не о классическом либерализме Д. Локка, а об его современных формах, интерпретирующих свободу как отказ от социальных обязательств и связей, в том числе с основными ценностно-определяющими институтами: семьей и религией. Культивируется свобода самовыражения вплоть до самых нелепых форм половой самоидентификации, потребительское отношение не только к вещам, но и к людям. Теоретики неоллиберализма, по крайней мере начиная с К. Поппера, бросили все силы на подрыв различных форм коллективной идентичности и построение «открытого общества», функционирующего по принципу рынка с возможностью совершения любых сделок, в том числе с моралью и совестью. Новая система была призвана дать человеку возможность выбора любых форм идентичности, минимизировать социальные ограничения [2]. На практике обещанная свобода, как в лозунге правящей партии из культового романа Дж. Оруэлла, обернулась рабством — в погоне за иллюзорной независимостью человек, оторванный от собственных корней, привязанностей к семье, религии, стране, собственной истории, становится легким объектом манипуляции, «беспозвоночным» существом, чья активность может использоваться в диаметрально противоположных целях в определенных политических и социальных обстоятельствах. Подобные проявления неоллиберализма приводят к разочарованию в его постулатах. В июне 2019 г. в интервью изданию “Financial Times” президент России высказал мнение, что либеральная «идея себя изжила... вступила в противоречие с интересами подавляющего большинства населения... Традиционные ценности стабильнее, важнее для миллионов людей, чем эта либеральная идея, которая прекращает свое существование...» (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/60836>).

«Делимость» современного человека связана и с феноменом цифровизации. Значительная часть жизни молодого человека проходит в виртуальном пространстве, где он получает возможность действовать под сетевым псевдонимом, создавая себе вымышленные факты биографии и более комфортные условия существования, чем в действительности. Возникает феномен цифровой шизофрении — раздвоения

между реальной личностью с ее биографией и жизненными обстоятельствами и цифровым персонажем. Традиционные коммуникативные связи нарушаются, утрачиваются навыки социализации, происходит интеллектуальная деградация. Как отметил на недавно завершившемся Всемирном экономическом форуме в Давосе руководитель лаборатории нейронаук и поведения человека Сбербанка А. Курпатов, возникает «цифровой аутизм» (<https://ria.ru/20200123/1563771784.html>). Порождаемые им социально-политические риски состоят в том, что человек утрачивает способность самостоятельно критически мыслить, анализировать и «фильтровать» информацию, запоминать значительные объемы данных. Он выступает исключительно как потребитель предоставляемого контента, запрограммированный на исполнение команд и рекомендаций, идущих из сети. Прогнозируемая тенденция состоит в том, что будет происходить дальнейшее дробление человека — дигитализация личности, возникнут цифровые двойники и постчеловек [1].

В таких условиях историческая идентичность будет подрываться или полностью утрачиваться, в то время как коммеморация в широком смысле слова — это связь времен, межпоколенческая преемственность посредством общей памяти, важнейший механизм трансляции ценностей в обществе. Одна из важнейших задач современного государства состоит в сохранении и защите исторической памяти и формировании исторической идентичности как компонента национального суверенитета.

Технологи дестабилизации политических режимов делают ставку на молодежь как легко воспламеняемую часть социума, формируя среду для цветных революций и переворотов, наносят удары по всем мировоззренческо-идеологическим основаниям общества, включая историческое сознание. Проблема противодействия переписыванию истории со стороны государства в текущей повестке актуальна, стоит признать, что историческому сознанию современной российской молодежи присуща описанная выше фрагментарность, которая в том числе проявляется в отсутствии систематизированных представлений об истории. Противоречия исторического сознания современной российской молодежи обусловлены, с одной стороны, недостатком знаний (неве-

жество — благодатная почва для политических манипуляций), с другой стороны — обилием «информационного мусора» на историческую тематику в сети, создаваемым сознательно с политическими (идеологическими) целями, а также в контексте пиар-кампаний отдельных «ученых» и деятелей культуры. Деструктивную роль играет и широко распространившаяся философия постмодерна. «Преобразователи» прошлого активно пропагандируют постмодернистскую картину мира: если до середины прошлого века человечество пользовалось системой ценностных координат, выстроенной по принципу бинарных оппозиций, противопоставлявшей добро и зло, то в последние десятилетия все большую власть над умами стал приобретать концепт ризомы, допускающий вариативность оценок добра и зла, размывание и смешение ценностных ориентиров.

В сложившихся реалиях актуальной с точки зрения сохранения единства и духовного здоровья нации является политика памяти, направленная на поддержание важнейших коммемораций и преодоление риска межпоколенческих разрывов. Среди большого числа методов, выработанных на сегодняшний день, стоит обратить внимание не только на массовые акции, но и на противодействие невежеству и «информационным вбросам» путем систематизации и обнародования максимального количества исторических документов. В частности, в последнем послании Федеральному Собранию Президент В. В. Путин озвучил, что в нашей стране появится «крупнейший и самый полный комплекс архивных документов, кино- и фотоматериалов по Второй мировой войне, доступных и для наших граждан, и для всего мира. Такая работа — наш долг как страны-победительницы и ответственность перед будущими поколениями» (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>).

Помимо создания базы данных, в том числе и в цифровом формате, необходимо вести активную работу по трансляции правдивых сведений об исторических событиях в доступной (наглядной, систематизированной и небольшой по объему) форме через социальные сети.

Однако невозможно решить имеющиеся проблемы исключительно путем сетевой коммуникации, необходима воспитательно-идеологическая деятельность, направленная на культивацию социальной солидарности,

взаимопомощи и коллективизма — ценностей, традиционных для российского национального менталитета и закрепленных Стратегией национальной безопасности.

Стоит отметить, что историческое сознание имеет ряд уровней: обыденно-практический, эмоционально-психологический, идеологический и научно-теоретический. Описанные выше мероприятия в большей степени связаны с третьим (идеологическим) и четвертым (научно-теоретическим) уровнями, однако не менее, а в повседневной практике скорее более значимыми уровнями, являются первые два. Решить проблемы в этой плоскости призвана в первую очередь семья.

В послании Президента Федеральному Собранию от 15.01.2020 первое и значительное место было уделено демографической проблеме, говорилось о семье с точки зрения рождаемости, пособий, обеспечения детскими садами, но как мы понимаем, будущее государства-нации зависит не только от количества людей, но и от качества их воспитания, привитых ценностных установок и исторической идентичности.

Задачи формирования гражданской позиции и патриотической исторической идентичности обуславливают необходимость включения в этот процесс всех основных социальных институтов — агентов социализации. Важная роль принадлежит не только государству, но и образованию и особенно семье. Наиболее чуткое и осознанное восприятие прошлого страны возможно только через прочувствованное исследование истории своей семьи. История семьи в сознании человека должна восприниматься как неотъемлемая часть истории страны, и наоборот, прошлое страны в том числе, и как собственная родословная.

«Семейный компонент» прослеживается в различных видах консолидирующих идеологий, начиная с самых примитивных, возникших в первобытную эпоху. Изначально эту роль играли религиозные представления — анимистические верования — материнско-родовой культ святынь и покровителей и патриархальный культ предков. Первобытные люди выстраивали родословную, в которой в образе легендарного первочеловека сливались тотем, правитель и конкретный предок семьи, например у бурятского народа — Буха-Нойон-Бабай (бык-князь-отец). Таким образом, компонент

семейной традиции был частью интегрирующих верований, обязательным элементом примитивной идеологии.

По мере эволюции этноса усложнялось и дополнялось консолидирующее мировоззрение. Долгое время его роль играла религия, в дальнейшем возникли национальные идеологии, в той или иной степени включавшие религиозный компонент либо претендующие на светский характер. Однако стоит иметь в виду, что национальное самосознание всегда представляет собой историческое сознание, выстраивание конструктивной повестки возможно только на основе осознания достижений и ошибок прошлого, анализа истоков настоящего и выстраивания прогноза на будущее.

В современной России, по выражению президента В. В. Путина, озвученному в феврале 2016 г., единственной национальной идеей может быть только патриотизм (<https://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a794706>

0162a5a7). Патриотизм как любовь к своей стране и гордость за нее начинается с «малой родины» — места рождения и семьи. В этом смысле традиционная семья является столпом устойчивого развития государства и общества в целом, что обуславливает необходимость уделения должного внимания семье как ценности со стороны государства. С другой стороны, семья должна стать носителем и транслятором консолидирующей национальной идеологии. Государству стоит заботиться не только о численном составе российских семей и их материальном благополучии, но и предпринимать усилия по формированию ценности «ответственного родительства». Слова «родина», «народ», «род», «родители», «родственники» обладают этимологической близостью в русском языке и дополнительно подчеркивают роль семьи как «ячейки общества», способной, в том числе, сыграть значительную роль в формировании исторической идентичности будущих поколений граждан России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дугин А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение; 2009.
2. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 тт. Пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Культурная инициатива; 1992.

REFERENCES

1. Dugin A. G. Post-Philosophy. Three paradigms in the history of thought. Moscow: Eurasian movement; 2009. (In Russ.).
2. Popper K. Open Society and its Enemies. In 2 vols. Transl. from Eng. V. N. Sadovsky, ed. Moscow: Cultural Initiative; 1992. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Александровна Сучилина — доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, заместитель декана факультета социологии и политологии по учебно-воспитательной работе, Финансовый университет, Москва, Россия
AASuchilina@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Suchilina — Associate Professor, Department of Political Science and Mass Communications, Deputy Dean of the Faculty of Sociology and Political Science, Financial University, Moscow, Russia
AASuchilina@fa.ru

Статья поступила 05.12.2019; принята к публикации 20.12.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 05.12.2019; accepted for publication on 20.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-100-103
УДК 327(045)

Трансформация политических инициатив украинской элиты в контексте конкуренции Российской Федерации и Запада: 2004–2014 годы

Д. И. Ефремов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-3723-0806>

АННОТАЦИЯ

В статье автор устанавливает взаимосвязь интересов украинских элит с внешнеполитическим вектором Киева. Выделяет основных акторов, определивших специфику трансформации стратегического курса Украины. В работе оцениваются стратегические доктрины и анализируется изменение основных подходов, используемых украинской элитой. Автор рассматривает реакцию российских и украинских политических элит на коррекцию внешнеполитических императивов Российской Федерации и Украины. Также на примере теории «тяжелой» и «легкой» фракций украинских политических элит обозначаются специфические особенности корреляции между процессом замещения/обновления ключевых элитных групп и адаптацией стратегического вектора. Осуществляется сравнение декларируемых позиций/слоганов и конкретных доктрин/концепций, инициируемых, например, отдельными акторами политической элиты. Проводится анализ основных причин мягкого демонтажа так называемой многовекторной дипломатии в пользу евроатлантического курса. Также в статье применительно к реалиям Украины фиксируется влияние политической модели «бесформенного плюрализма» гибридных режимов на трансформацию внешнеполитического позиционирования.

Ключевые слова: многовекторная дипломатия; «тяжелая» и «легкая» фракции элиты; евроатлантическая интеграция; внеблоковая политика; «бесформенный плюрализм»; Восточное партнерство

Для цитирования: Ефремов Д. И. Трансформация политических инициатив украинской элиты в контексте конкуренции Российской Федерации и Запада: 2004–2014 годы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):100-103. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-100-103

ORIGINAL PAPER

Transformation of the Political Discourse of the Ukrainian Elite in the Context of Competition between the Russian Federation and the West: 2004–2014

D. I. Yefremov

Financial University, Russia, Moscow
<https://orcid.org/0000-0003-3723-0806>

ABSTRACT

The article establishes the relationship between the interests of the Ukrainian establishment and the foreign policy vector of Kyiv. The author identified the main actors who determined the specifics of the transformation of the strategic course of Ukraine. On the one hand, the author revealed the critical problems of European integration and on the other hand, the improvement/degradation of relations with the Russian Federation. The author evaluated the strategic doctrines used by the Ukrainian elite and analysed main changes in the approaches of the Ukrainian establishment. This article considers the reaction of Russian and Ukrainian political elites to the correction of the foreign policy imperatives of the Russian Federation and Ukraine, respectively. Also, the author, using the theory of the “heavy” and “light” fractions of Ukrainian political elites as an example, identifies specific features of the correlation between the replacement/renewal of key elite groups and the adaptation of the strategic vector, including a qualitative rethinking of the approaches inherent in the replaced establishment. On the other hand, the author compared between the declared positions/slogans and specific doctrines/concepts, initiated, for example, by individual actors of the political elite. The author analyses the main reasons for the soft dismantling of the so-called multi-vector diplomacy in favour of the Euro-Atlantic course. Also, in the article, concerning the realities of Ukraine, the influence of the political model of “shapeless pluralism” of hybrid regimes on the transformation of the foreign policy agenda.

Keywords: multi-vector diplomacy; “heavy” and “light” groups of the Elite; Euro-Atlantic integration; non-alignment policy; “shapeless pluralism”; “EaP” (The Eastern Partnership)

For citation: Yefremov D. I. Transformation of the political discourse of the Ukrainian elite in the context of competition between the Russian Federation and the West: 2004–2014. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):100-103. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-100-103

«ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» 2004–2005 ГГ. И ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИМПЕРАТИВОВ УКРАИНЫ НОВОЙ ЭЛИТОЙ

Второй президент Украины Леонид Кучма (1994–2005) в качестве политического наследия представил суверенному украинскому государству существенные стратегические возможности для внешнеполитических маневров, обусловленных осязаемыми успехами в рамках так называемой «многовекторной дипломатии».

С одной стороны, в отличие от своего предшественника, Леонида Кравчука (1991–1994), Кучма окончательно разрешил вопрос ядерного разоружения Украины, что, в свою очередь, открывало возможности для официального Киева после ратификации Будапештского меморандума 1994 г. более комплексно сотрудничать и с Европейским союзом, и с Соединенными Штатами Америки, не опасаясь какого-либо санкционного давления последних, по примеру Ирана и/или Северной Кореи.

С другой стороны, как выходец из промышленного района Левобережной Украины, Днепропетровской области Леонид Кучма последовательно подчеркивал особую важность рынка и технологий Российской Федерации для производства, а также реализации украинских товаров. Более того, на исходе первого президентского срока Кучмы, в 1997 г., был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной, имеющий потенциал в среднесрочной перспективе приблизить кооперацию между Москвой и Киевом к относительно высокому уровню российско-белорусских связей.

В свою очередь, победа Виктора Ющенко, опиравшегося преимущественно на электорат Правобережной и особенно Западной Украины, сыграла в том числе роль стартовой площадки для формулирования новых внешнеполитических подходов официального Киева: параллельное вступление Украины в Североатлантический альянс и Европейский союз.

При этом существует экспертный консенсус, что в случае победы основного оппонента Ющенко — Виктора Януковича вектор внешнеполитического развития остался бы без изменений [1], так как в начале первого десятилетия XXI в. Янукович как политический актер был не самостоятельным, а являлся лишь представителем широкой коалиции элитных групп, выступавших за сохранение статус-кво.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что к власти в Украине, впервые на постсоветском

этапе пришла прозападная элита, существовавшая ранее лишь в качестве нескольких разрозненных контрэлитных фракций.

Примечательно, что видный украинский политолог Дмитрий Выдрин классифицировал новый тип украинского истеблишмента как «легкую» фракцию элиты и, в свою очередь, противопоставлял ей так называемую «тяжелую» фракцию, ориентированную на сохранение баланса в украинской политике между Россией и странами Запада.

С другой стороны, упомянутая выше «тяжелая» фракция движима в своих устремлениях не столько русофильскими настроениями, сколько целью сохранить емкий российский рынок сбыта для промышленной продукции украинских предприятий, который может быть утерян, например, в случае форсирования евро-атлантического курса официального Киева.

Таким образом, декларирование запуска обновленного внешнеполитического курса Украины Президентом Виктором Ющенко и его командой явилось важным маркером, отделяющим «многовекторную дипломатию» Леонида Кучмы от курса «оранжевой» элиты [2], и сделало акцент на укреплении связей со странами «коллективного Запада» и прежде всего с Соединенными Штатами.

С другой стороны, первый зарубежный визит третьего украинского президента был совершен именно в Москву. Более того, в рамках встречи Виктора Ющенко и Владимира Путина впервые на постсоветском этапе политико-экономические связи Украины и России были высоко оценены украинской стороной. В частности прозвучало, что существующая кооперация представляет «стратегическое партнерство».

В свою очередь, апрельский визит Виктора Ющенко в Соединенные Штаты и эмоциональное выступление в Конгрессе предопределили окончательную фиксацию внешнеполитического курса Украины на условиях инкорпорации последней в «коллективный Запад» как де-факто младшего партнера, вписанного в более глобальную конфигурацию Pax Americana [3].

Примечательно и высказывание политолога Марка Бжезинского о том, что республиканская администрация Джорджа Буша может в среднесрочной перспективе вынести на повестку дня вопрос о членстве Украины в НАТО, а в долгосрочной перспективе, по его мнению, Президенту Джорджу Бушу в частности и официальному Вашингтону в целом уместно обсудить вступление в Североатлантический альянс, в том числе и Российской Федерации.

ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ПОИСК УКРАИНОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА МЕЖДУ СТАТУС-КВО И ИНКОРПОРАЦИЕЙ С ЕС

2000-е гг. характеризуются новым витком политико-экономической экспансии Европейского союза в регион, ранее занимаемый государствами — членами Варшавского договора: в 2004 г. в состав ЕС вошли Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, а в 2007 г. — Болгария и Румыния.

Несмотря на победу «оранжевой революции» и обозначенный выше демонтаж внешнеполитического наследия Леонида Кучмы, Украина не попала в плеяду восточноевропейских стран, вступивших в Европейский союз, хотя опережала по численности населения другие страны региона, а по размеру экономики превосходила Болгарию, Словакию и Румынию.

Как отмечал украинский эксперт Денис Дорофеев, официальный Киев мог попытаться компенсировать стагнацию в рамках кооперации Украины с Европейским союзом через форсирование иных внутриевропейских форматов.

Министр иностранных дел Украины Владимир Огрызко стал одним из первых персоналий из числа активных и влиятельных сторонников продвижения формата Восточного партнерства, представленного ранее на съезде Европейского союза в Праге (2009) как альтернативы новому витку расширения ЕС.

Официальный Киев в связи российско-грузинской войной 2008 г. рассматривал Восточное партнерство в том числе и как залог противодействия попаданию Украины в сферу влияния Российской Федерации, что подорвало бы суверенитет молодого государства.

С другой стороны, и в украинской политической элите, и в экспертном сообществе было понимание того, что Российская Федерация станет рассматривать новый формат Восточного партнерства не только как кооперацию стран-соседей из ближнего зарубежья с официальным Брюсселем [4], но и как формирование Европейским союзом собственной сферы влияния в зоне национальных интересов России.

В 2008 г. в Государственной Думе Российской Федерации было предложено денонсировать Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве 1997 г. в качестве ответа Москвы на участие Киева в Восточном партнерстве — в частности и евроатлантических структурах — в целом.

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. сместил акценты в украинских политических ре-

алиях — проблематика расширения потенциала Восточного партнерства ушла в известной мере на второй план на фоне углубления рецессии экономики и почти двукратного падения украинской гривны — национальной валюты.

Важно отметить и то, что попытка форсирования евроинтеграции командой Виктора Ющенко через реализацию потенциала Восточного партнерства была негативно воспринята украинской оппозицией. Партия регионов обвинила МИД Украины в остром ухудшении отношений с российской стороной и добила отставки министра иностранных дел Владимира Огрызко в пользу новых лиц — Владимира Хандогия и его преемника на посту Петра Порошенко.

Таким образом, к моменту очередного электро-цикла, пришедшегося на 2010 г., украинская политическая элита была готова к переосмыслению избранного стратегического курса.

«СТРАТЕГИЧЕСКОЕ БАЛАНСИРОВАНИЕ» ВИКТОРА ЯНУКОВИЧА

Победа относительно пророссийского кандидата Виктора Януковича (2010–2014), представляющего преимущественно восточную, а также юго-восточную часть Украины, предопределила в том числе и осознанный стратегический разворот официального Киева.

Хотя сам четвертый президент в публичном поле не уделял заметного внимания внешнеполитической теме, обновленное Министерство иностранных дел в 2010 г. фактически заморозило переговоры о вступлении Украины в Североатлантический альянс, сохраняя обретенное членство в Восточном партнерстве.

Примечательно, что государственный секретарь Соединенных Штатов Хиллари Клинтон во время визита в Киев дала меткую характеристику новому курсу Украины, назвав его «стратегическим балансированием», обозначив при этом, что Киев в полной мере сохраняет возможность реанимировать движение по евроатлантическому пути в любой момент [4].

В свою очередь, Константин Грищенко, пришедший на смену Петру Порошенко на посту главы МИД Украины, отмечал, что Украина готова развивать сотрудничество, в том числе и с Российской Федерацией, но лишь до того предела, пока ее суверенитет не будет поставлен под вопрос внешними акторами.

Умеренный пророссийский дискурс политической элиты Украины нашел отражение в восстановлении совместных военно-морских учений

украинского флота и Черноморского флота России под Севастополем, что как формат международной кооперации де-факто не использовалось в период президентства Виктора Ющенко.

Тем не менее в рамках масштабных переговоров по участию украинской стороны в Таможенном союзе официальный Киев предложил формулу «1+3» [5] (Украина + Россия, Казахстан и Беларусь) вместо ожидаемой Москвой «4», предполагавшей единые стандартизированные правила.

Примечательным событием в этой связи явился судебный процесс над «оранжевым» премьер-министром Юлией Тимошенко (2007–2010) с ее последующим тюремным заключением. При этом де-юре Тимошенко обвинялась в заключении от имени Украины газовых контрактов с Российской Федерацией, нарушающих экономические интересы официального Киева в пользу российской стороны.

Обозначенная выше позиция администрации Виктора Януковича являлась результатом перманентного противодействия друг другу сопоставимых по

ресурсам групп элит: с одной стороны, Партии регионов, достигшей политического реванша, а с другой стороны, так называемого «оранжевого лагеря», сохранившего за собой многие высокие кабинеты украинской столицы.

В контексте проблематики украинского элитизма «бесформенный плюрализм» стал определяющим фактором отсутствия последовательности во внешнеполитических инициативах, что, в свою очередь, препятствовало формированию подлинного национального консенсуса и в политической плоскости подменяло его на тактическое заигрывание с внешними акторами.

Подводя итоги, можно отметить, что к началу второго десятилетия XXI в. украинский истеблишмент в силу ожесточенной конфронтации элит исчерпал возможности для балансирования между Россией и «коллективным Западом», подведя Украину к стратегической дилемме, предполагающей либо евроатлантический курс, либо безусловную ориентацию на Москву.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ирхин А.А. Геополитические Циклы Евразии и Национальные Интересы Украины. Киев: Знання; 2014. 362 с.
2. Головченко В.А. Дипломатическая история Украины. Киев: Ника-Центр; 2018. 420 с.
3. Ефремов Д.И. Перспективы российско-украинских отношений в условиях глобальной нестабильности. *Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения*. 2019;(1):52–55.
4. Кучик О.Н. Внешняя политика Украины. Харьков: Основа; 2016. 506 с.
5. Ефремов Д.И. Специфика внешнеполитических императив политической элиты Украины в контексте осложнения российско-украинских отношений. *Modern Science*. 2019;(5):149–152.

REFERENCES

1. Erhyn A.A. The Cycles of Eurasia and the National Interests of Ukraine. Kyiv: Znanya; 2014. 362 p. (In Russ.).
2. Golovchenko V.A. The diplomatic history of Ukraine. Kyiv: Nika-Center; 2018. 420 p. (In Ukrainian).
3. Yefremov D. Y. The prospects for Russian-Ukrainian relations in conditions of global instability. *Rossiya v XXI veke: global'nye vyzovy, riski i resheniya*. 2019;(1):52–55. (In Russ.).
4. Kuchick O. Foreign Policy of Ukraine. Kharkiv: Osnova; 2016. 506 p. (In Ukrainian).
5. Yefremov D.Y. The specifics of the foreign policy imperative of the political establishment of Ukraine in the context of the complication of Russian-Ukrainian relations. *Modern Science*. 2019;(5):149–152. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Игоревич Ефремов — аспирант Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
thedimitr@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry I. Yefremov — Postgraduate student, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
thedimitr@gmail.com

Статья поступила 20.11.2019; принята к публикации 10.12.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.11.2019; accepted for publication on 10.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-104-108
УДК 323.212(045)

Увеличение количества иностранных студентов в российских вузах как элемент государственной политики в сфере образования

М.Б. Понявина^а, П.С. Селезнев^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-7866-577X>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальной проблеме привлечения иностранных студентов в российские вузы, а также готовности вузов к приему нового типа студентов. В работе рассматриваются аспекты эффективного международного опыта, ведь сегодня, когда образование стало одним из главных приоритетов в странах с развивающейся экономикой, многие из них стремятся наладить партнерские отношения с ведущими мировыми университетами. Авторами предложены рекомендации по корректировке сложившейся ситуации в Российской Федерации, где наиболее интенсивный поток иностранных студентов обеспечивают граждане бывших республик СССР, обучающихся за счет бюджетных средств. При этом выбор иностранных студентов ограничивается вузами двух крупнейших городов страны – Москвы и Санкт-Петербурга, и эта ситуация требует изменения. Рассмотрен также фактор повышения положения российских вузов в международных рейтингах, что также играет существенную роль для увеличения потока иностранных студентов в страну. **Ключевые слова:** образовательная система; государственная образовательная политика; экспортный потенциал российской системы образования; иностранные студенты.

Для цитирования: Понявина М.Б., Селезнев П.С. Увеличение количества иностранных студентов в российских вузах как элемент государственной политики в сфере образования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):104-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-104-108

ORIGINAL PAPER

Increase of the Number of International Students in Russian Universities as a Component of the State Education Policy

M.B. Ponyavina, P.S. Seleznev

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-7866-577X>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>

ABSTRACT

The article discusses the urgent problem of attracting international students to Russian universities as well as their readiness to attract a new type of student. The work considers aspects of useful international experience of the issue: today when education has become one of the main priorities in countries with developing economies, many of them seek to establish partnerships with leading world universities. The authors made recommendations for adjusting the current situation in the Russian Federation, where the most intensive flow of international students comes from the former USSR republics studying at the expense of budgetary funds. At the same time, the choice for international students is limited to universities of the country's largest cities – Moscow and St. Petersburg, and this requires a change. Also considered is the growth factor of the position of Russian universities in international rankings, high positions in which play a significant role in enhancing the flow of international students into the country.

Keywords: *Educational* system; state educational policy; the export potential of the Russian education system; foreign students

For citation: Ponyavina M.B., Seleznev P.S. Increase of the number of international students in Russian universities as an component of the state education policy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):104-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-104-108

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие заметна тенденция увеличения доли иностранных студентов в общем числе учащихся отдельных государств. Согласно данным ЮНЕСКО, в 1999 г. число иностранных студентов, получающих высшее образование, составило 2 млн а в 2014 г. — превысило 4,3 млн человек. И их количество увеличивается с каждым годом¹.

В общем потоке иностранных студентов особо выделяется Китай. Сегодня порядка 10% иностранных студентов в мире — из Китая.

Многие страны разработали стратегические планы по привлечению иностранных студентов в свои вузы и успешно их реализуют. Лидерами в этой области являются англоговорящие страны: США, Великобритания, Австралия и Канада. Так, к примеру, в 1999 г. перед Великобританией стояла цель привлечь в свои вузы более 75 тыс. иностранных студентов к 2005 г. При этом Великобритания рассматривает привлечение иностранных студентов исключительно в рамках бизнес-стратегии, которая, по расчетам английских экономистов, должна приносить до 8 млрд фунтов стерлингов в год². К апрелю 2006 г. количество студентов из-за рубежа в Великобритании составляло 118 тыс. человек — значительно выше цели, что доказывает успешность грамотно спланированной и реализованной политики. К 2018 г. правительство Великобритании намерено привлечь по 90 тыс. иностранных студентов в год. Особое место в деле привлечения студентов занимает репутация вузов Соединенного Королевства, которые многие годы возглавляют международные рейтинги вузов³.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЙТИНГИ ВУЗОВ

Образование стало одним из главных приоритетов в странах с развивающейся экономикой, и многие из них стремятся наладить партнерские отношения с ведущими мировыми университетами. В частности, национальная стипендиальная программа Бразилии «Наука без границ» нацелена на то, чтобы направить 100 тыс. студентов и исследователей в лучшие в мире образовательные учреждения. Эти

университеты-партнеры были отобраны на основе их позиции в международных рейтингах.

Российские вузы повышают свои позиции в международных рейтингах. Из 758 вузов мира МГУ занимает 153-е место, МИФИ — 224-е, Томский госуниверситет — 240-е. Среди самых успешных российских вузов можно назвать МФТИ, Новосибирский госуниверситет, СПбГУ, РУДН, Российский государственный университет нефти и газа, Томский политех, Университет ИТМО (<https://rg.ru/2018/04/09/70-rossijskih-universitetov-popali-v-mezhdunarodnyj-rejting-vuzov.html>).

Рейтинги университетов также влияют на миграционную политику. Учитывая прогнозный рост числа международных студентов, это направление обучения превращается в крупный бизнес для государств-реципиентов. Опыт Великобритании, упоминавшийся выше, — один из примеров. В свою очередь, миграционная политика влияет на приток лучших ученых и исследователей. В частности, Франция воспользовалась этим и открыла свои границы для индийских студентов, сократив визовые ограничения. Дания и Нидерланды изменили свое иммиграционное законодательство в пользу тех, кто окончил лучшие мировые университеты. Многие страны, включая Россию, Германию, Францию, Японию и Сингапур, начали активную работу по модернизации своей системы высшего образования для создания университетов мирового уровня.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Рейтинги вузов рассчитываются ежегодно по различным исследованиям и методикам, по итогам составляется сводный рейтинг лучших университетов мира: QS, THE, Шанхайский, рейтинг университетов RUR. Несмотря на то что на сегодняшний день нет единой наиболее точной методологии, в обществе существует консенсус в отношении того, что ни один рейтинг не является всеобъемлющим, при том что влияние этих рейтингов постоянно растет. Студенты, университеты и правительства изучают рейтинги вузов и принимают решения исходя из их уровня. Наличие готовых списков лучших университетов мира усиливает международную конкуренцию, и правительства также уделяют им более пристальное внимание, используя рейтинги для принятия политических решений.

По данным ЮНЕСКО, в настоящее время образовательные услуги иностранным гражданам пре-

¹ Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 году. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235407r.pdf>

² HM Treasury. Budget Report 2016. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/508193/HMT_Budget_2016_Web_Accessible.pdf

³ Топ-100 лучших вузов мира 2016–2017 по версии журнала Times Higher Education. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2307215>.

доставляют 129 государств мира⁴. Большинство стран, привлекающих в свои вузы иностранных студентов, осуществляют это по разным причинам, в том числе и по экономическим. Рост численности иностранных студентов предоставляет дополнительные преимущества экономике данных стран. В частности, в Австралии обучение иностранных студентов приносит до 30% экспортных доходов⁵.

Сегодня, когда английский язык является наиболее широко используемым в мире, очевидно, что англоязычные страны имеют дополнительное преимущество в привлечении студентов из-за рубежа, однако для стран, в которых английский не является официальным языком, также существуют свои возможности. В частности, Германия поставила задачу увеличить число иностранных студентов, обучающихся в стране, до 350 тыс. к 2020 г. Эту задачу удалось реализовать на 95% к 2016 г., в результате чего ФРГ заняла 1-е место после упомянутых лидеров. Основные страны-доноры иностранных студентов для Германии — это Китай, Индия, Россия, Австралия, Италия.

В 2014 г. голландское правительство объявило план действий по привлечению иностранных студентов под названием «Сделать это в Нидерландах», и в течение последних нескольких лет в страну начали приезжать иностранные студенты.

В 2013 г. Япония также поставила цель — к 2020 г. привлечь до 300 тыс. иностранных студентов. Сейчас число иностранных студентов в этой стране увеличилось в 2 раза и составляет 239 287 человек, однако большая часть иностранных студентов — это те, кто обучаются в институтах японского языка, а не в университетах⁶. Данная статистика свидетельствует о недооцененности японских вузов иностранными студентами в связи с их невысокими местами в международных вузовских рейтингах, а также из-за культурных различий и в первую очередь языкового барьера. Для решения указанной задачи Министерство образования Японии внедряет курсы повышения квалификации преподавателей в 20 университетах, по результатам которых к 2030 г. 1/5 всех дисциплин будет преподаваться на английском языке.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

Россия занимает 8-е место в мире по численности обучающихся иностранных граждан. Показатель численности иностранных студентов демонстрируют стремительный рост — он увеличилась в 6 раз за последние 3 года. По состоянию на 2017/2018 учебный год в вузах Российской Федерации обучались около 90 тыс. иностранных граждан [1], что составляет 25% от общего количества студентов (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/56827>).

Наиболее интенсивный поток иностранных студентов обеспечивают граждане бывших республик СССР, стран Азии, Северной Африки и Ближнего Востока. Большая часть студентов обучается на платной основе, при том что до 30% студентов, преимущественно из стран бывшего СССР, обучаются за счет бюджетных средств. Среди образовательных направлений лидируют медицина и здравоохранение, экономика и управление, гуманитарные науки (<http://www.russia.edu.ru/information/analit/960>).

Иностранные студенты, до 30%, сконцентрированы в крупнейших городах России — Москве и Санкт-Петербурге [2].

В целях повышения привлекательности и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг в мае 2017 г. запущен приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», рассчитанный на срок до 2025 г. (<http://government.ru/news/28013>).

Предполагается, что реализация данного проекта повысит привлекательность российских образовательных программ для иностранных граждан, улучшит условия их пребывания в период обучения на территории России, а также повысит узнаваемость российского образования на международном образовательном рынке, что существенно увеличит объемы выручки от экспорта образовательных услуг. Ожидается, что к 2025 г. количество иностранных студентов превысит 700 тыс., а прибыль от их обучения вырастет более чем в 5 раз (<http://static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycla5HV.pdf>).

Вопрос экспортного потенциала российской системы образования представляет для страны критическую значимость — Президент РФ Владимир Путин в очередном Послании Федеральному Собранию призывает к созданию максимально удобных, привлекательных условий для

⁴ Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 году. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235407r.pdf>

⁵ РИА Новости. URL: https://ria.ru/abitura_rus/20160801/1473314935.html.

⁶ Tsuboya-Newell I. How Japan can attract more students from overseas. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2018/02/06/commentary/japan-commentary/japan-can-attract-students-overseas/#.WtsZgC87HBI>.

талантливых иностранных студентов (<https://ria.ru/society/20180301/1515523927.html>).

Интерес к российской системе образования был вызван в том числе победами российских студентов на мировых чемпионатах профессионального мастерства «Ворлдскиллс». В колледжи, которые подготовили чемпионов мира по компетенциям цифровой экономики, приезжают обучаться преподаватели из других стран мира [3].

МЕХАНИЗМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Как уже отмечалось, увеличение численности иностранных студентов — положительное явление как для экономики страны, так и для ее престижа: увеличение числа иностранных студентов обеспечивает узнаваемость вузов РФ на международной образовательной арене, повышает престиж нашей страны за рубежом.

Российское образование сегодня имеет ряд преимуществ по сравнению с другими странами: оно фундаментальное и укорененное, а стоимость обучения и проживания в РФ существенно ниже, чем в большинстве европейских стран [4].

В 2017/2018 учебном году российские университеты предлагали иностранным студентам традиционные и новейшие направления подготовки — от кибербезопасности до технопредпринимательства, включая летние школы по молекулярной гастрономии и интенсивные курсы по русскому языку.

Тем не менее для кардинального увеличения потока иностранных студентов в РФ необходима масштабная работа. В частности, требуется обеспечить большую привлекательность российских вузов, для чего университетам следует принимать активное участие в крупных международных проектах, ассоциациях, а также повышать публикационную активность в авторитетных научных журналах. Здесь можно обратиться к опыту Китая, который, увеличивая количество исследователей и поощряя их публикационную активность с 2001 г., обогнал США по числу публикаций.

Следующим шагом для повышения привлекательности РФ на международном образовательном рынке можно назвать упрощение процедуры подачи заявок в учебные заведения. При помощи этого можно добиться повышения количества иностранных студентов. Такой способ уже реализуется в Финляндии, где Технологический университет Лаппеенранты надеется удвоить число иностранных студентов в течение следующих 5 лет, при этом фин-

ский Университет в первую очередь рассчитывает привлечь студентов из Китая, Индии, Аргентины и Нигерии⁷.

Современная молодежь, использующая мобильные устройства как для общения друг с другом, так и для получения новостей, с большой лояльностью отнеслась бы к наличию специального приложения, информирующего об обучении в России. Функционал данного приложения мог бы иметь информационную поддержку по следующим вопросам: список вузов, предоставляющих возможности обучения для иностранных студентов; визовые формальности; специальные события вузов, касающиеся иностранцев; результаты зачисления и пр. Доступ предлагается осуществлять на нескольких языках.

Для дополнительного привлечения иностранных студентов можно также использовать нестандартные сроки зачисления. Так как у ряда дисциплин модульный характер и нет четкой привязки к началу учебного сезона, можно организовать индивидуальные план-графики учебы для иностранных студентов, максимально близкие по срокам к желаемой дате начала учебы.

Для осуществления поставленных задач по привлечению иностранных студентов также необходимо помочь им решить ряд проблем, связанных с пребыванием в нашей стране. Первая проблема — это языковой барьер. Большинство иностранцев не знают русский язык. Несмотря на наличие подготовительных курсов, для овладения русским языком в объеме, достаточном для обучения на нем, необходимо несколько лет упорно заниматься, что не всем под силу. Поэтому по опыту ряда стран, в том числе Японии, российским вузам необходимо корректировать программу обучения и разрабатывать курсы на английском языке. Россия в этом вопросе пока не занимает лидирующих позиций. Более того, в общей массе россияне плохо говорят по-английски — 39-е место из 70 стран по показателю владения английским языком (<https://www.rbc.ru/economics/03/11/2015/563866969a79474acfd69663>).

Еще одна сложность для потенциальных студентов-иностранцев — неготовность сайтов вузов для того, чтобы ими можно было пользоваться из-за рубежа: отсутствие информации на иностранных языках, неработающий поиск по сайту, техническая пауза при загрузке. Эксперты Российского совета по международным делам сопоставили сайты

⁷ Finnish universities aim to enlist 150K foreign students by 2020. URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/news/finnish_universities_aim_to_enlist_150k_foreign_students_by_2020/9875349.

45 ведущих вузов страны с сайтами вузов-лидеров рейтинга QS. Исследование показало, что хуже всего у российских образовательных организаций обстоит дело с описанием перспектив, которые есть у их выпускников: на их страницах об этом не говорится вовсе (<http://russiancouncil.ru/digital-universities>).

Заключительный пункт, требующий внимания со стороны государства, — стажировка в российских компаниях после прохождения обучения. Иностранные студенты зачастую сталкиваются с полным отсутствием возможности пройти стажировку в РФ. Причин тому много: отсутствие договоренности вузов с работодателями, визо-

вые формальности, языковой барьер, сложности с проживанием.

В целях повышения привлекательности образовательных программ российских вузов для иностранных студентов предстоит разработать и внедрить новые модели управления образовательным процессом, учитывающие иностранную специфику. Как минимум, в рамках вузов необходимо создать специальные службы для поддержки иностранных студентов. Важно развивать новые формы совместных образовательных программ, а также создать программы на английском языке, организовать онлайн-курсы для иностранцев, образовательные туристические маршруты и летнее обучение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Оя Е. Борьба за место. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/424109-inostrancy-obuchenie-rossiya>.
2. Гайва Е. Поток иностранных студентов в российские колледжи увеличится. URL: <https://rg.ru/2018/04/20/reg-ufo/potok-inostrannyh-studentov-v-rossijskie-kolledzhi-uvlichitsia.html>.
3. Martin E. Here's how much it costs to go to college in 25 countries around the world. URL: <https://www.cnb.com/2017/10/13/cost-of-college-tuition-around-the-world.html>.
4. Громов А. Академическая мобильность иностранных студентов в России. М.: НИУ ВШЭ; 2016.

REFERENCES

1. Oya E. Struggle for a place. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/424109-inostrancy-obuchenie-rossiya>. (In Russ.).
2. Gayva E. The flow of international students to Russian colleges will increase. URL: <https://rg.ru/2018/04/20/reg-ufo/potok-inostrannyh-studentov-v-rossijskie-kolledzhi-uvlichitsia.html>. (In Russ.).
3. Martin E. Here's how much it costs to go to college in 25 countries around the world. URL: <https://www.cnb.com/2017/10/13/cost-of-college-tuition-around-the-world.html>.
4. Gromov A. Academic mobility of international students in Russia. Moscow: Higher School of Economics; 2016. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мария Борисовна Понявина — кандидат экономических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
mbponyavina@fa.ru

Павел Сергеевич Селезнев — доктор политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
sps@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Maria B. Ponyavina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
mbponyavina@fa.ru

Pavel S. Seleznev — Doctor of Political Sciences, Associate Professor of Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
sps@fa.ru

Статья поступила 10.08.2019; принята к публикации 20.10.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.08.2019; accepted for publication on 20.10.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-109-115
УДК 324(045)

Динамика общественно-политических настроений и анализ результатов выборов регионального уровня 2015–2019 годов в Иркутской области*

Н.М. Печенкин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-7846-4847>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены данные исследования динамики общественно-политических настроений и анализ результатов выборов регионального уровня 2015–2019 гг. в Иркутской области. В 2019 г. в данном регионе было проведено социологическое исследование, позволившее определить причины формирования протестных общественно-политических настроений. Для анализа использованы результаты выборов губернатора Иркутской области в 2015 г. и результаты выборов депутатов Законодательного Собрания Иркутской области в 2018 г. Для сравнения также рассмотрены выборы в Думу г. Иркутска в 2019 г. По итогам исследования определены особенности формирования протестных общественно-политических настроений жителей Иркутской области и тенденции их влияния на результаты выборов регионального уровня (протестное голосование), определены причины поражения прошлого губернатора С. Ерошенко и победы нового губернатора С. Левченко, а также причины ухудшения результатов партии «Единая Россия» и победы КПРФ на выборах в Законодательное собрание Иркутской области в 2018 г.

Ключевые слова: общественно-политические настроения; протестное голосование; выборы губернатора региона; выборы депутатов регионального парламента; поражение кандидата и партии власти; победа оппозиционного кандидата и партии

Для цитирования: Печенкин Н.М. Динамика общественно-политических настроений и анализ результатов выборов регионального уровня 2015–2019 годов в Иркутской области. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):109-115. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-109-115

ORIGINAL PAPER

Dynamics of Social and Political Attitudes and Analysis of the Results of the Regional Elections of 2015–2019 in the Irkutsk Region**

N.M. Pechenkin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7846-4847>

ABSTRACT

The article presents the data of the study of the dynamics of social and political attitudes and the analysis of the results of the regional elections of 2015–2019 in the Irkutsk region. In 2019, a sociological study was conducted in this region, which allowed determining the reasons for the formation of protest social and political sentiments. For the analysis, the author used the results of elections of the Governor of Irkutsk region in 2015 and results of elections of deputies of Legislative Assembly of Irkutsk region in 2018. Further, the author compared also votes to the Duma of the city of Irkutsk in 2019. The study identified features of the formation of the protest political attitude of residents of Irkutsk oblast and the trends of their impact on the election results at the regional level (protest voting). Finally, the author explained the reasons of the defeat of the last Governor Sergei Eroschenko and the victory of S. Levchenko, causes of deterioration

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19–011–32064.

** The study was carried out with the financial support of the RFBR and ANO EISI in the framework of the scientific project No. 19–011–32064.

of the results of the party "United Russia" and the victory of the Communist Party in the elections to the Legislative Assembly of the Irkutsk region in 2018.

Keywords: socio-political attitudes; protest voting; election of the Governor of the region; election of deputies of the regional Parliament; the defeat of the candidate and the party in power; the victory of the opposition candidate and the opposition party

For citation: Pechenkin N.M. Dynamics of social and political attitudes and analysis of the results of the regional elections of 2015–2019 in the Irkutsk region. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):109-115. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-109-115

Актуальность исследования обусловлена тремя ключевыми положениями. Во-первых, электоральный цикл 2018 г. сразу в нескольких регионах России характеризуется динамикой общественно-политических настроений граждан от лоялистских к протестным, что повлияло на результаты выборов регионального уровня¹. Во-вторых, в Иркутской области в 2015 г. впервые после возвращения губернаторских выборов для определения победителя понадобился второй тур, победу в котором одержал оппозиционный кандидат от КПРФ Сергей Левченко. В-третьих, в Иркутской области победу на выборах депутатов регионального парламента в 2018 г. одержала оппозиционная партия — КПРФ.

В теоретико-методологическую основу работы вошли результаты исследования теории массового политического сознания и поведения избирателей Д. В. Ольшанского [1] и А. П. Назаретяна [2], теоретические исследования протестных настроений и протестной активности в современной России О. И. Габы [3], А. А. Фролова [4] и Ю. А. Пустовойта [5], методика качественных исследований С. А. Белановского [6] [групповое глубокое интервью (фокус-группа) и индивидуальное (экспертное) глубокое интервью] и опрос общественного мнения по методике стандартизированного телефонного интервью.

Проведенное социологическое исследование состояло из 14 индивидуальных глубоких интервью с экспертами (депутат Законодательного собрания, политологи, социологи, журналисты, предприниматель, партийные деятели, предста-

вители общественных организаций), 5 групповых глубоких интервью (участниками фокус-групп стали жители Иркутской области в возрасте от 18 до 62 лет) и 1 опроса общественного мнения по методике стандартизированного телефонного интервью (выборка, репрезентативная по полу и возрасту, составила 1040 жителей области).

Результаты федеральной избирательной кампании 2018 г. (выборы Президента РФ) показывают в Иркутской области лоялистские по отношению к действующей власти общественно-политические настроения. Подтверждением является высокий уровень поддержки кандидата от власти В. В. Путина — 73,06% (763 810 голосов). Но при этом две последние крупные региональные избирательные кампании в Иркутской области (выборы губернатора в 2015 г. и выборы депутатов парламента в 2018 г.) характеризуются высоким уровнем протестных общественно-политических настроений граждан: результатом явились победа кандидата от КПРФ на выборах губернатора во втором туре и победа КПРФ на выборах в Законодательное собрание как по списочному голосованию, так и по одномандатным округам. Протестные общественно-политические настроения выражаются неудовлетворенностью со стороны части социальных групп сложившимся порядком вещей, неоправданными ожиданиями и готовностью предпринять конкретные действия по изменению субъективно воспринимаемой неблагоприятной ситуации.

Первоначальное формирование протестных настроений в Иркутской области происходило постепенно в условиях накопления усталости населения от ряда «неудачных» назначений на должность губернатора, когда за 10 лет сменилось 4 кандидатуры². Среди них был и прежний глава

¹ По итогам выборов глав субъектов, в первом туре не смогли определить победителя в четырех регионах: Приморский край, Республика Хакасия, Владимирская область и Хабаровский край. В трех из них во втором туре оппозиционные кандидаты стали губернаторами: Владимирская область (Сипягин В. В. от ЛДПР — 57,03%, Орлова С. Ю. от «Единой России» — 37,46%), Хабаровский край (Фургал С. И. от ЛДПР — 69,57%, Шпорт В. И. от «Единой России» — 27,97%), Республика Хакасия (Коновалов В. О. от КПРФ: «за» — 57,57%, «против» — 41,16%).

² Наиболее успешным губернатором и среди экспертов, и среди населения признается первый глава региона Юрий Ножилов, руководивший областью в 1991–1997 гг. В это время региональная власть пользовалась популярностью среди населения, а деловые и личные качества руководителя позволяли избегать серьезных конфликтов с крупны-

региона С. Ерощенко. С другой стороны, это способствовало привыканию со стороны населения к сменяемости политических руководителей в регионе при снижении опасений неопределенности развития региона. Эксперты признают особенности сложившейся политической системы в регионе, в которой значимую роль играют местные элиты. Дальнейшее формирование и накопление протестных настроений происходило на фоне конкурентной борьбы между «Единой Россией» и КПРФ, где аппаратное и кадровое преимущество было у первых, а на выборах депутатов регионального парламента поддержка резко выросла у вторых. На региональную специфику также накладываются федеральные факторы: пенсионная реформа, рост цен, общее осложнение социально-экономического положения населения.

Среди основных проблем, волнующих жителей Иркутской области, выделяются: постоянный рост цен на товары первой необходимости и продукты питания, низкий уровень жизни, высокий уровень безработицы, рост тарифов на ЖКХ, низкое качество работы ЖКХ, повышение пенсионного возраста, дефицит социальной инфраструктуры (школы, поликлиники) и кадров на местах, коррупция в органах власти, экологические проблемы вокруг озера Байкал и незаконная вырубка лесов, неудовлетворительное состояние автопарка и низкая разветвленность транспортной сети, нехватка специалистов в медицинских учреждениях и неудовлетворительное материально-техническое состояние этих учреждений. Ответственность за подобное положение оказывается «размытой» и не концентрируется только на федеральном или только на региональном уровне власти. При этом изменения за последние два года большинство респондентов склонны воспринимать как скорее положительные — 42,3% (отрицательно оценку дали 30,5%, не заметили изменений 20,9%, затруднились ответить 6,3%).

Участники фокус-групп среди самых волнующих назвали проблемы вокруг озера Байкал,

которое является для жителей области одним из символов региональной самоидентификации. Основная проблема — экспансия китайских инвесторов в туристический кластер («китайские компании организуют инфраструктуру для китайских же туристов»). Жители Иркутской области рассматривают это не как драйвер экономического роста, а скорее как «экспансию более мощного и ресурсного соседа», когда у местного населения возникает ощущение отсутствия доступа к природным благам. Среди экологических угроз также выделяется широкомасштабная вырубка лесов. Наиболее достоверной версией, по мнению участников фокус-групп, считается «китайская», согласно которой лес валят для продажи в Китай. В качестве доказательства приводятся многочисленные свидетельства о колоннах грузовых автомобилей, перевозящих древесину в сторону китайской границы. Другой значимой проблемой региона является транспортная. Жалобы касаются состояния автопарка (неотапливаемые, медленные и изношенные автобусы и трамваи), низкой разветвленности транспортной сети, регулярного роста цен на оплату проезда. Качество медицинского обслуживания вызывает нарекания жителей области, так как существует нехватка специалистов, наблюдается неудовлетворительное состояние медицинских учреждений.

Рост протестных настроений в Иркутской области приводит к протестной активности, которая выражается двумя основными формами проявления несогласия: организованные митинги и протестное голосование. Летом 2018 г. состоялись митинги против пенсионной реформы. Акции оказались массовыми по местным меркам. Публично выступили против пенсионной реформы действующий губернатор С. Левченко и партия КПРФ, чем они минимизировали информационное давление на себя со стороны недовольной части общества.

Отдельного внимания заслуживает необычный для России пример поддержки со стороны жителей экс-главы Ольхонского района Сергея Копылова, которого в июне 2019 г. областной суд приговорил к трем годам лишения свободы за превышение должностных полномочий. В ответ на приговор жители выражают протест: 31 августа на Ольхоне активисты установили бюст Президента России Владимира Путина и подписали обращение к нему, 30 сентября в Иркутске состоялся митинг в поддержку С. Копылова (по данным организаторов, собравший в дождливую погоду

ми региональными игроками и федеральным центром. После Ножикова политическая динамика характеризовалась повышенной нестабильностью, внутриэлитными конфликтами и частой сменой руководителя региона. Во время отмены прямых выборов губернатора кадровая политика федерального центра недостаточно учитывала местную специфику: в регион присылали либо не связанных с местными группами интересов игроков, либо чересчур близких к одной из таких групп, что нарушало внутриэлитные расклады.

около 1000 человек), в середине октября местные жители демонтировали и увезли бюст, ранее установленный для привлечения внимания главы государства. Акции в поддержку продолжаются.

Для определения влияния протестных настроений жителей Иркутской области рассмотрим результаты выборов губернатора в 2015 г. и выборов депутатов Законодательного собрания в 2018 г. Для более детального анализа также рассмотрим выборы в Думу города Иркутска в 2019 г. (в Иркутске мэра не выбирают прямым голосованием). Результаты данных выборов позволяют увидеть в динамике процент поддержки кандидатов и партий.

Голосование против кандидата или партии власти определим как протестное. Признаками протестного голосования на уровне выборов глав субъектов являются наличие второго тура, победа оппозиционного кандидата во втором туре, увеличение явки во втором туре по сравнению с первым за счет мобилизации протестного электората (фиксируется прирост количества голосов за оппозиционного кандидата). Особенность выборов губернатора в Иркутской области в 2015 г. заключается в том, что впервые после возвращения губернаторских выборов в 2012 г. состоялся второй тур и победил оппозиционный кандидат. Эксперты говорят, что социологические опросы в августе 2015 г. подтверждали уверенную победу в первом туре Сергея Ерощенко (беспартийный кандидат, выдвинутый «Единой Россией») с результатом более 60%. Фактически, первый тур не выявил победителя, так как ни один из кандидатов не набрал необходимые для победы в первом туре 50% + 1 голос (Ерощенко набрал 270 526 голосов, 49,6%; Левченко — 199 702 голоса, 36,61%). Во втором туре с явным преимуществом победил член КПРФ Сергей Левченко (392 942 голоса, 56,39%; Ерощенко — 288 927 голосов, 41,46%). Важная особенность — рост явки во втором туре (1 тур — 29,19%, 2 тур — 37,22%) за счет мобилизации протестного электората (увеличение голосов за оппозиционного кандидата во втором туре на 193 240 голосов). В самом Иркутске явка была ниже средней по региону в обоих турах, но оба раза жители Иркутска голосовали с преимуществом за С. Левченко.

Выделяется несколько причин победы Сергея Левченко. Во-первых, он опытный политик, представляющий сильную в регионе КПРФ, который уже дважды баллотировался на выборах главы региона в 1997 и 2001 гг. (оба раза проигрывал

Борису Говорину), избирался депутатом Законодательного собрания Иркутской области (I, 1994 и IV, 2004 гг. созывы) и депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (III, 1999 г. по партсписку КПРФ, V, 2007 г. по партсписку КПРФ и VI, 2011 г. по партсписку КПРФ). Во-вторых, по оценкам экспертов, он победил за счет поддержки со стороны части местных элит³ (в частности, его поддержали популярный бывший мэр Иркутска Виктор Кондрашов, иркутские застройщики, авторитетный депутат Госдумы Антон Романов («Единая Россия»), бывший заместитель Ю. Ножикова Юрий Курин, бывший спикер регионального парламента Людмила Берлина). В-третьих, характер «протестного голосования» против С. Ерощенко, который руководил одной из ведущих Финансово-промышленных групп региона — «Истленд» (по данным экспертов, он вступил в острый конфликт с частью местных элит, которые поддержали его противника от КПРФ, «жителям надоела чехарда кадровых перестановок», отсутствие значимых результатов деятельности», усталость населения от «Единой России»).

Результаты опроса общественного мнения показывают высокий уровень поддержки действующего главы региона: «скорее положительно» — 56,3%, «скорее отрицательно» — 23,5%, «нейтрально» — 5,5%, затруднились ответить — 14,7% (для сравнения, Сергей Сокол, спикер парламента: «скорее положительно» — 19,3%, «скорее отрицательно» — 13,2%; Сергей Ерощенко, бывший губернатор: «скорее положительно» — 29,7%, «скорее отрицательно» — 30,1%; Дмитрий Бердников, мэр Иркутска: «скорее положительно» — 46,1%, «скорее отрицательно» — 13,4%). Причинами сохранения поддержки со стороны населения являются: социально-ориентированная политика (ряд указов, заявлений и показательно решенных проблем: надбавки к пенсиям, повышение сти-

³ Региональная политическая элита Иркутской области традиционно характеризуется наличием сильных и фрагментированных элит. Эксперты сходятся во мнении, что подобная ситуация сформировалась вследствие особенностей экономического становления региона. Этому способствовал высокий природно-ресурсный потенциал области. В частности, в регионе разрабатываются нефтяные месторождения — Иркутская нефтяная компания является одним из крупнейших производителей нефти в России, не входящим в ВИНК. Лесная промышленность так же относится к системообразующим отраслям. По словам экспертов, традиционно сильно «строительное лобби». В последнее время серьезно нарастило свой политический вес «лесное лобби».

пендий для студентов и др.), неформальный статус «оппозиционного губернатора» («избранный против воли федерального центра и находящийся под его постоянным давлением»), негативная социальная память о предыдущем губернаторе С. Ерощенко (ассоциируется с коррупцией и оторванностью от жителей региона).

Однако уже после избрания С. Левченко главой региона эксперты отмечают попытки ослабить его политические позиции через минимизацию финансовых средств, направляемых региону, через работу правоохранительных органов и информационное давление в СМИ. В частности, возбуждение прокуратурой Иркутской области уголовного дела по «незаконной охоте» осенью 2018 г. (на YouTube попала видеозапись, на которой он в упор расстрелял медведя), арест в 2019 г. министра лесного комплекса Сергея Шеверды (из команды губернатора) по уголовному делу об организации незаконной вырубке 120 га леса на сумму около 1 млрд рублей. В СМИ подчеркивается близость строительных подрядчиков из окружения губернатора и его заместителя Дмитрия Чернышова к строительству незадекларированной недвижимости в Иркутской области.

Большим информационным давлением сопровождалась помощь после сильнейшего наводнения в Тулузе в 2019 г., когда С. Левченко публично подвергся критике со стороны Президента России В. В. Путина за неудовлетворительное информирование граждан, проблемы с распределением гуманитарной помощи и выплатой компенсаций, восстановлением инфраструктуры. Подобное давление связывается с амбициями губернатора идти на выборы в 2020 г., о чем он уже неоднократно публично заявлял. Несколько экспертов, однако, считают С. Левченко «договороспособным и устраивающим федеральную власть», так как проводимая им политика в целом соответствует государственным приоритетам.

На фоне успеха кандидата от КПрФ на губернаторских выборах в 2015 г. немногие прогнозировали успех самой партии на выборах в Законодательное собрание Иркутской области в 2018 г. Социологические опросы, проведенные ФОМ и ЦИПКР перед выборами в региональный парламент, показывали преимущество «Единой России», которой уступала КПрФ («Единая Россия» — интервал 29–32%, КПрФ — 15–23%, ЛДПР — 11–18%, «Справедливая Россия» — 4–7%, КПСС — 1–3%, «Родина» — коридор 0–1%).

По результатам выборов в Законодательное собрание Иркутской области (45 мандатов) формальную победу одержала КПрФ, набравшая наибольшее количество голосов по списочному голосованию (166 759, 33,94%, 9 мандатов) и выигравшая в 9 одномандатных округах (суммарно стало 18 мандатов, в прошлом созыве было 6). «Единая Россия» заняла второе место по спискам (136 704 голосов, 27,83%, 8 мандатов) и также выиграла в 9 одномандатных округах (суммарно стало 17 мест, было 29). Третье место заняла ЛДПР (77 610 голосов, 15,80%, 4 мандата по партийным спискам, было также 4 места). Еще по 3 мандата взяли партии «Справедливая Россия» (2 по спискам, 34 583 голосов, 7,04%, и 1 по одномандатному округу; суммарно стало 3 места, было 0 мест) и «Гражданская платформа» (3 в одномандатных округах, было — 4 места). Явка составила 26,33%. Таким образом, Иркутская область стала первым регионом, где и губернаторские, и парламентские выборы выиграла оппозиционная партия. Причиной победы КПрФ стали внутренние (узнаваемость бренда в регионе: «если ты не хочешь голосовать за «Единую Россию», то лучше за того, кого ты хотя бы немного знаешь», принадлежность действующего губернатора к партии) и внешние (федеральная повестка — пенсионная реформа и общее усложнение социально-экономического положения граждан).

Однако «Единая Россия» показала свою аппаратную силу и умение договариваться с оппонентами при распределении ключевых должностей в Законодательном собрании: председателем был избран ее представитель Сергей Сокол, советник гендиректора «Ростеха», 5 комитетов и комиссий возглавили также ее представители. КПрФ получила председательство лишь в одном комитете, еще в двух — депутаты от «Справедливой России». Таким образом, партия КПрФ, став формальным победителем выборов, не сумела конвертировать электоральный успех в укрепление своих аппаратных позиций в региональном парламенте. Среди причин подобного исхода эксперты указывают на то, что в Законодательном собрании представлено много самодостаточных фигур, не только зависящих от партийной дисциплины, но и действующих индивидуально. Представители «Гражданской платформы», «Справедливой России» и ЛДПР склонны к переговорам с «Единой Россией» и вступают в ситуативные политические коалиции в противовес формально правящей КПрФ. Однако и саму КПрФ сложно назвать кон-

солидированной. Противоречия между различными группами интересов внутри партии имеют весьма острый характер. Глава фракции КПРФ, сын Сергея Левченко, Андрей, выглядит слабым партийным организатором и оказывается неспособным формировать единство внутри фракции и выстраивать коалиции против «Единой России».

Общие позиции «Единой России» в регионе остаются уверенными. На выборах в Государственную Думу в 2016 г. были избраны два кандидата от партии, сохраняется доминирование в большинстве муниципальных образований. По данным опроса общественного мнения, четверть его участников проголосовали бы на выборах за кандидата от партии «Единая Россия» (26,1%) или от КПРФ (25,6%), каждый пятый поддержал бы представителей ЛДПР (18,7%). Кроме того, партия имеет более перспективный кадровый резерв.

Выборы в городскую думу Иркутска седьмого созыва, состоявшиеся 8 сентября 2019 г., подтверждают текущее лидерство «Единой России», но с потерей количества мандатов по сравнению с прошлым созывом (от «Единой России» или при вхождении во фракцию депутатами избраны 14 кандидатов (было 32), от КПРФ — 8, самовыдвиженцев — 7, от «Гражданской платформы» — 3, от «Справедливой России», КПСС и ЛДПР по 1). Итоговая явка на выборах в думу Иркутска превысила 26%. Для сравнения, в 2014 г. на участки пришло 18,3% избирателей. Увеличение явки может быть связано с конкурентной борьбой на округах.

На выборах председателя городской думы проголосовали все 34 депутата⁴. Победу, неожиданно для многих, одержал Дмитрий Ружников (беспартийный самовыдвиженец), получивший 22 голоса против 12 голосов за Евгения Стекачёва («Единая Россия»). После избрания Д. Ружникова в городе усилятся позиции бывшего председателя правительства Иркутской области, депутата заксобраний, президента ФСК «Новый город» Александра Битарова. Ружников работает в «Новом городе» с 2008 г. А в одном из интервью он заявил, что Александр Семёнович многому его научил.

⁴ Мэр Иркутска, полномочия которого истекают в марте 2020 г., Дмитрий Бердников, избранный депутатом по округу № 16, отказался от мандата после того, как был поддержан законопроект о появлении в городе сити-менеджера. Предполагается, что гордума будет выбирать главу администрации из кандидатов, представленных конкурсной комиссией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Причины формирования протестных настроений жителей Иркутской области: постепенное накопление усталости от прежнего главы региона С. Ерошенко и «Единой России», экологические проблемы вокруг озера Байкал, незаконная вырубка лесов, пенсионная реформа, рост цен, общее осложнение социально-экономического положения населения, неудовлетворительное состояние общественного транспорта, проблемы в сфере здравоохранения.

Иркутская область характеризуется наличием протестных настроений, которые способны оказывать значительное влияние на результаты выборов регионального уровня («протестное голосование»). Особенности этого влияния являются: во-первых, поддержка жителями региона оппозиционного кандидата или партии при мобилизации протестного электората на избирательные участки, во-вторых, наличие катализатора «протестного голосования» в форме ресурсной поддержки оппозиционных кандидатов или партий со стороны части региональных элит.

Иркутская область стала первым регионом, в котором на выборах главы субъекта и регионального парламента победу одержали оппозиционный кандидат (в 2015 г. губернатором по итогам 2-го тура стал Сергей Левченко от КПРФ) и оппозиционная партия (в 2018 г. на выборах в Законодательное собрание КПРФ получила наибольшее количество мандатов суммарно по списочному голосованию и в одномандатных округах).

Основные тенденции влияния протестных настроений в Иркутской области: сохранение возможности «протестного голосования» в регионе; более высокий уровень электоральной поддержки КПРФ на региональном уровне, чем на федеральном и муниципальном; ослабление электоральных позиций «Единой России» в регионе при сохранении аппаратных; поддержка С. Левченко со стороны определенной части населения и местных элит сохраняла вероятность ему быть переизбранным в 2020 г.

Данная работа является продолжением комплексного исследования формирования и влияния протестных общественно-политических настроений на результаты региональных выборов в России, начатого с исследования в республике Хакасия [7]. Нарботанные методики могут применяться для дальнейшего изучения региональных избирательных кампаний в России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер; 2002. 368 с.
2. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения. Лекции. 2-е изд. М.: Академия; 2005. 160 с.
3. Габа О.И. Основные подходы к изучению протестного настроения». *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2014;(11):69–76.
4. Фролов А.А. Особенности протестов в современной России». Сборник «VIII Всероссийского конгресса политологов»; 2018.
5. Пустовойт Ю. А. Городские политические режимы: координация внутриэлитного взаимодействия в крупных индустриальных городах. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2014;(46):85–106.
6. Белановский С.А. Глубокое интервью. Учебное пособие. М.: Никколо-Медиа; 2001. 320 С.
7. Белоконев С. Ю., Игнатовский Я. Р., Печенкин Н. М. Динамика общественно-политических настроений и анализ результатов выборов в Республике Хакасия в 2018 году. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(4):19–24.

REFERENCES

1. Olshansky D.V. *Psychology of the masses*. St. Petersburg: Peter; 2002. (In Russ.).
2. Nazaretian A.P. *Psychology of spontaneous mass behaviour. Lectures*. 2nd ed. Moscow: Academia; 2005. (In Russ.).
3. Gaba O.I. Basic approaches to the study of protest mood. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2014;(11):69–76. (In Russ.).
4. Frolov A.A. Features of protests in modern Russia. In: Proceedings of “VIII All-Russian Congress of political scientists”; 2018. (In Russ.).
5. Pustovoit Yu.A. Urban political regimes: coordination of intra-elite interaction in large industrial cities. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*. 2014;(46):85–106. (In Russ.).
6. Belanovsky S.A. Deep interview: Training manual. Moscow: Nikkolo-Media; 2001. (In Russ.).
7. Belokonev S. Yu., Ignatovsky Ya.R., Pechenkin N.M. Dynamics of social and political moods and analysis of election results in the Republic of Khakassia in 2018. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(4):19–24. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Михайлович Печенкин — магистрант факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
nick_pechyonkin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nikolay M. Pechenkin — Master’s student, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia

Статья поступила 01.12.2019; принята к публикации 15.12.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 01.12.2019; accepted for publication on 15.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-116-120
УДК 519.816(045)

Сущность политического риска и его социально-экономические основания

И.С. Пятибратов

Финансовый университет, Москва, Россия;
Центр политической информации, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-3652-8483>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются подходы к определению понятия политического риска у российских и зарубежных авторов. Автор отмечает, что ряд существующих определений насыщает понятие излишними условностями, без которых политический риск таковым быть не перестает. Автор предлагает свое определение понятия политического риска. Также в статье отмечается, что сущность политического риска раскрывается только через его измерение, в связи с чем в работе рассматривается ряд предлагаемых методик анализа политического риска, а также их сильные и слабые стороны. Автор приходит к выводу о том, что большое число дефиниций и подходов к измерению политического риска говорит о продолжающемся изучении данной области, что говорит о ее актуальности.

Ключевые слова: риск; политический риск; анализ политического риска; страновой риск; инвестиции; принятие решений

Для цитирования: Пятибратов И. С. Сущность политического риска и его социально-экономические основания. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2020;10(1):116-120. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-116-120

ORIGINAL PAPER

The Essence of Political Risk and Its Socio-Economic Ground

I.S. Pyatibratov

Financial University, Moscow, Russia;
Centre for Political Information, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3652-8483>

ABSTRACT

The article considers approaches to the definition of political risk by foreign and Russian authors. The author notes that some of the existing definitions saturate the concept with unnecessary conventions, without which the political risk does not cease to be such. The author proposes an essential definition of political risk. The article also notes that the essence of political risk is revealed only through said risk's analysis. In this regard, the article considers several of proposed methods of analysis of political risk, their strengths and weaknesses. The author concludes that a large number of definitions and approaches to measuring political risk indicates the continuing development of this area, which reflects its relevance.

Keywords: risk; political risk; political risk analysis; country risk; investment; decision-making

For citation: Pyatibratov I.S. The essence of political risk and its socio-economic ground. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2020;10(1):116-120. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-116-120

Вопросом политических рисков и их анализа издавна задавались ученые из разных сфер научного знания — политологи, экономисты, финансисты, социологи и многие другие. Но целенаправленное развитие этой сферы как самостоятельной началось на рубеже 1970–1980 гг., в связи с чередой масштабных кризисов (нефтяное эмбарго 1973 г., революции в Иране и Никарагуа 1978–1979 гг. и др.). В связи с тем что современная экономика по существу глобальна и компании действуют в странах с разными режимами, экономическими системами и культурами, такие исследования являются крайне актуальными.

Зарубежные ученые предлагают множество дефиниций политического риска. Так, В.Ф. Вестон и Б.В. Сордж считают, что «политические риски зарождаются из предпринимаемых органами власти действий, ограничивающих проведение деловых операций, изменяющих условия заключенных соглашений, и ведущих к конфискации собственности иностранных инвесторов» [1].

Д. Джодис предлагает иную формулировку. Исследователь считает, что политический риск — это «изменения в условиях проведения операций иностранными компаниями, возникающими в ходе политического процесса» [2].

Д. К. Эйтман и А.И. Стоунхилл пишут о том, что политическими рисками нужно считать «конфликт между корпоративными интересами и национальными стремлениями» [3].

С. Кобрин, в свою очередь, указывает, что политическим риском являются «непредвиденные обстоятельства, возникающие в политической среде и принимающие обычно форму ограничений» [4].

Таким образом, зарубежные исследователи сходятся во мнении, что политический риск — это вызванные политической активностью препятствия для предпринимательской деятельности.

Некоторые российские исследователи придерживаются того же подхода. Так, И.В. Джус политическим риском считает «такие события в политическом процессе, которые оказывают прямое или косвенное воздействие на деятельность экономических субъектов» [5].

Все эти определения описывают риск как объективную реальность, негативные последствия которой наступят вне зависимости от желания хозяйствующего субъекта.

В то же время российский исследователь И.В. Тихомирова не придерживается такой про-

стой формулировки и дополняет данное утверждение. Она считает, что политический риск — это «вероятность наступления нежелательных последствий при принятии решений, вызванных влиянием политических и социальных факторов, на объекты международного бизнеса, и поиск возможных вариантов стабилизации внутриполитической обстановки в стране» [6]. Таким образом, риск перестает быть независимой от предпринимателя переменной и становится прямым результатом неудачного принятия решения под давлением политических факторов.

Свое понимание политического риска предлагает и А.В. Брега. Он принимает за политический риск «возможность наступления неблагоприятных последствий для социального актора в результате принятия и реализации им политических решений в условиях неопределенности» [7].

При формировании сущностного определения политического риска хотелось бы избавиться его от условностей, без которых риск не перестает быть риском, т.е. сочетанием вероятности и последствий наступления неблагоприятных событий. В связи с этим предлагается следующее определение: *политический риск — это вероятность негативного влияния политических факторов на результаты предпринимательской деятельности.*

Необходимо обратить внимание на тот факт, что понятие политического риска важно исключительно в контексте его измерения, так как абсолютной величиной политический риск не является. В связи с этим для раскрытия сущности политического риска, его социально-экономических оснований нужно проанализировать существующие подходы к его измерению.

В 1998 г. консультант The Rand Corporation Д.Д. Саймон опубликовал статью «Теоретический взгляд на политический риск». В данной работе Саймон дает свою классификацию рисковенных факторов по принципам «прямой-косвенный» и «внутренний-внешний». Автор не прибегает к каким-либо вычислениям, концентрируясь именно на качественном описании. Данная работа интересна тем, что предлагает методiku, основанную полностью на качественной оценке политических факторов риска.

В 1992 г. у американского исследователя Р.Л. Солберга вышла работа «Анализ страновых рисков». В ней Солберг выделяет четыре основных метода анализа политических рисков: субъективный-индивидуальный — исследование на основе опроса одного осведомленного анали-

тика; субъективный-групповой — основанный на опросе нескольких аналитиков; объективный-индивидуальный — основанный на применении статистической информации; объективный-групповой — основанный на межстрановом статистическом анализе (рейтинговании) [8]. Работа интересна тем, что в ней дается вполне адекватная классификация методов анализа политических рисков. Тем не менее данная классификация предлагает некие «чистые» типы, которые не удовлетворяют современным аналитическим потребностям.

В 2004 г. Ш.Х. Бринк выпустила монографию «Измеряя политический риск», в которой представляет обзор существующих методов анализа политических рисков, а также свою методологию, в которой полагается на арифметическое рейтингование [9]. Но многие предлагаемые показатели вытекают из постулата «демократично — значит верно», в связи с чем они как минимум требуют доработки, так как в мире существуют успешно функционирующие государства, основанные не на демократических принципах, например Китай.

В 2007 г. вышла обзорная работа Д.С.Л. Джарвиса и М. Гриффица «Учась летать: эволюция анализа политических рисков». Это очень важная работа для данного направления, так как в ней рассматриваются различные школы анализа политических рисков, а также упорядочивается научное поле данной области. Выделяются три школы: The Catalogue School, в которой политический риск рассматривается как следствие действий государственных органов, влияющих на проведение предпринимательских операций; The System-Event School, которая критикует первую школу за односторонность и утверждает, что страны с разными государственными режимами подвержены разным рискам, и риски генерируются не столько действиями госорганов, сколько самим политическим режимом; Method versus Theory, которая концентрирует внимание не на крупномасштабных теоретизированиях, а на более локальном анализе, соответствующем конкретной задаче [10]. Обратим внимание, что данные подходы не видятся нам взаимоисключающими, а скорее представляют собой различные уровни анализа.

В 2012 г. была опубликована работа профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Ю.И. Матвеевко «Политиче-

ский риск: о некоторых методах и прикладных моделях его анализа и изучения». В ней автор приводит несколько существующих методик анализа политических рисков, использующих метод экспертных опросов. Метод «старых знакомств» строится на сборе отчетов специалистов, знакомых с различными информированными фигурами в стране — объекте анализа. Слабой стороной данного метода является его субъективизм. Метод «больших туров» заключается в посещении группой экспертов страны — объекта исследования для личного общения с информированными людьми. Данный метод имеет тот же недостаток — субъективность. Метод Economic, Social and Political System заключается в предварительном сборе информации о стране — объекте исследования, посещении страны экспертами для уточнения информации и окончательном составлении сценариев развития событий. Недостатками данного метода являются его трудоемкость и дороговизна. Метод Business Environment Risk Intelligence имеет следующую структуру: предварительное выделение 15 факторов, которые могут оказывать влияние на ситуацию; определение веса каждого фактора; анализ показателей экспертами методом Дельфи, в рамках которого они ранжируют факторы и качественно оценивают общую ситуацию в изучаемой стране. Отрицательной стороной данного исследования вновь является субъективность экспертов.

Также Ю.И. Матвеевко приводит ряд эконометрических моделей анализа политических рисков: модель В. Коплина и М. О'Лири, модель Political System Stability Index, модель Ecological Approach. Всех их объединяет то, что расчет уровня рискогенности ситуации строится на анализе статистических данных. Недостатком данной модели является частое отсутствие релевантной информации. Наконец, Ю.И. Матвеевко приводит вариант комбинированного подхода, который совмещает качественные и количественные оценки — метод Futures Group. Сначала специалист разрабатывает «исторический индекс», основанный на оценке частоты случаев дестабилизирующих событий и экономических факторов, негативно сказывающихся на политической ситуации в стране. Затем собираются экспертные мнения о вероятных отрицательных для политической стабильности событиях. Затем данные индексы объединяются. Прогностический функционал данного метода основан на

экстраполяции. Ю. И. Матвеев считает «комбинированный» метод наиболее удачным [11]. Автор согласен в этом с Ю. И. Матвеев, но вынужден отметить, что предлагаемая методика Futures Group слишком много внимания уделяет прогнозированию и предсказанию.

Схожие методы показали, что экстраполяция приводит к ошибочным выводам. Так, компания Geoquant, которая за абонентскую плату предоставляет возможность в реальном времени отслеживать различные политические риски для анализируемых компанией стран, помимо анализа, заявляет также возможность прогноза политических рисков и будущих политических ситуаций (<https://www.geoquant.io>). И по данному направлению она демонстрирует свою слабость. В конце 2018 г. компания выпустила свои предсказания о ключевых событиях 2019 г., где заявила, что на выборах в Украине победит Ю. Тимошенко (https://www.geoquant.io/Geoquant_Year_Ahead_2019.pdf). Факты говорят об иной ситуации: президентом Украины стал В. Зеленский, а Ю. Тимошенко — аутсайдером политической гонки.

В 2014 г. исследователь из Йоркского университета Д. Камписи в своей работе «Пересматривая роль политического риска в неолиберальной эре» пишет, что до сих пор не существует общепринятого понятия политического риска. Более того, автор заявляет, что нет даже общепринятых источников для сбора информации при анализе

рисков. Это привело к существованию большого числа различных, порой противоречащих друг другу индексов. Также автор замечает, что выход исследований такого рода влияет не только на управленческие решения компаний, но также и на политику самих государств. Дело в том, что анализ политических рисков всегда проводится для той или иной компании, а значит, риск — это то или иное неудобство именно для компании. Таким неудобством может быть и законодательство, ставящее на первое место не интересы корпораций, а, скажем, формирование бюджета на социальные выплаты. Эта ситуация негативна для бизнеса, в связи с чем такие действия потенциально ведут к смене вектора развития самого государства. Особенно ярко это прослеживается в странах третьего мира, которые в попытках привлечь иностранный капитал дают западным инвесторам полный карт-бланш, что ведет порой к катастрофическим для социума последствиям [12]. Таким образом, успех бизнеса часто идет вразрез с таким явлением, как общественное благо.

Подводя итоги, можно отметить, что существует целый ряд определений понятия политического риска, что способствует наличию еще большего числа способов его измерения. Это говорит об актуальности исследований в данной области и перспективности ее развития, а также о постоянно продолжающемся научном поиске.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kobrin Stephen J. Political Risk: A Review and Reconsideration. *Journal of International Business Studies*. 1979;10:67–80.
2. Пожалов А. А. Исследования политического риска: история зарождения, становления и развития. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2006;(3):48–63.
3. Kobrin Stephen J. *Managing Political Risk Assessment: Strategic Response to Environmental Change*. Berkeley: University of California Press; 1982.
4. Сморгун Л. В. Государственная политика и управление. Учебник. В 2 ч. М.: РОССПЭН; 2006.
5. Джус И. В. Политические риски: оценка, анализ и управление. М.: ИМЭМО РАН; 2004.
6. Тихомирова И. В. Политический риск и управление социально-политическими процессами. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова; 1992.
7. Брега А. В. Политический риск: проблемы анализа и управления. М.: Планета-Копир; 2005.
8. Solberg R. L. *Country-Risk Analysis*. Routledge; 1992.
9. Brink C. H. *Measuring political risk*. Routledge; 2004.
10. Jarvis D. S., Griffiths M. Learning to Fly: The Evolution of Political Risk Analysis. *Global Society*. 2007; 21(1):5–21.
11. Матвеев Ю. И. Политический риск: о некоторых методах и прикладных моделях его анализа и изучения. *Социология власти*. 2012;(1):147–158.
12. Campisi J. Reconsidering the Role of Political Risk in the Neoliberal Era. 5th ECPR Regulatory Governance Conference; 2014. URL: <http://reggov2014.ibeio.org/bcn-14-papers/63-86.pdf> (дата обращения: 28.12.2019).

REFERENCES

1. Kobrin Stephen J. Political Risk: A Review and Reconsideration. *Journal of International Business Studies*. 1979;10:67–80.
2. Pozhalov A.A. Studies of political risk: the history of origin, formation and development. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 2006;3:48–63. (In Russ.).
3. Kobrin Stephen J. *Managing Political Risk Assessment: Strategic Response to Environmental Change*. Berkeley: University of California Press; 1982.
4. Smorgunov L.V. State policy and management: Textbook. In 2 vols. Moscow: ROSSPEN; 2006. (In Russ.).
5. Dzhus I.V. Political risks: assessment, analysis and management. Moscow: IMEMO RAN; 2004. (In Russ.).
6. Tikhomirova I.V. Political risk and management of socio-political processes. The author's abstract of candidate of political sciences dissertation. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1992. (In Russ.).
7. Brega A.V. Political risk: problems of analysis and management. Moscow: Planeta-Kopir; 2005. (In Russ.).
8. Solberg R.L. *Country-Risk Analysis*. Routledge; 1992.
9. Brink C.H. *Measuring political risk*. Routledge; 2004.
10. Jarvis D. S., Griffiths M. Learning to Fly: The Evolution of Political Risk Analysis. *Global Society*. 2007; 21(1):5–21.
11. Matveenko Yu.I. Political risk: some methods and applied models for its analysis and study. *Sotsiologiya vlasti*. 2012;1:147–158. (In Russ.).
12. Campisi J. *Reconsidering the Role of Political Risk in the Neoliberal Era*. 5th ECPR Regulatory Governance Conference; 2014. URL: <http://reggov2014.ibeio.org/bcn-14-papers/63-86.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иван Сергеевич Пятибратов — аспирант Департамента политологии и массовых коммуникаций; Финансовый университет; аналитик Центра политической информации, Москва, Россия
pyatibratovi@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ivan S. Pyatibratov — post-graduate student, Department of Political Sciences and Mass Communications; Financial University; Analyst at the Center for Political Information, Moscow, Russia
pyatibratovi@gmail.com

Статья поступила 10.12.2019; принята к публикации 25.12.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.12.2019; accepted for publication on 25.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

**Рецензия на книгу Жака Рупника
«Средняя Европа как двуглавая птица:
о чешском прошлом и настоящем».**
Прага: Novela bohémica; 2018. 430 стр.
(на чешском языке)

**Book Review Jacques Rupnik “Central Europe
is like a Bird With Double-Headed:
about the Czech Past and Present”.**
Praha: Novela bohémica; 2018. 430 p.

Жак Рупник (Jacques Rupnik) — французский политолог чешского происхождения, специалист по Евросоюзу и политической истории Центральной Европы, профессор Института международных отношений в Париже, советник президента В. Гавела — впервые представил тексты разных лет, посвященные анализу причин и следствий значимых политических событий истории Чехии в общеевропейском контексте, на чешском языке.

Автор критически анализирует нумерологический миф о судьбоносных для чехов дат XX столетия, которые оканчиваются на цифру 8 (здесь можно вспомнить и более раннее событие 1618 г. — чешское восстание против императора Фердинанда II, положившее начало Тридцатилетней войне). В 1918 г., как результат распада Австро-Венгрии, возникло государство Чехословакия, в 1938 г. в Мюнхене Франция, Великобритания, Италия санкционировали территориальный передел Чехословакии — гитлеровская Германия присоединила Судетскую область, населенную преимущественно немцами. В 1948 г. внутрисоветский кризис привел к формированию просоветского режима (при полном отсутствии советских войск на территории Чехословакии!), после чего Чехословакия на 40 лет вошла в лагерь социалистических стран. В августе 1968 г. войска стран Варшавского договора вошли в Чехословакию для предотвращения политики построения «социализма с человеческим лицом» (аналога перестройки М. С. Горбачева), что привело к консервативному курсу «нормализации» Г. Гусака. *Annus mirabilis*, 1989, когда рухнули коммунистические режимы

стран Восточной Европы, запоздал на один год. Здесь следует сделать ремарку — чешские авторы настаивают на локализации Богемии и Моравии в Центральной Европе, а Восточной Европой они называют Украину, Беларусь, Россию. Ж. Рупник дополняет цитату Тимоти Гартон Эша (Timothy Garton Ash) о динамике событий: «Польша — 10 лет, Венгрия — 10 месяцев, ГДР — 10 недель, Чехословакия — 10 дней, Румыния — 10 часов, Албания — 10 минут». Следует отметить, что после годовичного сбоя магическая восьмерка в истории чехов больше не повторялась, хотя происходили такие события, как распад Чехословакии (1993), вхождение в НАТО (1999), вступление в Евросоюз (2004).

Автор показывает, что чешский национализм XIX в., как и у других народов Центральной и Восточной Европы, был связан с традиционализмом — поиск идентичности в переосмысленной истории (в том числе явно мифологизированной), обращение к родному языку (пятитомный чешско-немецкий словарь 1835–1839 гг. ректора Карлова университета Й. Юнгмана (J. Jungman), оживление гуситской традиции в религии в противовес официальному католицизму германоязычной элиты. Чешское возрождение (*obrozeny*) неизбежно отталкивалось от немецкой культуры, которая была доминантной не только среди элиты, но и в средних городских слоях, университетах. Взаимоотношения чешской и немецкой культуры историк Ф. Палацкий (F. Palacký) метафорически охарактеризовал как “*Stykany a potykany*” (контакты и борьба).

Обращается внимание на нелинейность карьерной траектории основателя Чехословацкого государства, философа и социолога Т. Масарика

(Т. Masaryk), который ради истины шел на непопулярные поступки. В частности, доказал поддельность старочешских рукописей, защищал в суде Л. Хилснера, обвиненного в ритуальных убийствах католических девушек (1899). За это «чешские патриоты» назвали будущего отца нации «врагом народа» и «продавшимся немцам». Т. Масарик считал Чехию/Чехословакию ветвью европейской цивилизации, которая созрела для социал-демократии. Россию и СССР он рассматривал как евразийскую цивилизацию, наследницу византийской традиции (авторитаризм, бюрократия, этатизм) и в духе российских меньшевиков считал, что в стране Советов нет предпосылок для социалистического общества.

Ж. Рупник указывает на парадоксальное отношение коммунистического режима Чехословакии и самих чехов к институту церкви. Католицизм воспринимался как религия немцев, подавивших гуситское движение в 1434 г. и протестантов в ходе Тридцатилетней войны в 1620 г. После 1948 г. католическая церковь подверглась репрессиям, священники отстранялись от приходов, отправлялись в лагеря, эмигрировали, имущество конфисковалось государством. Новая католическая иерархия была тесно связана с органами безопасности и использовалась в 70–80-х гг. XX в. для пропаганды в международных гуманитарных организациях. Но именно католицизм, по аналогии с Польшей, стал притягательной силой для диссидентов и религиозного возрождения. Автор предполагает, что обращение к религии в поисках смысла жизни в 70–80-х гг. было обусловлено сочетанием роста уровня жизни с духовным вакуумом коммунистического режима. Напротив, протестантские общины — Чехословацкая гуситская церковь, Евангелическая церковь чешских братьев — с 1948 г. активно сотрудничали с коммунистами, разрабатывали теологию христианского социализма. В целом опросы в Евросоюзе показывают, что Чехия наряду со Скандинавскими странами является одним из наиболее атеистических государств.

Ж. Рупник сравнивает революционные события французской и пражской весны 1968 г., когда молодежь выступила главной движущей силой протестов, однако цели и мотивы протестов были различны. Во Франции критиковались потребительское общество, представительная демократия и буржуазность, популяризировались левацкие идеи Че Гевары, Мао, вьетнамских коммунистов. В Чехословакии критиковались экономика дефицита, авторитаризм и коммунистическая идеология, предлагалась идея конвергенции капитализма

и коммунизма как третьего пути, создание единой Европы (предвосхищение идей 1989 г.). Автор приводит цитату самого известного современного чешского писателя М. Кундеры (M. Kundera): «Парижский май был взрывом революционного лиризма, пражская весна была взрывом постреволюционного скепсиса». Различна была судьба лидеров бунтарей: во Франции они влились в политический и культурный истеблишмент, в Чехословакии были отстранены от должностей, лишены права заниматься профессиональной деятельностью, маргинализировались во внутренней эмиграции или выехали за границу.

Ж. Рупник анализирует причины «бархатного развода» (*sametový rozvod*) Чехии и Словакии 1 января 1993 г., который обошелся без единого выстрела и без единого разбитого окна при том, что большинство чехов и словаков были против разделения страны (в июне 1992 г. против разделения высказались 81% чехов и 63% словаков). Словацкие элиты требовали суверенитета, чтобы получить больше экономических выгод в рамках федерации, а чешские элиты «поймали их на слове» и согласились на развод с «неблагодарными опоздавшими», которые получали дотации из Праги. Две части некогда единого государства оказались в тот период в разных фазах демократического транзита по Линцу-Степану (Linz–Stepan): Чехия вступила в фазу «демократической консолидации», где демократические правила приняты всеми политическими акторами, а Словакия отошла от классического транзита и перешла к авторитарному режиму.

Автор называет следующие причины для «бархатного развода»:

- Чехия со времен Габсбургов была наиболее экономически развитой территорией Австрии, а Словакия была аграрным регионом, ориентированным на Венгрию. Словаки указывали на подмену федерализма чешским централизмом в 1918–1938, 1948–1968 гг., а чехи — на предательство 1938 г. (создание Словацкого государства под патронажем гитлеровской Германии) и 1968 г., когда пражская весна была подавлена силами войск ОВД с помощью словацких «нормализаторов» Г. Гусака (G. Husák) и В. Биляка (V. Biľak). В 1992 г. чехи назвали в качестве героев отечественного пантеона Т. Масарика, Карла IV (Karel IV), Я.А. Коменского (J.А. Komenský), Я. Гуса (J. Hus), а словаки выбрали ученого и военного начала XX в. М.Р. Штефаника (M. R. Štefánik), идеолога словацкого возрождения XIX в., участника

революции в Венгрии Л. Штура (L. V. Štúr), коммунистического лидера пражской весны А. Дубчека (A. Dubček), католического священника и создателя националистической партии А. Глинку (A. Hlinka). Еще более выдающиеся периоды в истории наций. Чехи выбрали правление Карла IV (1346–1378), первую республику (1918–1938), словаки предпочли годы коммунизма (1948–1989) и самостоятельного Словацкого государства (1939–1945).

- Для чешской элиты «развод» был политической потерей и экономическим приобретением, для словацкой элиты — политическим приобретением и экономической потерей, при этом к 1992 г. уровень различия социально-экономического развития двух территорий был наименьшим за всю историю.

- Федерация как форма территориального устройства рухнула во всех социалистических странах — ЧССР, СССР, Югославии — и ассоциировалась с неудавшимся социалистическим проектом.

- Лидеры ведущих партий, чех В. Клаус (V. Klaus) и словак В. Мечьяр (V. Mečiar), принципиально расходились в вопросах скорости и глубины рыночных реформ, принятия закона о люстрации, международного представительства субъектов федерации.

Ж. Рупник анализирует причины смены правящей группы в Чехословакии в 1992 г., когда бывшие диссиденты-правозащитники из Гражданского форума В. Гавела (V. Havel) с его идеей «неполитической политики»/«моральной политики» уступили место праволиберальным технократам В. Клауса из Гражданской демократической партии (ODS) с идеей монетарных реформ. В. Гавел прожил три социальные роли: драматург, диссидент, президент, причем диссидентские идеи группы «Хартия-77» не разделялись подавляющим большинством граждан Чехословакии. В. Гавел объяснял понятие «посттоталитаризм» как диктатуру в обществе массового потребления, где гражданин выбирает конформистские стратегии адаптации и ассимиляции под угрозой утраты социального статуса и материальных благ. В посттоталитаризме гражданин представляет собой одновременно жертву и соучастника режима независимо от занимаемой должности. Политический капитал В. Гавела базировался не на причастности к какому-либо институту, а на моральном авторитете автора «Власти безвластных» (Moc bezmocných) и «Писем к Ольге» (Dopisy Olze). В. Гавел верил, что изменить поло-

жение народа можно, только изменив сознание, сделав его этикоориентированным и бесстрашным в отстаивании правды. Этого оказалось достаточно, чтобы опрокинуть падающий режим, но мало, чтобы руководить государством.

Ж. Рупник доказывает, что коммунизм для чехов был не навязанной чуждой идеологией, а вполне органическим продуктом и собственным выбором. Чешский путь он метафорически называет «национальной и ненасильственной дорогой к сталинизму». К 1948 г. коммунистическая партия пользовалась поддержкой как минимум трети избирателей, она позволяла представителям рабочего класса пополнять ряды чиновников, групп работников умственного труда, выступая значимым каналом вертикальной социальной мобильности. Всего с 1948 по 1989 г. в партии состояли более 6 млн человек. В отличие от Польши и Венгрии, в Чехословакии произошла глубокая ротация интеллектуалов, досоциалистические интеллектуалы были маргинализированы и заменены выходцами из рабочего класса в течение двух волн чисток 1948 и 1968 гг. Сильные традиции социалистического равенства первой республики наложились на травму Мюнхенского сговора. Чешские реформаторы 1968 г. искали ответы в рамках неомарксизма, поскольку данный дискурс представлялся им самым естественным. В настоящее время в парламенте действует Коммунистическая партия Чехии и Моравии, которая подчеркивает необходимость защиты завоеваний социализма.

Ж. Рупник подсчитывает баланс политики «нормализации» Г. Гусака (1969–1989). В 70-е гг. Чехословакия показывала хорошие темпы экономического роста, что позволило ей стать «витриной социализма» и создать некий прообраз социалистического потребительского общества. Был заключен молчаливый общественный договор с обществом — повышение уровня жизни в обмен на политическое неучастие. Чехословакия тесно интегрировалась в Союз экономической взаимопомощи (СЭВ) (77% торгового оборота), что привело к увеличению технологического отставания от ведущих стран Запада. Одновременно ЧССР не имела внешней задолженности, наоборот, выступала кредитором других стран.

В культурной сфере разнообразию 60-х гг. был положен конец, из партии было вычищено полмиллиона членов, которые лишились своих должностей. Запрет на профессию и угроза маргинализации детей подавили оппозицию — данная тактика была названа философом М. Шимечкой (M. Šimečka)

«цивилизованное насилие». В противовес официальной культуре появилась параллельная культура в форме самиздата, андеграунда, религиозных обществ, которые получали поддержку извне.

Ж. Рупник также акцентирует внимание на том, что от «нормализации» выиграл словацкий средний класс, который стал занимать вакантные должности на федеральном уровне в Праге, а в целом Словакия получила щедрый «инвестиционный дождь» в благодарность за лояльность коммунистическому режиму.

Затрагивает автор и «острую» тему депортации (odsun) 2,5 млн судетских немцев в 1945–1946 гг., в ходе которой погибли около 30 тыс. человек; было конфисковано имущество. В. Гавел в 1989 г. извинился за депортацию, что не нашло поддержки в чешском обществе, поскольку там продолжает господствовать представление о «коллективной вине» немцев, а также как справедливый рассматривается польский опыт расширения западных границ с депортацией немецкого населения. С позиции философа-гуманиста В. Гавела, чехи были неправы (эту точку зрения поддержали бывшие диссиденты), с позиции большинства чешского народа — депортация по декретам президента Э. Бенеша (E. Beneš) была справедливой мерой в отношении этнической группы, которая способствовала оккупации Чехословакии в 1938–1939 гг. В 1999 г. Европарламент призвал Чехию отменить декреты Э. Бенеша как не соответствующие демократическим принципам, однако чешские элиты на это не пошли. В частности, премьер-министр М. Земан (M. Zeman) в 2002 г. назвал судетских немцев «пятой колонной» и рекомендовал Израилю использовать чешский опыт для решения палестинской проблемы. Совместная чешско-немецкая комиссия историков работает над выявлением фактов и разрушением мифов, в частности, над недопущением квалификации депортации судетских немцев как геноцида и аналога холокоста.

В последних разделах книги автор анализирует постсоциалистическое развитие Чехии. Он подчеркивает, что выход из советского блока в 1989 г. сменился вхождением в новый блок (Евросоюз) в 1999 г., где существуют свои проблемы развития национального государства и обеспечения безопасности. Всплеск националистического популизма в Австрии, Баварии, Северной Италии автор связывает с феноменом «альпийского популизма», когда богатые не хотят делиться с более бедными регионами (в 30-е гг. именно на этих территориях

был успешен фашизм и национал-социализм, апеллировавший к неудачникам рыночной экономики и жертвам кризиса). Европейские популисты делят общество на невинный народ и виновные корумпированные элиты, выступают за приоритет прямой демократии (референдумы) против дискредитированного представительства, признают демократию без открытости мигрантам и диктата брюссельской бюрократии. Для выяснения причин расцвета популизма в Евросоюзе Ж. Рупник прибегает к концепции Д. Родрика (D. Rodrik), который в 2011 г. предположил концепт «парадокс глобализации» — невозможность одновременного сосуществования трех элементов: демократии, глобального рынка, национального государства. Популисты предлагают вариацию «национальное государство в глобальном рынке», что находит крайнее воплощение в России, Китае, Турции.

Автор анализирует деятельность трех лидеров чешского популизма: М. Земана, Т. Окамуры (T. Okamura) как представителей националистического популизма (против мигрантов) и А. Бабиша (A. Babiš) как представителя предпринимательского популизма (управлять страной как фирмой без коррупции и не отделять общественные интересы от частных). Все три лидера «продают» на рынке свой неподражаемый имидж, добиваясь признания избирателей не столько программами, сколько оригинальностью на грани экстравагантности. Традиционные партии и идеологии находятся в глубоком кризисе. Ж. Рупник сравнивает оксюморон «страны социалистической демократии» с решением Евросоюза о квотах по размещению беженцев в странах Центральной Европы — «гибкая солидарность» (да — субсидиям Евросоюза, нет — приему беженцев). Ж. Рупник делает итоговый вывод о том, что страны Центральной Европы достигли поставленных в 1989 г. целей: демократия, рыночная экономика, интеграция в Европу. Теперь по модели М. Вальцера (M. Walzer) о «парадоксе освобождения» 2016 г. на смену лидерам-модернизаторам и освободителям через 25–30 лет приходят консервативные националисты. Либеральный цикл закончен и весьма вероятен общеевропейский сценарий венгерского премьер-министра В. Орбана (V. Orbán): «В 1989 г. мы думали, что Европа — наше будущее, сегодня кажется, что мы — это и есть будущее Европы».

*Рассторгуев Сергей Викторович, профессор
Департамента политологии и массовых
коммуникаций Финансового университета*